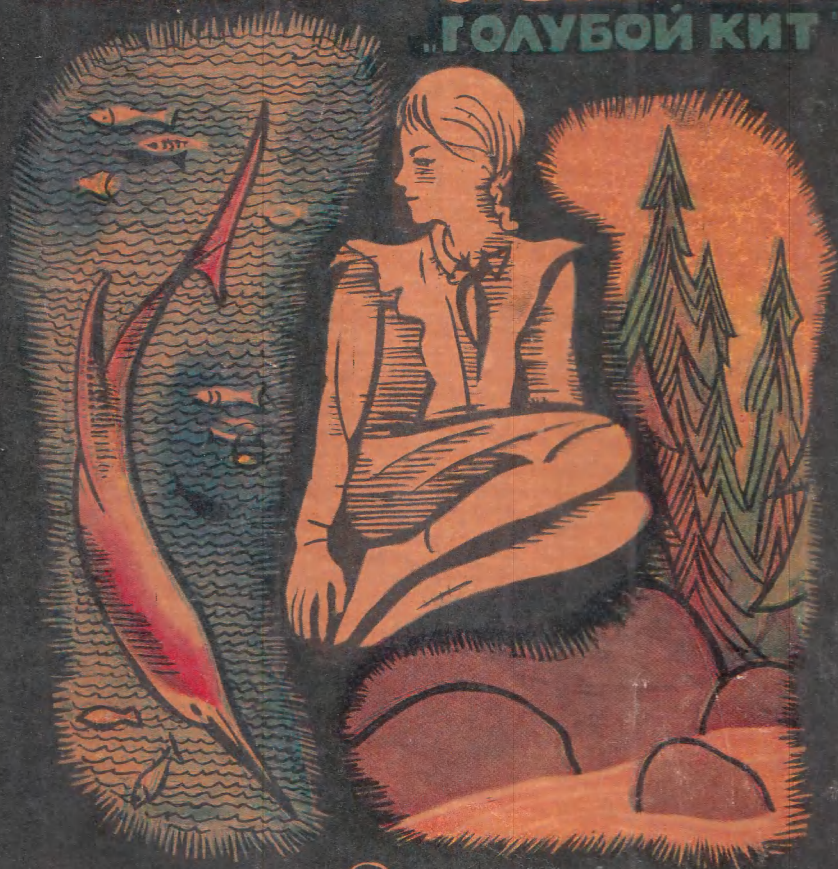
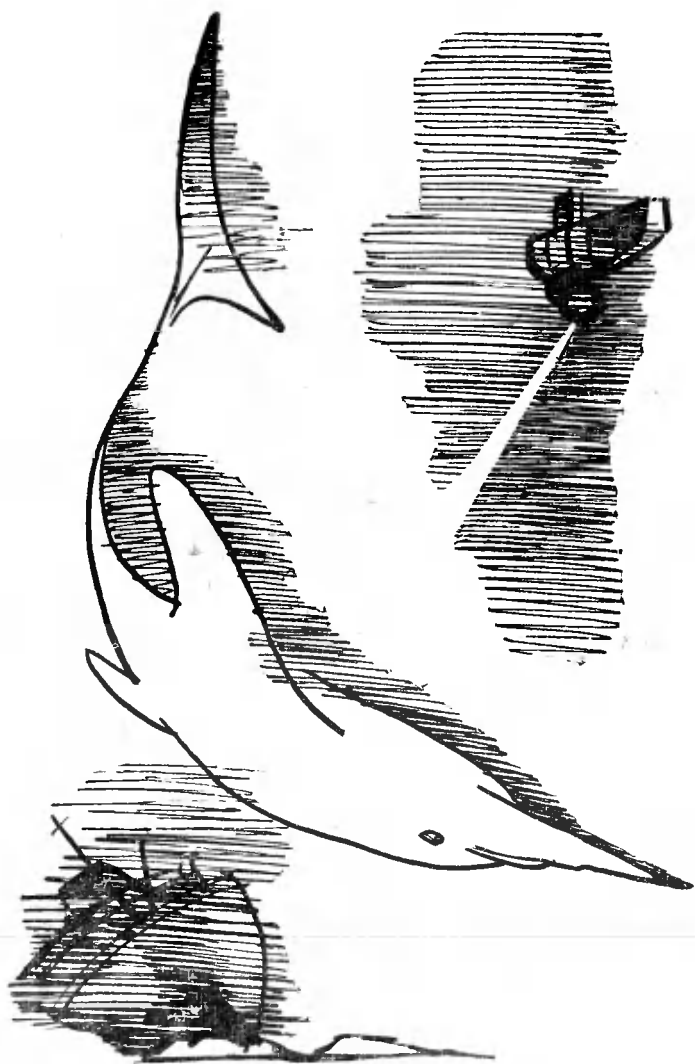

АЛЕКСАНДР МИРЕР

СУБМАРИНА
„ГОЛУБОЙ КИТ“

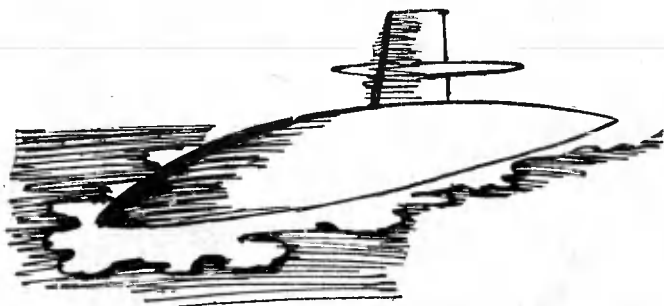

АЛЕКСАНДР МИРЕР

СУБМАРИНА „ГОЛУБОЙ КИТ“

Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» Москва 1968

Р 2

М 63

Рисунки
Е. Бачурина

7—6—3

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ДВОЕК

1 После уроков к Кате подошла Тося Матвеева и загнала ее в угол между бюстом Ушинского и глянцевым фикусом. Тося была решительная, рыжая и легко краснела. Когда она краснела у доски, физичка Дора Абрамовна говорила: «Пожар!..»

Загнав Катю в угол, Тося покраснела и выпалила:

— Гайдученко, ты получила пятерку!

Возражать было трудно. Катя действительно получила пятерку у новой физички Доры Абрамовны, не считая пятерки по химии, и все это за один день.

Возражать было очень трудно. Прежний учитель физики уехал, и целых четыре недели физики не было совсем. На пятой неделе, когда седьмой «Б» опять приготовился со вкусом провести пустой урок, пришел завуч. Класс встал в печальной тишине. Завуч привел с собой Дору Абрамовну, и приятная жизнь кончилась навсегда. Кругленькая седоватая учительница неторопливо и вежливо проводила завуча до двери, сказала:

— Прекрасно! — и неторопливо уселась за свой стол.

Она говорила тихо. Так тихо, что никто не решался разговаривать — даже шепотом. Она смотрела на каждого такими спокойными глазами, что многие поняли сразу: с ней шутки будут плохи. А кто не понял сразу, тот понял через пятнадцать минут.

Сначала Дора Абрамовна сделала переключку. Закрала журнал, а сверху положила очки. Без очков ее глаза стали меньше, но остались пристальными и такими, будто она видит, что у каждого за спиной.

— Березовский, что было задано на прошлом уроке?

Березовский встал с ужасным грохотом, а Тося Матвеева пискнула синичьим голосом, потому что новая учительница вызывала Березовского, глядя прямо на Березовского, а не на Баландину или на кого-нибудь еще на букву «б» или другую букву алфавита!

Конечно, Березовский не помнил, что было задано на прошлом уроке — пять не-

дель назад то есть. И Дора Абрамовна посадила его и сказала очень тихо:

— Прекрасно... — а потом: — Тогда вы, Матвеева.

Тося даже не покраснела, так она была изумлена странным поведением новой учительницы. Вы только подумайте, последний урок был, когда еще о ледоходе не думал никто, а сейчас все без пальто бегают! И надо помнить, что было задано на то-о-ом уроке!

— Садитесь, Матвеева... — сказала Дора Абрамовна. — Может быть, Садов помнит?

Так она спросила человек десять, и все не открывая журнала, и никто не помнил, естественно, что было задано на том уроке. Зато все запомнили, что Дора уже знает их всех в лицо и по фамилии. Но саму Дору Абрамовну ничто не могло пронять. Даже общее восхищение ее памятью. Она подняла очки с журнала и вызвала по алфавиту всех. От Аленького до Яковлевой. Тихим голосом.

И всем поставила два. Кроме Кати Гайдученко.

Поначалу никто не испугался. Все думали, что новая учительница только делает вид, что ставит в журнал двойки. Но после повторения пройденного, перед самым звонком, Дора Абрамовна предупредила, обводя класс выпуклыми глазами:

— Предупреждаю... Тем, кто получил двойку, не приходится рассчитывать на хорошую оценку за четверть. Тройка, не более.

Получалось так, что весь седьмой «Б» получит за четверть тройку по физике! Правда, кроме Гайдученко.

Затиснутая в угол, между Ушинским и фикусом, Катя в тысячный раз вспомнила этот несчастный день, когда она совершила две ошибки. Первая — сдуру призналась, что помнит заданное бывшим физиком Иван Ивановичем, уехавшим в Новосибирск. Вторая — что она обещала перед всем классом получить двойку по физике и сравняться со всеми: чтоб у всех было по двойке. И тогда Доре придется эти двойки аннулировать. Так выразился Толя Шведов, классный умник и стратег.

Витька Аленький утверждал, что Катя влюблена в Тольку.

Неправда!

Но болтовня Аленького не имела отношения к Катиним мукам. Дора появилась месяц назад. Прошло с тех пор целых восемь уроков физики и еще три дополнительных. Она получила еще две пятерки, а двойки получить не удалось ни одной.

— Ну, Гайдученко? — спросила Тося голосом завуча Шахназарова. — Ну, Гайдученко, что будем делать? Гайдучен-ко!

Катя невольно засмеялась. Тося стала красной, как снегирь.

— Так я и знала, что ты забоишься, Катька!

— Неправда! — сказала Катя.

Обычно этого хватало. Если Катя говорила свое «неправда», никто обычно возразить не смел, чтобы не схлопотать леща или тычка. Но чаша терпения класса переполнилась, как сказал тот же Шведов. А Тося Матвеева всегда первой показывала, в каком состоянии находится эта самая чаша. Тося не отступила ни на шаг и только пожала плечами.

— Неправда? Не боишься? А почему ты сегодня не сказала, что вот урока не знаю и ставьте мне двойку? Почему? Зубрила!

Приходилось вступать в переговоры. Под фикусом, какучуконосным деревом, доставленным на Урал неведомо откуда. Кажется, из Южной Америки.

— Ну хорошо, — сказала Катя, — побоялась. А ты бы не побоялась Доре соврать, когда она смотрит? — Катя

показала, как Дора смотрит настойчивыми неблестящими глазами.— Говори, так или не так?

Тося поймала свой рыжий локон, пожевала веснущатыми губами.

— Ну, предположим. А зачем ты зубрила? Обещала физику не учить? Обещала?

— Антониушка,— сказала Катя проникновенно,— физику-то я не учила вот ни настолечко. Я так запомнила, на уроке.

— Зако-о-он Кирхгофа? Запомнила? Ну уж нет... Согласись, что врешь! — Тоське очень понравилось слово «согласись», и она совала его ни к селу ни к городу.

— А ты согласишься, что Дора отлично объясняет.

— Ну, соглашусь. Она же доцент! — сказала Тося и с уважением посмотрела вверх, на третий этаж — в учительскую.— Но все равно закон Кирхгофа запомнить без зубрежки невозможно.

Катя тоже не знала хорошенько, кто такой «доцент». Помладше профессора, кажется. Всех в школе прямо потрясло, что доцент Салтанова, преподаватель института, начала еще учить и в школе. «Говорит, что невыносимо скучает по детям, удивительно!» Это Катя подслушала, когда относила в учительскую сумку, забытую географичкой.

— Она замечательно объясняет! — оправдывалась Катя.— Невольно запоминаешь, совершенно невольно! Помнишь, как она сказала про фикус? Что он — каучуконос и из него делают резину для изоляции?

Тося потрогала крепкий лист и сказала плаксиво:

— Да-а, мне бы твою па-амять...— но тут же справилась со своей минутной слабостью.— Вот что, Гайдученко. На следующем разе — контрольная. (Катя сдержалась, не поправила «в следующий раз».) Контрольная!.. Ты ее напишешь на двойку. Понятно?

— Понятно,— мрачно сказала Катя.

Возразить было нечего. Из школы Катя пошла одна-одинешенька.

Она прошла через школьный участок и, постепенно прибавляя шаг, миновала новые дома — высокие, вкусного кремового цвета — и побежала вниз, к оврагу, по деревянным тротуарам. Здесь начинался старый город,

строенный из кедра и ели, с крытыми дворами и сарайчиками на столбах. Во дворах, под щелястыми крышами, задыхались от злости собаки. Катя говорила всем собакам по очереди: «Ну, песик, что ты!..» Собаки словам не верили и грозились поймать и разорвать на части. Почти такими же неговорчивыми были здешние мальчишки. Уборщица тетя Паня называла их непонятно, зато выразительно — «оторвыши». Этих белоголовых сероглазых мальчишек со странным окающим говором влекло к институтскому городку так сильно, будто они — железные светленькие опилочки, а институт — постоянный магнит. И тем сильнее и ревнивее они отстаивали свои права старожилов-уральцев против всех понаехавших из Москвы, Киева и других столичных городов. Мальчишкам из Катиной школы не стоило показываться в старом городе — не стоило, и всё. Девчонок здесь не трогали. Но и друзей здесь у Кати не было. И шла она не в гости, а к речке, протекавшей через старый город, по Зимнему оврагу и дальше, в тайгу, мимо бетонного забора института. Там берег обрывался отвесно и лежали большие камни прямо посреди речушки. Большие светлые каменья, глыбы песчаника, твердого, если об него стукнуться, и мягкого, если поцарапать его железом. Бабушка Таня называла их «скельки», то есть скалы, по-украински. Катя про себя говорила: «Пойдем-ка мы на скельки».

Это было хорошее место. Мальчишки сюда не забредали. Рыбачить они ходили вверх по реке, на Верхние Камни. А тут были Нижние Камни, и прямо к обрыву выходили квадратные столбы институтского забора, и желтоватая глинистая вода журчала между скельками. Сиди и думай. Или прыгай с глыбы на глыбу. Сегодня не было настроения прыгать, а было настроение думать.

Катя пробралась на середину реки. Залезла на Полудыньку — глыбу, похожую на половину дыни, — уселась на портфель. Не только для удобства. Весной был случай: она задумалась и уронила портфель в воду.

Теперь можно было подумать о физике, о контрольной и о делах вообще. Дела были грустные. Двойки за контрольную Катя не боялась, если брать двойку как самостоятельное явление. Она с удовольствием повторила про себя: «Двойка как самостоятельное явление». Значит, са-

ма по себе плохая оценка — чепуха. Но мама и бабушка Таня в особенности не привыкли к тому, чтобы их дочь и внучка получала плохие оценки. К пятеркам они привыкли, а не к двойкам.

— И зачем я их так избаловала? — спросила Катя.

НЕГР С ЭТИКЕТКИ

2 Вдохнув, Катя посмотрела на камни. Они были светлые поверху и темные в воде. Под самой Полудынькой неподвижно стоял, работая хвостом против течения, щуренок. Солнце еще светило в овраг, и горячий воздух дрожал, поднимаясь от камней. За забором простучали крепкие шаги — сменялась охрана. И вдруг...

И вдруг дрожащий воздух побелел, как молоко, и задрожал еще сильнее. Неприятно заныло под ложечкой и стало совсем ничего не видно — ни камней, ни солнца, ничего, совсем-совсем ничего: светло, и ничего не видно.

«Ну и туман!» — пробормотала Катя, таращась в светлую темноту. Ей показалось, что туман приподнял ее над камнем.

Она схватилась за портфель. Портфеля не было.

Катя пискнула: «Мама!» Туман ответил гулким вздохом. И она очутилась в комнате. В чужой комнате.

Она стояла посреди комнаты, закрыв глаза. Огляделась и поскорее опять зажмурилась. Но так оказалось еще страшнее: стоять и ждать. «Я просто заснула. Странный сон! Так можно и в воду упасть», — подумала Катя и приоткрыла один глаз. Прямо перед глазом сверкнуло что-то блестящее, золотисто-коричневое, с цветными пятнами. Похожее на огромную коробку шоколадных конфет. Ресницы мешали смотреть, и она открыла второй глаз.

Перед ней было сложное сооружение из коричневого дерева, блестящих латунных труб и зеркал. Высокий деревянный барьер, весь полированный, как гардероб, отгораживал трубы и зеркала от комнаты, а перед барьером

стояли в ряд высокие табуретки. Круглые, выпукло обшитые красной кожей с черным узором.

«Это винный магазин», — подумала Катя, потому что по всей высоте стены за барьером, на фоне зеркал, стояли бутылки. Сотни бутылок! Длинные и узкие, пузатенькие, квадратные и многогранные, черные и прозрачные, но все с яркими этикетками и иностранными надписями. Кроме того, на самом барьере стояла квадратная большая бутылка — отдельно, как генерал перед строем войск. На пламенно-розовой этикетке был изображен толстый белозубый негр, а под негром была английская надпись. Катя прочла: «Rum Jamaica».

Непонятный сон с бутылками, смеющимся негром и «Рам Джамайка».

Катя знала, что все люди в подобных случаях щипали себя за руку. Чтобы убедиться, сон или не сон. А ну...

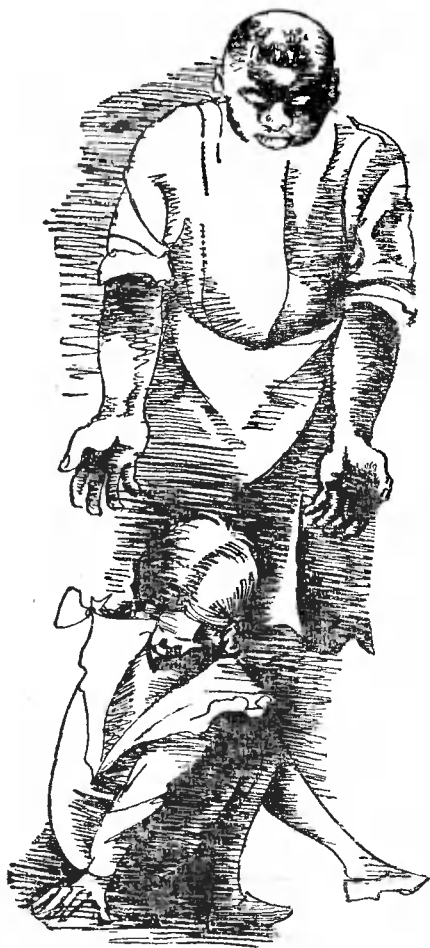
Щипок вышел крепкий, но сон продолжался. Толстый негр смотрел на Катю насмешливо. Она поскулила: «Ой-ой-ой-о-ой-й!» Затем топнула ногой и подергала себя за косичку.

Все было напрасно. Никакие меры не действовали.

Тогда Катя решила, что глупо стоять и смотреть на бутылочное войско, и решительно повернулась к нему спиной.

Комната была отличная. Мама сказала бы: «Мечта!» Папа, конечно, не обратил бы внимания, а просто уселся в кресло с «Нейчер» или другим ученым журналом в руках. А Кате очень понравилось длинное низкое окошко во всю стену, и низкие кресла, и столики с большими фарфоровыми чашками на каждом. На серых — нет, на серебристо-серых стенах висели яркие картины, изображавшие не-

известно что. А па полу лежал огромнейший ковер, мягкий, как подушка, и шагов не было слышно. Как во сне.

Она бродила от стены к стене, рассматривая картины. Кругом все было тихо. Воздух теплый, свежий, с запахом табака и хвои. Перед окном по траве гулял важный скворец. Катя подошла и стукнула ногтем по стеклу. Скворец не обратил на нее внимания. Он гулял с большим достоинством. Она постучала еще. Скворец как бы невзначай повернулся спиной к окну. «Какой задавака!» — проговорила Катя и вдруг поняла, что в комнате кто-то есть, кроме нее. Она повернулась так быстро, что коса ударилась о стекло. Ой! Негр с этикетки стоял перед барьером.

Толстенный - здоровенный негр в белом костюме и синем фартуке смотрел на Катю. Улыбку он оставил там на этикетке.

Катя прижалась спиной к стеклу. Крик застрял в ее горле — так стало страшно!

Страшнее всего — бутылка с тем негром исчезла с барьера, а стакан, стоявший рядом, остался!

Негр покачал головой и заговорил по-английски. Катя ничего не поняла с перепугу и еще потому, что он говорил быстро, сливая слова.

Но приходилось отвечать.

— Good morning, sir. Repeat, please, what have you said,— сказала она, что значило: «Здравствуйте, сэр. Пожалуйста, повторите, что вы сказали».

— Как сюда попала юная леди? — переспросил негр с этикетки. Правую руку он прятал за спину.

— Мне тоже хотелось бы знать об этом,— ответила Катя с отчаянием.— Я очень сильно удивлена.

— О-а! — сказал Негр, покачивая огромной круглой головой.— Маленькая мисс не похожа на воровку, но мне придется вызвать полицию.

Тогда Катя наконец заплакала. Она презирала плакс, и все равно из глаз посыпались слезы. Этого никто бы не вынес! Согласитесь — никто! Ведь только что она сидела на Полудыньке! Что случилось, что же такое случилось? И еще — полиция!..

Она постыдно ревела, прикрываясь рукавом. Негр заметно растерялся — Катя следила за ним поверх рукава — и вытащил правую руку, спрятанную за спиной. От изумления Катя перестала реветь. Вот куда пропала бутылка «Рам Джамайка» — негр прятал ее, а сейчас вытащил и отхлебнул прямо из горлышка, закатил глаза и причмокнул. Он мастерски закатывал глаза, как кукла, если отломить грузик, подвешенный к ее закрывающимся глазам... Глаза закатывает! А она стоит здесь, и ее хотят сдать в полицию!

Негр присел перед ней на корточки, обтянул фартук вокруг колен. Маленький его двойник смеялся на розовом квадрате этикетки.

— Как попала мисс в такую нехорошую компанию? — задумчиво спросил Негр.

— Не знаю! — всхлипывала Катя.— Я не знала, что вы — плохая компания, я сюда не хотела абсолютно!

— Мисс говорит по-английски, как иностранка.

— Это вы — иностранец, сэр, а я советская...

— О-а! Мисс живет в русском посольстве? В Лондоне?

«Какой дуралей! — подумала Катя.— Он пьяный, наверное, от своего рома с Ямайки и все путает». Но в то же

время снизу, по ногам, на нее пополз новый страх. Раньше был удивленный страх, а теперь — холодный, как вода в речке.

— Это... это Англия?

— Конечно! — сказал негр.

— Англия?..

Негр сложил губы трубкой и покачал головой, подозрительно рассматривая Катину школьное платье, фартук и красный галстук, едва заметный над высоким фартучным нагрудником.

Неизвестно, кто из двоих удивлялся больше.

— Как называется это место?

— Лучше бы мисс не притворялась и рассказала Джошуа все как есть.

— Я абсолютно не притворяюсь! Даю вам честное слово, я не знаю, как здесь очутилась!

— Мисс, — строго сказал Джошуа, — лгать грешно.

— Я не лгу!

Негр опять закатил глаза. У него было доброе лицо, и губы совсем не такие толстые, как на картинках. Он, кряхтя, разогнулся во весь рост и сверху посмотрел на Катю, расправляя синий фартук.

— Хотелось бы мне знать, кто заманил такую хорошенькую юную леди в шайку.

Он так и сказал «gang» — шайка, банда! Катя вдруг догадалась, какого признания он добивался. Он подумал, что Катя вошла через форточку, как Оливер Твист или Маленький оборвыш. У них в Англии так принято среди воров, прочтите какую угодно книжку...

— Неправда!

У нее прыгали губы. Как теперь объяснить и кто ей поверит? Разве она хотела пробираться в их Англию? Она пришла в такое отчаяние, что негр сам испугался, поставил бутылку и начал уговаривать:

— Сядьте вот сюда, мисс, пожалуйста, я очень вас прошу...

Катя мотала головой и твердила:

— Нет! Я не воровка!..

— Как зовут маленькую леди? — хлопотал негр с этикетки. — Успокойтесь, мисс. Джошуа не даст вас в обиду. Как вас зовут?

— Катя, Кэтрин...

— Расскажите Джошуа все, мисс Кэтрин. Вот платок, он чистый.

Катя отказалась от платка и попробовала рассказать все по порядку. Она всхлипывала, сбивалась и сама себе не верила, так получалось диковинно. Камни — белый туман — Англия... Какой душень поверит?

Джошуа слушал, держась ручищами за пластмассовое древко щетки, и, конечно, не верил даже вот настолько. Выслушав, он проворчал:

— О-а, Урал очень далеко отсюда, — и направился к телефону.

Наверное, звонить в полицию. Кате все равно было — пускай звонит в полицию.

Джошуа сказал в трубку:

— Миссис Гарнет, это говорит Джошуа. Очень вас прошу, миссис Гарнет, огромная просьба, наведайтесь в маленькую гостиную... Благодарю вас...

А Катя, глядя на телефон, внезапно поняла, что ей надо делать: потребовать, чтобы позвонили в Лондон, в посольство!

— Сейчас она придет, — сообщил Джошуа. — Откуда русская леди так хорошо знает английский язык? Это очень удивляет.

Но Катя уже не боялась его.

— Позвоните в посольство! Слышите? Позво...

Ее будто ударило под ложечку. Лоснящееся лицо Джошуа задрожало, и в светлой темноте раздался низкий гудящий вой и бормочущие, хриплые голоса: «Прроходит... накал дерржите... пять, четыре... лепессток... перегррруж-женни...» И Катя увидела солнце, речку, и она опять была на Полудыньке, и щуренок светился в тени, быстро поводя хвостиком. Белый туман уходил вверх клочьями, по спирали.

Катя стояла на своем портфеле, журчала вода, а во дворе института бухал волейбольный мяч.

— Неправда, — сказала Катя и крепко схватилась обеими руками за теплый шершавый камень. Сползая с Полудыньки, окунула ботинок в воду и тут уже, не разбирая дороги, вылетела на берег и помчалась домой без оглядки.

ЯВЬ ИЛИ СОН!

3 Конечно, у нее поднялась температура. Бабушка Таня засунула ее, горячую, в постель, как в холодильник, накормила кислым аспирином и села, горестно сложив руки на груди.

Катя лежала, закрыв глаза, и вспоминала. Бутылочное войско, Джошуа — негра с этикетки, важного скворца и неизвестную миссис Гарнет. Кресла, которые понравились бы папе. Вспоминая, она задремала, но ей приснился неприятный сон. Большой черный скворец ругался по-английски.

«Все время английские сны», — подумала она и поскорее проснулась. Или сначала проснулась, а после уже подумала. Ей очень хотелось рассказать обо всем бабушке Тане или папе. Наверное, у нее и температура поднялась от невысказанных слов. Не поверят! Катя ненавидела, когда ей не верили. Как хорошо бы сказать маме: «Мам, а мам, я хочу с тобой поделиться». К маме приходила соседка со смешным именем — Марианна Ивановна — делиться, то есть рассказывать о всякой чепухе, смешно! Амебы делятся, а не люди.

Из прихожей послышался папин кашель: «Кхы-кхы», басом. Чем-то он доволен, если так кашляет. Ага, бросил портфель через всю комнату, в угол дивана. Катя услышала — шмяк! Бабушка Таня, конечно, кричит из кухни:

— На место положите, на место, Яков Иванович!

А отец рокошет, как бульдозер:

— На месте сем он радует мой взор-р-р!

Катя едва успела сообразить, что бы такое спросить, как он вошел и стал смотреть — спит она или не спит. Он был очень большой, по Джошуа, негр с этикетки, был еще больше.

Присмотревшись, отец увидел, что она притворяется. Катя здорово умела притворяться спящей. И он всегда немного сомневался: а вдруг она спит на самом деле?

Он засмеялся, но позвал шепотом, на всякий случай:

— Эй!

Катя, подпрыгнув на матрасе, перевернулась на спину и сказала:

— Эй!

— Как вы поживаете? — спросил отец по-английски.

— Очень хорошо. Пап, а пап, давай сегодня поговорим по-русски?

— Так уж и быть. Бабушка говорит, ты по воде бегаешь?

— Бр-р-р... Несчастный случай, — сказала Катя. — Я не цапля.

— Предположим, не цапля. Тогда зачем ты лезешь в воду?

— Это все случайно, пап. Оступилась в лужу, — соврала Катя. — Знаешь, это хорошо, что вы научили меня английскому.

— Ты мне зубы не заговаривай. Английский-французский, а бегаешь по лужам, как дошколенок, — сказал Яков Иванович.

«Взрослых легко обмануть, — думала его дочь. — Расказать или нет? А если он скажет — тебе показалось, большое воображение, и надо лечиться?»

— Нелепое поведение... Подожди лета и бегай по лужам босиком... — выговаривал отец.

«А может, рассказать? Опять получится — зубы заговариваю...»

— ...Босиком. А язык — это хорошо! Я бы на работе пропал, если бы не знал английского.

— М-м.

— Вызывали тебя сегодня?

— Сегодня я отвечала закон Кирхгофа и галогены, пап.

— Пятерки?

— М-м.

Яков Иванович кивнул. Он всегда остерегался ее хвалить и старался взвешивать каждый кивок. Очень легко зазнаться круглой отличнице, ведь в школе ее хвалят для примера остальным ученикам. Допустим, через день учитель нет-нет да скажет: «Молодец Катя Гайдученко!» Проходит месяц, потом год, и уже кончается седьмой класс — значит, семь лет Катьку хвалят. Он посчитал в уме, сколько раз ей говорили «молодец». Наверное, раз семьсот, если через день.

Тем временем Катя смотрела на его желтые табачные пальцы и придумывала заход. Чтобы выпросить поболь-

ше, а самой не проболтаться. Она уже твердо решила — не рассказывать.

По части разных выдумок они с отцом друг друга стояли впопыхе.

— Пап, а пап, ты сегодня довольный?

— Доволен и ублажён, дочь!

— «Ублажён?»

— Ублажён, то есть доведен до блаженного состояния.

Поняла?

— Поняла, корень — «блажь».

— Э, нет... Корень, по-видимому, «благ». Благо, благодарю, блаженство.

— Митька говорит «блажь». А про мать говорит «она блажнёй».

— Митька Садов? По-видимому, он прав. Скверная баба, — сказал папа и покосился на дверь. Услышит такие слова мама... Ой!

Но мама была в клубе, на репетиции.

— Пап, а пап, люди могут перемещаться? — не удержавшись, спросила Катя.

Отец поднял брови.

— Ну, пап, ну как ты не понимаешь! Вот сидит-сидит человек на своем месте и вдруг перемещается. Совсем в другое место.

— Где ты об этом слышала? — спросил отец как бы безразлично.

— Нигде не слышала, я сама подумала... Вот хорошо бы сидеть-сидеть, а потом — хлоп! Гуляешь по Киеву или по Гавайским островам.

— Пожалуйста! — сказал папа неискренним голосом. — Садись в самолет и валяй в Киев или на Гавайские острова. Х-м... перемещайся.

— Фантастика-романтика, — сказала Катя. — Хоть бы на каникулы в Киев попасть. Тебе хорошо так говорить: «Садись в самолет!» Ты и в Англии побывал, и в Бельгии...

— Терпение, мой друг, терпение, — сказал Яков Иванович.

— Терпение! Еще миллион лет надо терпеть! Нет, я бы просто так, чтобы зажмуриться, и всё... Гавайские острова.

— Пока это невозможно, дочь. Пока невозможно. Скажи, почему тебе всякая фантастика лезет в голову?

Катя посмотрела на своего грозного родителя кругленькими глазками — карась-карасем. Между прочим, она его побаивалась, хотя никто бы этого не заподозрил. Даже бабушка Таця.

— Почему-у? В Киев очень хочется. Пап, давай поедem на каникулы в Киев?

— Все возможно. Удастся — поедem.

Отец рассеянно полез за папиросами, позабыв, что в этой комнате курить не полагалось. Дунул в мундштук. Прошелся по коврику особой, «профессорской» походкой — сутулясь и наклоняя голову.

Несомненно, он что-то заподозрил.

— Странные фантазии... Х-м. Чьи это выдумки, твои? Или слышала от кого-нибудь? — Он быстро, прямо посмотрел на Катю.

«Ого! — подумала Катя. — Сейчас начнется... Услышит бабушка, взвизгнет, поведут к невропатологу». То есть к врачу, который лечит нервных.

— Плохо быть единственной дочерью! — дерзко сказала Катя.

Яков Иванович усмехнулся и щелкнул ее по животу.

— Пап, неужели тебе никогда не хотелось путешествовать просто так, без всяких самолетов, пароходов? Пап, ну серьезно — не хочется?

— Эх, как еще хочется! — ответил отец с полной искренностью. — Ты и представить себе не можешь, как мне этого хочется!

Он прошелся по комнате с ясной, веселой улыбкой. Хотел еще что-то сказать, но в прихожей хлопнула дверь. Вернулась из клуба мама. И отец заторопился — помочь ей снять пальто.

Разговор сам собой кончился. Катя еще немного повертелась, не зная, довольна она своей хитростью или недовольна. Отец, по-видимому, успокоился насчет ее «выдумок», а с другой стороны, она о перемещениях ничего не узнала. Так она и заснула. А утром ей и вовсе вчерашние события показались ненастоящими. Будто она их вправду выдумала.

ВТОРОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

4 День в школе прошел спокойно. Насчет завтрашней контрольной по физике разговора не было, лишь Тося бросала на Катю многозначительные взгляды. После уроков они вдвоем занимались с беднягой Садовым, объясняя ему все тот же закон Кирхгофа. Тося сказала: «Уф, как горох об стенку», но Митька не обиделся. Он действительно не мог взять в толк, зачем, кроме сопротивления, выдумали еще какую-то проводимость. Уходя, Тося назвала его «удивительной тупицей». Похоже, она была права, хотя папа недавно и объяснял Кате, что мозг у всех людей одинаковый, только не все умеют им пользоваться.

С такими мыслями Катя незаметно пришла на скелы и уже на берегу вспомнила: «Ой, а вчера-то...» Так же висело вчера солнце над откосом и вокруг не было ни души. Полудынька под солнцем желтела, как огромная дыня, заброшенная в речку. Водоворот у острого ее конца был виден прямо с берега. Как узнать теперь, приснилось Кате вчерашнее перемещение или нет? Спокойнее было думать, что приснилось. Почему? Потому что так не бывает.

— Не бывает! — сказала Катя, стоя на берегу.

И вспомнила про щипок.

Портфель чуть не скатился в речку — Катя поспешно задрала рукав. Есть! Остался синяк. Значит, бывает.

Если только она себя не ущипнула во сне... В прошлом году она так расчесывала комариные укусы, что бабушка повела ее к доктору. Во сне расчесывала!

Она стояла и смотрела на камни, будто видела их первый раз в жизни.

Если один раз могло случиться перемещение, то и в другой раз тоже? А почему тогда в понедельник ничего не случилось?

Теперь даже страшно было забираться на камни.

Она вздохнула и, сама не зная, что делает, запрыгала на Полудыньку. Как вчера, приладила портфель на верхушку камня. И как раз, когда она положила портфель, по речке прокатилось: «Смиррна-а!» Это смеялась охра-

на. И, как вчера, когда шаги караула застучали за забором, воздух побелел и сгустился вокруг Кати. Начинаясь о по!

Пятнадцатью минутами раньше, в тот самый момент, когда Катя прощалась с Тосей, из кормового отсека подводной лодки «Голубой кит» вышел офицер. Он перешагнул через комингс — высокий корабельный порог — и неторопливо двинулся по центральному коридору. На нем были мягкие тапочки с толстой пористой подметкой, и он шел неслышно, заглядывая по дороге в отсеки. Длинный коридор тянулся туннелем по всей лодке. Он членился переборками с овальными отверстиями — проходами и высокими комингсами. Каждый раз, перешагивая через комингс, офицер заглядывал в темную щель справа от прохода. Там прятались тяжелые листы водонепроницаемых дверей. Если лодке угрожает опасность, эти двери захлопываются. Отсекают одно помещение корабля от другого. Поэтому пространство от переборки до переборки и называется отсеком. На «Голубом ките» было семь таких переборок, восемь отсеков, а на больших надводных кораблях устанавливают еще больше. Пусть вода зальет один отсек, остальные уцелеют.

Над второй дверью от кормы была надпись: «Проходи, не задерживаясь. Радиация». Но Бен Ферри, старший офицер субмарины, задержался именно в этой части коридора. Старший офицер — правая рука капитана. Он отвечает за все механизмы, за все приборы, большие и маленькие. Сейчас он шел над самым главным отделением в лодке — над отсеком, в котором стоял реактор. Атомный реактор. Он занимал отдельное большое помещение. Под пластиковыми ковриками были окошки, чтобы смотреть на атомное хозяйство.

Бен Ферри нагнулся, приподнял коврик. За толстым свинцовым стеклом блеснули поручни реактора. Отсек был освещен ярким мертвенным светом. Когда яркий свет заливает пустое помещение, он обязательно кажется белесоватым, мертвенным. Возможно, Бену так казалось — он знал, что даже сейчас, когда реактор работает на холостом ходу, в отсеке живет смерть.

— Будь здоров, сосед! — проворчал Бен, переходя к следующему окошку.

Внизу все было в порядке, через какой иллюминатор ни смотри.

Выходя из отсека, Бен Ферри повстречался со старшей рулевой Бигнапалли, индийцем. Остановил его и шепотом приказал:

— Побриться! Ходите как дикобраз.

— Есть! — ответил Бигнапалли. — Разрешите доложить, я никогда не бреюсь, я мусульманин. К счастью, у меня борода не растет.

И верно, на коричневом подбородке индийца торчал десяток-другой волосков, не более.

— Ладно, Биг. Отставить бритье!..

Конечно, Бен Ферри видел старшину уже раз сто или двести и ни разу не обратил внимание на его подбородок. Теперь было другое дело. Старший офицер придирался к каждой неисправности в одежде, к невычищенным пуговицам, к небритым щекам. «Голубой кит» лежал на дне. Шестые сутки на океанском дне, на глубине пятисот метров, в полной тишине. Слабо гудели насосы, охлаждающие атомный реактор — других звуков не было. Молчал телевизор в столовой экипажа. Коки не гремели кастрюлями в камбузе. Все, от капитана до младшего матроса из боцманской команды, ходили в мягких туфлях и говорили шепотом, и всеми овладевало уныние.

Бен Ферри считал, что бритый человек меньше поддается унынию, чем небритый. Возможно, он был прав.

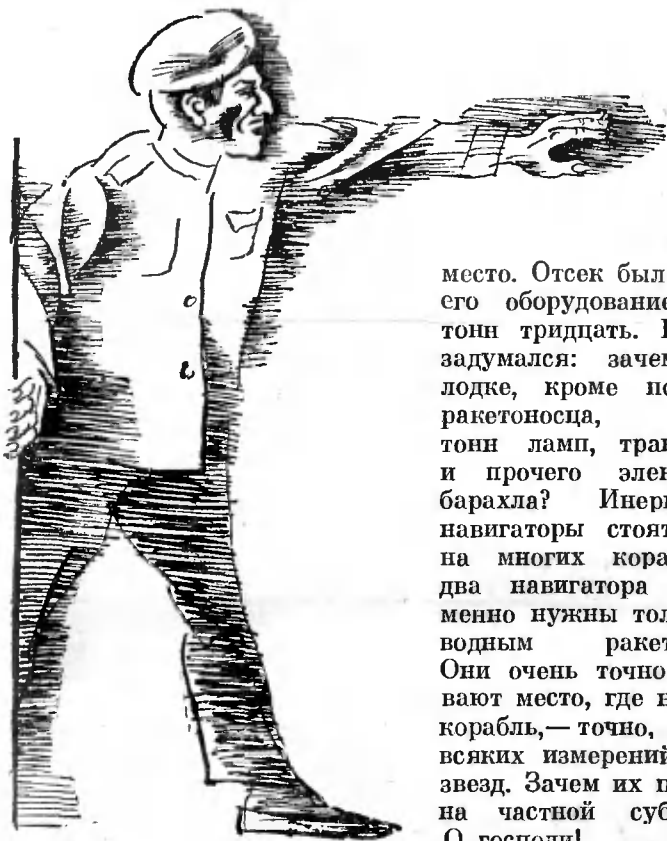
Корабельный врач больше полагался на успокоительные таблетки. По-своему, он тоже был прав.

Команда считала всю затею вполне идиотской. Зачем невоенной подводной лодке военные учения? Какого противника они поджидают, соблюдая все правила звуковой маскировки?

Команда была права несомненно.

Что думает обо всем капитан, никто не знал. Пожалуй, он был единственным в мире капитаном невоенной атомной подводной лодки. А лодка, пожалуй, единственная в мире могла пролежать неделю на полукилометровой глубине. Все это пахло пиратством. В двадцатом веке тоже пиратствуют, хоть и реже, чем в семнадцатом.

Бен Ферри вошел в отсек инерциальных навигаторов, отослал дежурного техника «пряматься» и уселся на его

место. Отсек был велик, а его оборудование весило тонн тридцать. И Ферри задумался: зачем любой лодке, кроме подводного ракетносца, тридцать тонн ламп, транзисторов и прочего электронного барахла? Инерциальные навигаторы стоят теперь на многих кораблях, но два навигатора одновременно нужны только подводным ракетносцам. Они очень точно показывают место, где находится корабль, — точно, и без всяких измерений высоты звезд. Зачем их поставили на частной субмарине... О господи!

Прямо на белоснежной панели навигатора стояла девочка. Вода стекала с ее платья и туфель на драгоценный аппарат.

Бен действовал быстро. Еще не успев удивиться, он сдернул девчонку с панели и опустил на палубу. Машинально стряхнул воду с ладоней. Холодная струйка затекла в левую манжету.

Катю подхватил на руки приземистый человек в синем берете с большой золотой кокардой. Поставил на пол и попятился. Низко над головой был полукруглый потолок,

а кругом жужжали белые ящики, мигали разноцветные огни. Почему-то Катя была вся мокрая — с бантов и из кармана текли ручейки. Человек смотрел на нее с грозным выражением — сердился. Бежать было некуда, и она шагнула к человеку с кокардой. Он проворно отскочил за ящик, бормоча с подвыванием:

— Бу-у-бу-бу-буб-в-в!

— Я очень сожалею! — пробормотала Катя по-английски, на всякий случай. Вода затекала в рот и мешала извиняться.

Бен Ферри лизнул свою руку — пресная вода! О господи!

На палубе натекла целая лужа.

— Кто вы? — бессмысленно спросил Бен.

— Я девочка. Меня зовут Кэтрин, — с трусливой любезностью ответила Катя.

— Англичанка?

— Да, англичанка, — соврала Катя для простоты отношений.

Коротышка говорил по-английски хуже, чем она, и потому не смог бы уличить ее во лжи.

— Англичанка! — пеном воззвал Бен. — Как попала сюда девочка-англичанка? Нет-нет... Бу-бу-бу!.. — Челюсть у него опять запрыгала, как на резинке.

«Положительно, он боится», — сообразила Катя и начала действовать, как бабушка Таня. «Отвлекать и развлекать» — так называлась бабушкина система. Прекрасная система. И Катя принялась отвлекать Коротышку от неприятных мыслей, связанных с ее собственным появлением.

Если он ее боится, то чего бояться ей?

— Скажите мне, пожалуйста, не могу ли я быстро высушить одежду?

— Тсс, — прошипел Бен, верный своему долгу.

На корабле должна быть тишина, что бы ни случилось.

Катя продолжала гнуть свое:

— Не будет ли нескромным спросить, почему вы говорите пеном?

— Вот, так лучше, — прошипел Бен. — На судне запрещены громкие разговоры... мисс...

— ...Кэтрин. Станный обычай, корабль не библио-

тека... А платье я могу высушить? Вы — моряк? Никогда бы не подумала. Можно, я вылью воду из туфель?

Бен Ферри, укрывшись за инерциальным навигатором номер два, пытался вспомнить какую-нибудь молитву, но безуспешно. Молитва не вспоминалась, девочка не исчезала. Она выкручивала подол платья, стоя посреди отсека. Палуба стала мокрой и грязной, как после аварии. Пожалуй, этот вполне реальный и неслыханный факт — грязь в навигационном отсеке — успокоил Бена. Старший офицер принялся быстро соображать, каким путем девочка могла проникнуть на корабль. Немедленно выяснилось, что в голове у него, старшего офицера, каша. Нелепые предположения лезли в голову. Девочка поднырнула к субмарине? Бред! На пятисотметровую глубину нырнуть нельзя, тем более в платье и туфлях.

Бен громко застонал. Катя сочувственно посмотрела на него, поправляя бант.

Платье, туфли! Какая разница — платье или купальный костюм? Ведь на полкилометра нырнуть нельзя!

Бен попытался лизнуть свою ладонь еще раз и смущенно спрятал руку за спину. Он едва удержался от идиотского поступка: его тянуло попробовать на язык воду из лужи на палубе. Пресная вода... пресная... Субмарина оказалась на мелководье, в устье реки, и девочка нырнула в пресную речную воду?

Бред, бред! Люки закрыты изнутри. «Голубой кит» находится в Атлантическом океане. Над лодкой — соленая вода, пятьсот метров. Люки закрыты. Дверь в помещение навигаторов тоже закрыта... Вот оно что!

Бен Ферри понял все и с облегчением выкатил грудь.

— Где вы прятались, плутовка? Отвечайте, и живо! Кто вас кормил?

— Простите, сэр!

— Кто вас кормил?! — бушевал старший офицер. — Кто облил вас водой, чтобы замести следы? Кто он?!

«Начинается, — подумала Катя. — Вчера был большой и черный, сегодня бледнолицый коротышка, и оба про то же. Подавай им шайку!»

— Я одна, сэр, — кротко ответила она. — Пять минут назад я была дома. Уверю вас, я сама не знаю, как это вышло. Только что я была дома.

Коротышка обмер и открыл рот. Девчонку невозможно укрывать целый месяц на атомной подводной лодке. Он знал бы все на третий день — команда его любит.

Приходилось считать появление девочки чудом. И действовать соответственно. Прежде всего, ей надо высушить одежду — пресная вода... Действуй, Бен Ферри, иначе с ума сойдешь!

— Идите вон туда, к решетке, — скомандовал Бен. — Обсушите платье, там теплый воздух дует... Алло, рубка, это вы, Галан?.. Старик в своей каюте? Хорошо! Я в навигационном, да-да... Штурман Галан! Прикажите в отсеках осмотреться, результаты доложите. Пришлите ко мне Дювивье и Понсека, старика не будите.

Коротышка положил трубку внутреннего телефона и пристроился около двери. Отсюда он видел Катю. Она поворачивалась перед решеткой, придерживая одной рукой платье, другой — косички, и старательно обсыхала под теплым ветром, дующим из решетки.

Если все будет, как вчера, то обратное перемещение начнется скоро. Времени оставалось немного.

— Значит, сэр, я на корабле? (Бен проворчал: «Где ж еще?») Правда? Я никогда не была на корабле! Он большой? Солидный?.. Военный?.. Не военный? Очень жаль. Может быть, у вас есть хоть одна пушечка, я никогда не видела морских пушек...

Явились Понсека и Дювивье — старые сослуживцы и земляки Бена Ферри. Дювивье был хозяином отсека инерциальных навигаторов и в судовой роли¹ значился, как шеф-радиоинженер, а Понсека был матросом, радистом, однако они дружили. Оба невысокие, чуть побольше коротышки Бена, черноволосые. Катя сразу поняла, что они — французы. Ее немного обидело то, что «два Жана» — и Дювивье и Понсека звали «Жап» — почти не удивились ее появлению.

— Девочка-англичанка? — только и сказал Понсека. — Очень хорошо, теперь команда укомплектована. Два грека, индеец, три бразильца, голландцы и французы, а теперь еще девочка-англичанка. Спроси ее, Бен, не возь-

¹ Судовая роль — список членов команды.

мет ли она с собой меня, когда соберется обратно в Англию.

Понсека почти не знал английского.

Дювивье внимательно выслушал рассказ старшего офицера, ловко поклонился Кате и промолвил:

— Парадоксально! Тем не менее факт налицо. Как вы себя чувствуете, мисс Кэтрин?

— О, прекрасно! — обрадовалась Катя. Ей надоело

стоять у решетки и помалкивать. — Прекрасно! Мне очень скоро уходить. Объясните, пожалуйста, зачем эти белые ящики, и нельзя ли выйти на палубу и посмотреть море... если вас не затруднит?

Новые знакомые понравились Кате. Понсека улыбался ей, и никто не заводил речи о полиции.

Неожиданно Дювивье нахмурился и ответил:

— Вы не англичанка, не правда ли? Кроме того у вас очень страшный шейный платочек...

Катя сушила перед решеткой красный галстук. Испугавшись сурового голоса Дювивье, она быстро повязала галстук. Так было спокойнее почему-то.

— Нет, ребята, — продолжал Дювивье по-французски, — эта девочка из России. У них все дети ходят в таких галстуках. Посмотрите на ее одежду — разве это английская школьная одежда?

— Похоже, что нет, — сказал Бен.

— Не знаю, я в России не бывал, — сказал Понсека и подмигнул Кате.

— Я был в России два раза! — отрезал Дювивье. — Она русская.

Поняв слово «русская», Катя покраснела в своем углу и попробовала зареветь. Ничего не вышло.

— Заметьте, ребята, она собирается уходить. Бен, надо воспользоваться случаем. Ты что молчишь? Хочешь доложить капитану?

Старший офицер пожал плечами, а Жан Понсека быстро сказал:

— Не надо, земляк! Утрем нос старикашке!

Катя мало что поняла из этого спора. Три француза жестикулировали и спорили громким, хриплым шепотом и, по-видимому, решали: выдавать ее капитану или нет. Капитан представлялся ей большим черным пауком в темной норе. Пospорив, французы вздохнули, одинаковым движением поправили береты.

И Дювивье обратился к Кате:

— Мисс, я не совсем представляю себе, как вы сюда попали. Это великий триумф науки...

Катя поклонилась от имени науки.

— ...Я не буду задавать лишних вопросов. Но мы трое здесь присутствующие будем рады подтвердить это

достижение. Минутку! Когда вы вернетесь домой, передайте тем, кто вас... послал, что район океана с координатами сорок северной и семьдесят западной опасен для плавания. Минутку! Повторите, пожалуйста.

Катя повторила добросовестно:

— Район океана с координатами... — и так далее.

— Вы не забудете?

— У меня память самая хорошая в классе! — обиделась Катя.

Она, правда, не могла взять в толк, кому надо передать эти координаты и что все это обозначает. Но звучало прекрасно: «Район океана опасен для плавания!»

— Тенерь, мисс, если это не секрет. Откуда вы родом?

— Я — советская, — призналась Катя, не смея взглянуть на Коротышку.

— Отлично! А как вы передвигаетесь, если не секрет? — Они смотрели на Катю, как первоклашки на учителя. Даже — как на директора школы, вот как!

Но объяснять было уже поздно — наступила светлая темнота. Золотые кокарды задрожали, исчезли. Катя привычно зажмурилась, очутилась в воде и вынырнула, продувая нос. Речка несла ее от института в тайгу, а вдоль берега семенила бабушка и кричала:

— Рятуйте!..

Десятком взмахов Катя выплыла к берегу, выскочила на траву, отплевываясь, как мокрый верблюд. Бабушка Таня бежала к институту, вскрикивала:

— Рятуйте!.. — и прижимала к груди Катин портфель.

Увидав внучку, она сказала только:

— Лышенько мое! — и села в прошлогодний бурьян под институтским забором.

«ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ»

5 Такой грозы еще не бывало. Даже памятный случай в Киеве, когда Катя и соседский маляр Жорка влезли на лестницу маляра и упали вместе с лестницей и ведерком для краски — даже тот случай не шел в сравнение с сегодняшним. Бабушка Таня

бушевала. Катя — еще бы! — лежала в постели, по всей улице разпосился запах горелого молока, сбежавшего от бабушкиного гнева. Кате бежать было некуда. Мама примчалась с работы и, виновато мигая, стерегла дочь, а бабушка гремела, как камнедробилка, и поносила «всю семейку, которую она кормит и обстирывает без намека на благодарность». Она требовала, чтобы Катя созналась, что нарочно прыгнула в воду, желая бабушкиной немедленной смерти. Она кричала, что дети завезли ее к медведям и волкам и «привязали к плите».

Мама вздыхала, не пытаясь спорить.

Катя упорно стояла на своем: она прыгнула в воду, чтобы спасти котенка. Пока бабушка волокла ее домой, она сообщила, что, во-первых, бабушка Таня обожает кошек; во-вторых, если Катя сознается, что упала в воду, то ей запретят ходить на скельки. На вопрос, почему же Катя не откликнулась, когда бабушка зывала к ней с берега, а «плыла в воде, как той труп», тоже нашелся ответ.

Она плыла не как труп, а кролем. При этом уши должны быть в воде, и, как всем известно, пловец кролем ничего не слышит.

— Где же тот котенок? — с едкостью спросила бабушка. — Который тебе дороже, чем родная бабка? Утонул?

Она протопала на кухню и поддала ногой коту Тарасику, впрочем не сильно. Тарасик мяукнул и продолжал подлизывать сбежавшее молоко.

Катя попросила у мамы учебник алгебры, прикрылась им, как крышей, и принялась думать. Это было нелегко — к маме уже явилась соседка Марианна Ивановна, и ей описывали в красках ужасные события и вспоминали Катини проступки за все двенадцать лет, прожитых ею на свете. Хорошо еще — отец позвонил по телефону и предупредил, что вернется очень поздно. Хотя с ним разговора не будет...

Катя со злостью откинула одеяло. Терпеть она этого не может — лежать в постели. «Сделай то, сделай это!..» Она посмотрела на закрытую дверь, показала ей язык и стала одеваться. Командуйте, распоряжайтесь, взрослые! Зато у нее теперь есть свой секрет. Тайна. Получше ваших секретов. Вот Марианна Ивановна уже начала шептаться

с мамой. Толкует, наверное, о «чудных мгновениях, память о которых уйдет с ней в могилу». Тоже мне, секреты!

Катя села за письменный стол и нарисовала на промокашке надгробный памятник с пропеллером. Она будет летчицей, как Герои Советского Союза из полка Бершадской. Катя знала об этом полке все, что можно узнать из книг. Она станет летчицей сначала, а потом подаст рапорт и перейдет в космонавты.

Когда на промокашке появились последовательно: самолет, ракета, и женская головка в шлеме, похожем на банку из-под болгарского варенья, и собака Уголек, Катя поняла, что отвлеклась от темы. И стала раздумывать о перемещениях. Теперь уже не годилось объяснение, что она заснула на скелетах и перемещение ей приснилось. Она перестала спать днем еще три года назад. Кроме того, свалившись в воду, любой человек бы проснулся! Она выпрыгнула довольно далеко от камней, много ниже по реке. Катя попробовала сообразить, сколько метров она проплыла «во сне», — вышло столько, сколько от дома до булочной. Надо при случае смерить шагами расстояние от ворот до булочной. Правда, длину шага они измеряли еще в пятом классе на уроке географии, а с тех пор она выросла втрое.

Катя засмеялась — вот дурочка! Зачем же мерить до булочной, если можно прямо на месте — от камней до тропинки, по которой она вылезла на берег?

— Она смеется! — трагически воскликнула бабушка, заглядывая в дверь. — Смеется, бисова дытына! Марш в постель!

— Ну, ба-аб Таня, — угрюмо заныла Катя, — ну ба-аб Танечка, у меня же завтра контрольная по физике...

— А температура?

— Не-ет у меня температуры...

Бабушка пощупала ей лоб и отступилась. Контрольная по физике — важное дело, считают взрослые. Еще вчера Катя тоже волновалась из-за этой контрольной, из-за двойки, которую она должна получить. Сегодня ей было все равно. Двойка так двойка. У нее есть секрет. По-тря-са-ющий!

Но скажите, пожалуйста, как это получается? Волшеб-

ник, что ли, сидит в камнях и перебрасывает ее в разные места? Всех он перемещает или ее одну?

Потеха! Персональный волшебник Кати Гайдученко!

И совсем чудная мысль пришла ей в голову. Такой секрет держат про себя все люди. Раз с ней произошли перемещения, то и со всеми они могли случиться. Значит, все таятся друг от друга? Подумав, Катя решила: нет, хоть один бы, да проболтался. Тоська, например, давным-давно бы всем растрезвонила. Взрослые, несомненно, печатали бы толстые книги и журналы на разных языках — «делились» бы изо всех сил.

Значит, у нее свой волшебник? Чепуха какая-то! Если он персональный, тогда почему он устраивает перемещение только с камней? Скорее всего, место... волшебное.

Катя со стыдом проговорила про себя это слово. Другого названия она просто не могла придумать.

О причине перемещений лучше было не задумываться. Она стала вспоминать оба перемещения по порядку. Оказалось, что запомнила очень мало. Папа не зря говорит: «Наблюдательность у тебя никудышная, тренируй».

И тут она вспомнила!

«Сообщите тем, кто вас послал, что район сорок северной и семьдесят западной опасен для плавания».

Катя подскочила к полке и с натугой вытащила большой атлас. Он был здоровенный, почти что ей до пояса, если поставить его на пол. Развернуть его можно только на полу — на письменном столе он закрывал чернильный прибор и вазочку.

Она раскрыла атлас прямо у полки. Африка, еще Африка — другого цвета, — теперь Африка кусками... Сколько же ее здесь? Катя перебрала сразу десяток страниц: Европа. Потом Антарктида. Азия! Терпения не хватало у Кати — отыскивать Атлантический океан. Она распахнула дверь, перебив грустное повествование Мариан-Иванны:

— Мам, где такое место, сорок северной и семьдесят западной?

— Простите, — извинилась мама перед соседкой, а та сладко улыбнулась. — Сорок градусов северной широты, семьдесят западной долготы... Атлантика. Где-то у берегов Соединенных Штатов... Да, в районе главного хода.

— А как его найти в атласе?

— Не его, а ее. Это точка, условная точка в океане.

— Я знаю, знаю! — торопилась Катя. — Пересечение воображаемых линий. Мама, а мама, покажи мне в атласе!

— Что за сисенка такая? — Мама показала глазами на Марианну Ивановну, но та сама догадалась, что разговор про чудные мгновения больше не будет.

Катя взгромоздила атлас на обеденный стол, и получила скатерть. Полстола занимала Азия, и полстола — изнанка Европы. От атласа пахло краской, мелованной бумагой и переплетным клеем.

— Всегда, всегда вам рады! — всхливым голосом говорила мама из прихожей.

...Европа — тоже на половину стола. Салатно-зеленая, с палевыми тенями возвышенностей. Вот Урал. Они живут вот здесь, но даже на этой карте их дом казался бы... чем? «Ничем», — поняла Катя. Весь большой девятиэтажный дом с лифтами, мусоропроводом, светлыми окнами — весь огромный дом стал бы незаметным, как микроб, если смотреть на него без микроскопа.

А вот Англия.

Катя легла животом на Европу. Почему-то раньше ей было невдомек, что Земля такая громадина. Англия! Она за Средне-Русской возвышенностью, за Арденнами, за реками Рейном и Сеной и за проливом Ламанш. Неужели правда, что вчера Катя побывала там, на западном конце Европы, а сейчас она вот здесь, на западном конце Азии?

— Не может быть!.. — в сотый раз сказала Катя.

— Не может быть? Ты о чем?

— Я так, ни о чем, сорок северной, семьдесят западной, мама.

Это место мама нашла на синей «карте течений», где материк были белыми, а моря и океаны — синими и голубыми, а течения обозначались черными стрелочками, тоненькими и толстыми. Мама только раскрыла эту карту, а Катя уже сама нашла место пересечения воображаемых линий. На карте они выглядели вовсе не воображаемыми. Они тянулись через белые материк и синие океаны и пересекались под боком Северной Америки. У самого берега, к востоку.

— Нашла? Теперь открой Северную Америку.

Таинственное место находилось как раз напротив Нью-Йорка, чуть правее и ниже. На крупной карте кривые координат стали прямыми. Их пересечению лежало на бледно-голубом фоне, как перекрестие пулеметного прицела. Катя видела в кино: летчик ловил в прицел вражескую машину, крошечную серебряную бабочку и насаживал ее на перекрещенные булавки прицела. Это было страшно. Именно так немецкие летчики сбивали машины девушек из полка Бершадской.

Она зажмурилась. Ей очень понравился горбоносый французский моряк. Он говорил с ней, как с большой.

Почти как с космонавтом. И он был на прицеле. Это его ноймали меридианы и параллели в крестошину. Катя отчетливо вспомнила синий берет, с проломом, золотую кокарду, тоненькие усики и горбатый нос, как у попугая. «Передайте тем, кто вас послал...» Легко сказать! А если меня никто не посылал?

Катя взвалила на плечо ненужный атлас и поплелась к себе. На ходу поблагодарила маму:

— Спасибо, мам...

Но мать остановила ее:

— Екатерина! Иди-ка сюда!

Немедля на пороге кухни утвердилась бабушка Таня и стала наблюдать за событиями. Считалось, что она балует внучку. Как бы не так...

Катя с небывалой аккуратностью установила атлас на место и вернулась в столовую.

— Что с тобой, Екатерина? — спросила мама. — Что с тобой творится? Сначала ты лезешь за котенком и до полусмерти пугаешь бабушку...

— А зачем она за мной следит?

Бабушка в сердцах хлопнула дверь.

— Пугаешь бабушку, — продолжала мама каменным голосом, — потом вмешиваешься в разговоры взрослых, а потом уходишь, едва поблагодарив?

— Я сказала: «Спасибо»!

— Еще бы! — ответила мама и тут же спросила безо

всякой логики: — Какое отношение к контрольной по физике имеет гибель «Леонардо да Винчи»?

— Леонардо да Винчи? — Катя прикусила язык от удивления и на всякий случай придумала: — Это, мам, Дора Абрамовна говорила на уроке. Она всегда, знаешь... отвлекается...

— Изум-мительная женщина! — сказала мама. — Вы должны быть счастливы, просто счастливы, что вам достался такой педагог!

«Сплошные сны, — пробормотала Катя про себя. — Я же и не думала об этом Леонардо да Винчи!»

Здесь бабушка подала голос из кухни: «Великий до изба, та дурный, як треба». Непонятно, к кому это относилось. Возможно, к Леонардо да Винчи, но скорее к маме. Катя поежилась — баба Таня не верила ни одному ее слову.

К счастью, мать не уловила яда в бабушкином голосе. Наверное, Катини чувства были обострены, как у любого зверя, преследуемого охотником, а матери явно не хватало охотничьего чутья.

— Правда, мам, — вдохновенно сказала Катя, — она изумительная и все такое! Разве я говорила о гибели Леонарда? — и с деланной рассеянностью уставилась в окно.

— Фу, Катюша, имя «Леонардо» не склоняется...

— М-м.

— О гибели ты не говорила. Ты назвала координаты того места, где корабль затонул.

Катя покивала головой, раздумывая: спрашивать дальше или не стоит? И все же любопытство пересилило разумные опасения.

— Мам, а как это вышло? Дора Абрамовна совсем чуть-чуть нам рассказывала, полминуточки... — спросила и замерла.

Но мать спокойно переспросила:

— Как они столкнулись? Преступная халатность, по-видимому.

— Халатность? Что это?

Мама объяснила: халатность — небрежное отношение к своим обязанностям. Потом рассказала о столкновении в океане итальянского лайнера «Леонардо да Винчи» и

шведского лайнера «Конунг Олуф». Лайнер — большой пассажирский корабль, а «Леонардо» был очень большим кораблем и даже флагманом итальянского пассажирского флота. Он шел из Генуи в Нью-Йорк. Навстречу ему шел «Конунг Олуф», из Нью-Йорка в Стокгольм, и оба шли на большой скорости и столкнулись на всем ходу, хотя... Здесь мама совсем разгорячилась, как будто в столкновении был виноват кто-нибудь из ее знакомых. Впрочем, Катя тоже разволновалась. В самом деле! Штурманы видели все на экранах радиолокаторов за много километров и, конечно же, могли предупредить столкновение! Мало того, минут за десять до катастрофы с мостиков обоих кораблей были ясно видны огни — топовые и ходовые огни, как выразилась мама, — и все-таки корабли столкнулись! К счастью, «Конунг Олуф» удержался на плаву, но «Леонардо да Винчи», гордость итальянского флота, перевернулся и пошел ко дну...

— Со всем экипажем? — воскликнула Катя.

Она представила себе, как огромный-огромный корабль переворачивается от удара и тонет, вроде пустой консервной банки, пущенной в лужу. Но мать улыбнулась: нет, корабли так легко не гибнут. Оказывается, «Леонардо» не должен был потонуть, несмотря на столкновение и несмотря даже на особое обстоятельство: форштевень, нос «Конунга Олуфа», был ледорезный, то есть особенно острый и прочный. Швеция — северная страна, поэтому шведские корабли всегда готовы ко встрече со льдами. И вот даже после удара ледорезного форштевня итальянский корабль должен был удержаться на плаву, потому что он был разделен на отсеки водонепроницаемыми переборками. Почему же он перевернулся? Переборки оказались прорезанными, вот в чем дело! Вода хлестала через них, как через сито, и затопила весь корабль.

Катя снова вспомнила про экипаж и со страху заткнула себе рот кулаком, и еще страшнее ей стало, когда она ощутила корабельный запах, въевшийся в кожу...

Тогда мама рассказала о всех кораблях, устремившихся на спасение пассажиров и экипажа. Там был французский лайнер «Иль де Франс», тоже флагман, только французского флота. Там было еще два английских корабля. Ведь столкновение произошло на главном ходе, на боль-

пой морской дороге из Европы в Америку. Так что экипаж спасся и пассажиры тоже, кроме тех, что были в носовых каютах и погибли при столкновении... Последним сошел в шлюпку капитан. Его вели под руки два офицера, он не хотел оставлять свой корабль! И только через два часа после этого «Леонардо да Винчи» перевернулся, море сорвало и подбросило высоко вверх оставшиеся спасательные шлюпки, и все было кончено.

Катя слушала с восхищением и ужасом, ведь мама тоже обошла вокруг света на корабле «Витязь». Она — географ.

Катя подумала, что ей все-таки повезло с родителями. Лучше, конечно, чтоб они были летчиками, но физик и географ тоже годятся.

— Ну ступай заниматься, — сказала мать, очень довольная любознательностью дочери.

Катя пошла к себе и спряталась за учебником физики.

Ох, пришлось ей подумать! Она чувствовала, что корабль, на котором она побывала, как-то связан с гибелью «Леонардо». Но как? Ведь столкновение произошло десять лет назад. Невероятно давно, по ее понятиям. Как Пунические войны. Могут ли эти события быть связаны между собой?

Но самое главное — Катя не знала, что делать ей самой. Как «сообщить тем, кто ее послал». Она сидела за своим столом и тоскливо разглядывала стены комнаты, в которой они жили с бабушкой Таней уже два года. Разглядывала заново, потому что увидела за ними всю Землю.

Светлые обои, наклеенные прямо на бетонные стены, — желтенькие, с бесформенным рисунком, струящимся сверху вниз, как вялые водоросли. Слева за стенкой была квартира Мариан-Иванны, справа — улица, скверик, магазин куличарки и булочная, потом шоссе к институту, а дальше — речка и тайга. Это все лежало за стеной, уходило к западу, становясь маленьким, как отпечаток на киноплёнке восемь на восемь... К западу. Там — Англия, «главный ход» из Европы в Америку и итальянский лайнер, лежащий на морском дне, под целым километром соленой воды. Так было обозначено на карте — светлая синева, цвета весеннего неба, глубина свыше тысячи метров. Лайнер лежит на дне между зыбкими полосками водорос-

лей, в воде светло-синей и одновременно желтоватой, как обои.

Что же делать? Горбоносый Жан по шутил. Он серьезно говорил. Смотрел серьезно. И остальные смотрели убедительными глазами. Как быть?

Остаток дня и весь вечер Катя думала об одном и том же. Изрисовала тетрадку для черновиков цифрами «40» и «70». Принималась писать в «Пионерскую правду» и бросала. Начатые письма рвала на мелкие клочки и ссыпала в мусорное ведро.

Не поверят! Никто и нигде не поверит! Может быть, сегодня она и рассказала бы всю историю отцу. Но поздно вечером он позвонил и сказал, что вернется из института часа в три ночи. Работает на большой электронной машине. Катя уснула, не дождавшись Якова Ивановича. И ночью ей приснился жирный паук в огромной капитанской фуражке, бегущий прямо по воде на волосатых лапах.

СЕКРЕТ ПОГИБ

6 Контрольную писали в новом, втором физическом кабинете, открытом «иждивением доцента Салтановой». Так говорил — для ехидства — молодой литератор Владимир Федорович. Еще он говорил, что занятия литературой тоже требуют отдельного кабинета.

Все это пересказала Кате ее соседка, Аня Масленникова. Она сидела за новым столом, брезгливо оглядывая физический кабинет. Как кошка посреди большой, очень мокрой лужи.

Катя написала на промокашке: «40×70» и добавила для развлечения: «АМ+ВФ=Л!». Это обозначало: «Аня Масленникова плюс Владимир Федорович равно любовь». Анечка сейчас же ответила на своей промокашке: «Идиотка». Катя великодушно удержалась от ядовитого ответа: «Очень рада, будем знакомы!» И тут же ее вызвали — получать билет.

Дора Абрамовна устроила контрольную с билетами,

как в институте. Разложила на столе листочки с условиями задач, чистой стороной вверх, и все по очереди подходили и тянули на выбор любой. Текст был аккуратно отпечатан на пишущей машинке, а латинские буквы вписаны круглым, аккуратным почерком. Вытянув листок, каждый называл номер. И Дора Абрамовна отмечала его в специальном списке, отпечатанном на той же машинке. Все, как в институте! Говорят, что на школьных экзаменах тоже тянут билеты, по это ведь на экзаменах. У Доры Абрамовны никогда урок не обходился без новых затей. На той неделе, например, она принесла моток латунной проволоки и спросила: кто возьмется сделать щетку вроде сапожной, но с латунными волосками? Витька-Газик сначала вызвался, а после уж спросил: зачем нужна щетка? Оказалось, для вывески с бегущими огненными буквами к Первому мая. Три класса будут оформлять иллюминацию школы, «чтобы вышло не хуже, чем на Центральном телеграфе в Москве». Позавчера все ребята принесли из дому по лампочке для иллюминации, а бригада радиолюбителей давно готовит машинку для бегущих букв.

...Катя подошла к столу, получила и прочла свой билет. Две задачи, совсем несложные. За полчаса она бы решила эти задачки. Решить, а? Ведь пустячные, легкие, если разобраться... Не поверит ей Дора, что она эти задачки не решила. Поймет, что нарочно... как это называется?.. Симулирует. Нет, симулирует — значит, притворяется больной. Ага, саботирует.

Катя сделала вид, что думает изо всех сил. Начала грызть колпачок авторучки. Невкусно. Деревянные ручки были много приятней.

И пусть невкусно! Она сидела и грызла, сглатывая горькую слюну. Кругом уже скрипели перья. Двадцать пять человек (двое больше) торопливо списывали условия задач с билетов. В классе стояла особая тишина, которая бывает только на контрольных. Одна Катя Гайдученко грызла ручку и исподтишка оглядывалась. Даже Садов пишет. Тоська вся раскраснелась — дело идет, значит. Если не получается, она бледнеет. Шведов строчит, покачивается от усердия. Он-то получит пятерку...

Катя начала вертеться. Дора Абрамовна мельком взглянула на нее, неторопливо поднялась и отошла к

окошкx. Невыносимо! Рука сама тянулась — написать решение. Написать, и будь что будет. И в этот момент сзади просунулась рука с запиской. Катя так и выхватила бумажку. Вовремя она подоспела... Еще минута, Катя начала бы решать свои задачки.

Записка была от Мити Садова.

«К. Гайдученко. Погибаю, но не сдаюсь», а дальше условие. Конечно, задача была Митьке не под силу. Садов приписал еще что-то, наверное, обещания и клятвы в вечной дружбе, но Катя не читала дальше. Перевернула записку чистой стороной и быстренько начала решать. Дора Абрамовна все равно поймет, что Митя списал, но где доказательства?

Катя потихоньку хихикнула, подумав, что рыбак попался в свои собственные сети. У других учителей каждый ряд пишет свой вариант. Значит, всегда можно списать через плечо сидящего спереди. При этой институтской системе не спишешь, казалось бы. А все равно ухитряемся. Но где доказательства? Нету. Только бы записку не увидела Дора Абрамовна.

...Задачка была хитрая, но пустяковая. В четыре вопроса. Катя аккуратно написала текст вопросов: Митя и в этом напутает, если за него не сделать! Выписала действия, знаки жирно, чтобы не ляпнул плюс вместо минуса... Ответ. Посмотрела на часы. Хватит ему времени, чтобы переписать. Все в порядке. Дора Абрамовна снова пошла к окошку...

Но, уже складывая записку, Катя решила прочесть Митькины льстивые слова. И у нее запершило в горле от злости.

«Кать, с каким аквалангом ты ныряла? Я было вчера со страха помер. Спасибо заранее».

Все пропало... Общительный толстячок Садов растрезвонит по всему городу про Катины приключения. Секрет погиб. И за контрольную будет двойка.

В неподдельном отчаянии она опустила голову на локоть. Дора Абрамовна от окошка глянула на нее с тенью тревоги в глазах.

Пусть смотрит. Она сунула записку на задний стол и певеликодушно подумала: «На, подавись!» Опять опустила голову и замерла в горестной неподвижности, и уже не ви-

дела, как Митя, пыхтя, списывал с бумажки. Как Шведов проплыл к кафедре и положил свои листки. Наконец, как в глазах Доры Абрамовны промелькнула усмешка, похожая на солнечный блик в стеклах сильного бинокля... Многого мы не знаем друг о друге! Никто из седьмого класса и вообразить не мог, что Дора давно разгадала их хитрость и знает, почему Катя сидит над пустым листком. Усмехается Дора Абрамовна про себя и в общем не сердится. Катя не знала, что Толя Шведов сейчас, в коридоре, укрылся за фикусом и бюстом Ушинского и, глядя на свое отражение в оконном стекле, пробормотал: «Мерзавец!» Он простоял там всю перемену, чтобы не встретиться с Катей — Толя не выносил женских слез.

А Катя не плакала, наоборот — ей стало все безразлично. Она спустилась в буфет, лениво сжевала две сосиски. Все испортил этот шпион Садов. Выследил ее, как собака-ищейка.

Вот чего никто не знал о Кате. Ей хотелось завести собаку — большого рыжего пса, и чтобы хвост у него был баранкой, а уши торчком, а зубы — длинные и белые под черными бахромчатыми губами и чтобы он провожал ее в школу, и носил портфель, и дожидался ее после конца уроков.

КВАДРАТИК

7 Митя вовсе не ходил за Катей, как собака-ищейка. (Нам придется теперь вернуться ко вчерашнему дню, когда Тося и Катя объясняли Садову закон Кирхгофа.) Сражение с непонятной «проводимостью» не очень утомило Митю. Девочки устали куда больше, чем он, — у него был веселый и беспечный характер. Он спрятал свои тетрадки, вытер доску и бодро выбежал на улицу. И увидел понурюю Катину спину. Это его огорчило. И он решил догнать Гайдученко и развлечь. Может быть, спеть веселую песню или показать несколько фокусов с монетами. Он неплохо умел показывать фокусы, но стеснялся выступать на сборах и утешниках. Приятели — другое дело.

Пока Митя составлял программу действий, Катя скрылась из виду. Митя побежал тяжеловатой рысцей вдогонку. Приготовленные для фокусов монетки он держал в левой руке — два пятака и одну трехкопеечную. Он бежал, погромыхая всякими нужными вещами в портфеле, и раздумывал — завязать шнурок на правом ботинке или так обойдется. Наступил на шнурок, чуть не шлепнулся. Пришлось завязывать, не выпуская монет из кулака. Хитрое занятие! Но Митя не даром был фокусником. Он ловко завязал бантик, поднял голову и увидел трех мальчиков из старого города. Они стояли на мостовой и смотрели вдаль с недружелюбным интересом.

Каждый мальчишка умеет молча выразить свое недружелюбие, для чего имеются три основных способа. Можно действовать грубо: наклонить голову, пронзая противника взглядом, и угрожающе сопеть. Можно действовать тошнее: спокойно стоять, руки в карманы и небрежно оглядывать врага с головы до ног. Разрешается при этом слезывать сквозь зубы. Но самый тонкий способ: смотреть мимо и делать вид, что противник тебя совершенно не интересует. Сопеть или слезывать нельзя ни в коем случае, а врага надо держать в уголке глаза таким образом, чтобы он догадывался о положении дел, но придрататься ему было не к чему. Тут главное, чтобы противник растерялся, задрожал, и бери его тогда голыми руками.

Три уральских мальчишка отменно владели последним способом. Они смотрели вдоль улицы, поверх Митиной головы, и ждали, когда он встанет на ноги.

Митя встал. Драться он вообще не любил, хотя привык дома к колотушкам. Кроме того, что за драка — одному против троих? Мальчишки были довольно симпатичные. И он сразу заговорил с ними:

— Привет, парни! Там что — солдаты идут? — И Митя посмотрел в ту же сторону, что и они.

Белоголовые мальчишки удивились. Переглянулись. Тот, что стоял слева, засопел и с угрозой набылчился. Митя простодушно улыбался.

В середине стоял крепкий мальчишка с квадратными плечами. Главарь — это было ясно. Он вдруг ответил Мите улыбкой и шагнул к нему, сверкнув новенькими белыми кедами.

— Хорошие кеды! — деловито сказал Митя. — Где покупал?

— Мамка брала, — ответил Квадратик и неожиданно добавил: — Таких на все лето хватает.

Дело пошло на лад. Но левый возмущенно засонел и спросил:

— Может, купишь?

— Алле, гоп! — Митя показал свои три монетки. — Получите... — и, увидев в глазах Квадратика презрение, вспыхнул и заторопился: — Держи, чудила, покажу фокус! Держи на ладони!

Квадратик покраснел и принял монетки в ладонь. Р-раз! Митя ударил сверху по ладони неплотно сверпнутым кулаком, так что рука Квадратика отскочила вниз, а монеты вернулись в Митин кулак.

— Алле! Второй фокус — прирученная монетка!

Левый перестал сопеть. Митя вручил ему портфель — подержи! — и показал второй фокус. Он кидал монеты из правой руки в поднятую левую. И они послушно сбегали с ладони, прокатывались по рукаву, сворачивали на плечо и попадали в нагрудный карманчик!

— Алле! В следующий раз покажу еще, а выгче тороплюсь, — сказал Митя.

Неукротимый левый медлил отдавать портфель. И главарь сказал ему небрежно:

— Ну-у...

Портфель вернулся к Мите.

— До свиданья, парни! — сказал Митя и побежал.

Квадратик крикнул вслед:

— Э-эй! Завтра приходи!

— Ла-адно!

Таким образом, Митя здорово отстал от Кати и выбежал на берег в ту секунду, когда она усаживалась на гребне Полудыньки. Запыхавшийся Митя побрел к камням по тропинке вдоль берега, на ходу утираясь рукавом. Подойдя ближе, он снова посмотрел на камни: как раз в ту секунду, когда Катя ссыпалась с Полудыньки в воду. Вот почему на корабле она оказалась мокрой до нитки: в момент перемещения она случайно упала в воду. Митя успел заметить ее бант, мелькнувший за камнем и свистнул от восторга — отчаянная девчонка, купается!

Он улегся на плоскую глыбу над обрывом, разумно полагая, что в таком предприятии может понадобится спасатель. Со вздохом развязал шнурки на ботинках, снял курточку —

приготовился спасать, если будет у Кати судорога в холодной воде.

Сверху ему была видна вся речушка с песчаным дном и прошлогодними водорослями. Кати нигде не было. И Митя немного встревожился. Не очень сильно — Гайдученко здорово плавает, как дельфин. Уплыла за поворот речки, пока он поднимался...

Но портфель сиротливо лежал на большом камне: так сиротливо, что Митя заволновался. И одежды нигде не было. Ни Кати, ни одежды.

«Под портфель положила», — решил Митя, но все-таки кубарем скатился с обрыва и наскочил на Катину бабушку. К счастью, она его не узнала. Она придержала его за плечо.

— Портфель видишь на камне? Принеси.

Митя в ужасе шарахнулся к воде. В голосе Катиной бабушки он услышал что-то, напугавшее его очень сильно. Он прыгал по камням, задыхался и, прежде чем взять портфель, заглянул под него. Одежды не было. Он схватил портфель и помчался обратно. И старуха взяла его дрожащими руками, а Митя бросился наверх и направо — осмотреть речку за поворотом. Промчался метров пятьдесят. Пусто. Одна вода.

Катя утонула!

Митя ринулся вперед, к тайге, к следующему повороту. Нет-нет, Гайдученко здорово плавает, сейчас он ее увидит за поворотом... Пусто! Он побежал дальше и слышал, как бабушка кричала:

— Рятуйте!..

И тут Катя всплыла неизвестно из каких глубин, много ниже камней. Всплыла спиной вверх, в юбке, надувшейся пузырем! Митя увидел это издали, когда оглянулся. Катя поплыла к берегу — не кролем, как говорила дома, а сажёпками. А Митя тут же скрылся. Он очень хорошо знал, что взрослые не разбираются в таких случаях — ему тоже достанется заодно с Катей.

Митя отправился домой, но... Домой он попал поздно вечером: по дороге он второй раз встретился с Квадратиком, день был богат приключениями. И Митя забыл о Катином «купании». Вспомнил только сегодня, на контрольной, когда писал Кате записку. Толком он ничего не знал,

конечно. О перемещениях даже не догадывался. Кому такое придет в голову, сами посудите?

Так что Митя вовсе не следил за Катей Гайдученко вчера. Но сегодня, после контрольной, он все вспомнил и тут уж решил последить на всякий случай. Странное купание затевает девчонка! И Митя, пригибаясь и выглядывая из-за поворотов, побежал за Катей, когда она снова отправилась на камни.

Честно говоря, она едва дождалась конца уроков, чтобы последний раз... Что — последний раз? Побывать в перемещениях? Она сама толком не знала, чего ей хочется. Очень уж все было странно и непонятно.

«БЭТИСКЭЙФБРИТН»

8 Был пасмурный день, похожий на осенний. Весь мир казался серым и унылым, лишь бархатно-зеленая стена тайги за поворотом русла оставалась сама собой, и ярко желтели песчаные осыпи на обрыве. Вода зло бурлила между камнями, волокла с гор глинистую муть — это в верховьях прошли весенние дожди, сбили с кедров прошлогодние шишки, смыли зимнюю хвою-падалицу, растопили последние пласты снега, схоронившиеся на южных склонах оврагов...

Катя ждала. Руками, потными от ожидания, она держалась за портфель. Перемещение запаздывало. Сменился караул, волейболисты начали игру — белый мяч, вращаясь, взлетел над забором, и засвистел невидимый судья. Мимо угла забора, откуда могла появиться бабушка Таня, прошел рабочий в пластмассовой каске, с ржавой трубой на плече. От груза его походка была важной. Он с натугой перекинул трубу через забор, в институт, и налегке пошел обратно, глядя на Катю. Прошел, скрылся за обрывом, а перемещения все не было.

Катя подпрыгивала на Полудыньке вместе с портфелем. Ведь в том мире, где ее никто не знает и не может посягнуть на ее самостоятельность, она вольна рассказать взрослым о координатах! Убедительно рассказать, так,

чтобы ей поверили, а затем исчезнуть. Это она сообразила, уже сидя на камнях. Но все оставалось на своих местах, по речке несло всякую ерунду — пустые шишки, дохлых мышей, щенки. А еще через минуту на высоком берегу появился Митька Садов и замахал руками.

— Убирайся прочь! — прокричала Катя. — Шпион!

Митька приложил ладони к ушам.

— Убирайся, шпион чертов!

Митька исчез.

Катя прикусила губу побольнее и поднялась. Перепрыгнула на соседний камень, балансируя портфелем, — всё, пора домой. Вон Садов прячется на берегу, шпионит, как и вчера. Она выпрямилась на камне, чтобы перепрыгнуть на следующий, ближе к берегу, взмахнула руками и...

Началось! Надвигалась светлая темнота.

Катя быстренько присела, обхватила колени руками, не выпуская портфеля. Темнота сгущалась медленнее, чем раньше, зато боли и замирания духа не было — легко-легко она летела сквозь пульсирующую пустоту, и кругом звучали пульсирующие голоса: «Оопять пооле... леесесток... неерегрууженн...», и один голос был очень знакомый: «Моощноость... вышш...» И все смолкло.

В той же позе, прижимая портфель к коленям, она оказалась в узкой щели между двумя деревянными стенками. Где-то рядом играла музыка.

«Тру! Ту-ту, тру!» — гнусаво трубила музыка. Над головой что-то жужжало. Портфель упирался в полированную деревянную стенку.

Катя подняла глаза и пискнула от удивления: над ее портфелем до самого потолка вздымалось бутылочное войско из первого перемещения! Деревянная стенка за спиной оказалась тем самым барьером, на котором стоял «Рам Джамайка». Джошуа, негр с этикетки, остомбенело торчал над Катиной головой. Высоко, как столетняя сосна. Катя сидела рядом с его огромным лакированным ботинком...

Первым опомнился Джошуа. Он опустил толстую руку, черную, в твердой белоснежной манжете, нащупал Катину голову и легонько пригнул к полу. Катя поняла — надо сидеть тихо и не высовываться. Потом Джошуа начал топтаться рядом с ней, чем-то звякал под ее головой,

снимал и ставил на место разные бутылки и вдруг... шагнул прямо через Катю. Она пригнула голову. Джошуа как ни в чем не бывало удалился по проходу между бутылками и барьером, держа перед собой длинный серебряный поднос. Негр был одет в странший, но красивый черный костюм с двумя хвостами сзади. Такой костюм Катя несколько раз видела по телевизору на скрипачах и дирижерах.

Музыка смолкла, и лишь тогда Катя поняла, что за механизм помещается перед ней, в углублении стены. Автоматический проигрыватель! Кончилась пластинка, лапка с иглой судорожно подпрыгнула и отъехала в сторону, затем вторая лапка, тоненькая, подхватила пластинку и унесла в другую сторону, а новая пластинка просто упала сверху, из приготовленной стопки! А лапка с иглой, как ждала, — раз! — опустилась на пластинку, и опять началась музыка. Катя разглядела на пластинке рисунок, изображающий собаку перед широкой изогнутой воронкой.

Свою собаку она брала бы в перемещения. Интересно, действуют ли таинственные силы и на собак.

Тем временем Джошуа что-то делал за барьером. Донесся его рокочущий бас, звон стекла — что-то случилось. Катя это почувствовала, хоть не могла разобрать слов. Ведь проигрыватель гремел рядом, а Джошуа говорил довольно далеко.

Что-то случилось! Деревянный пол снова затрясся под грузными шагами. Джошуа почти подбежал к проигрывателю и нажал кнопку. Игла поднялась, пластинка перестала крутиться. Стало тихо.

И в тишине резко раздался повелительный тонкий голос:

— Подайте баккарди, Виллис! Включите одиннадцатую программу!

— Да, сэр, — ответил Джошуа.

Катя замерла — пол скрипел при малейшем движении.

Джошуа опустил глаза и розовыми ладонями сделал огорченный жест: ничего, мол, не получается.

Катя в недоумении тоже развела руками: дескать, не понимаю, что у вас не получается.

Негр в испуге косился то на нее, то на тех, что были за барьером. Взял плоскую бутылку на поднос. Ушел. Сидеть было неудобно. И скучно. И страшновато! Когда рядом с тобой человеку страшно, то сам начинаешь бояться.

За барьером щелкнуло и заговорило радио. Катя прислушалась. Диктор быстро, тихо говорил по-английски, можно было разобрать слово «шип» — корабль. «Да это телевизор, что в углу, рядом с окошком», — вспомнила Катя и повернулась лицом к барьеру. Резко скрипнули доски под каблуками, запахло пылью.

Сейчас же тонкий голос спросил:

— Крыса за ковром?

— Простите, сэр? — пробасил Джошуа.

— Можете идти, Виллис. Я позвоню.

Сквозь щелку в барьере Катя видела, что негр уходит, волоча ноги и оглядываясь. Вот он еще раз сверкнул глазами, закрывая дверь. Это справа от окна. Слева было видно хуже — щелка перекашивалась направо. Ага, двое сидят за столиком, а дальше, в глубине комнаты, экран телевизора. Цветной телевизор, смотри-ка!

— Да, лакомый кусок этот корабль! — проговорил хозяин.

— Велик для любой глотки, — сказал второй.

У него был тихий, ленивый, сильный голос.

— Баккарди у вас отличный, мистер Уоррен, — слышно сказал второй. — Настоящая «белая этикетка», редкость в наши дни...

— Рад доставить вам удовольствие, Майкл. Значит, на бирже застой?

— Ску-учица, мистер Уоррен. На бирже скучища, в конторе мухи засыпают на лету.

— Преувеличиваете, Майкл. Я слышал, у вас были интересные дела.

— А-а, ничего интересного для вас. Вы теперь помощник...

Хозяин засмеялся.

— Выкладываете, Майкл! «Морским драконом» вы занимались?

— А нечего выкладывать, — лепиво засипел Майкл. — «Дракона» купило неизвестное лицо. Ну, я узнал фамилию. Солана. Бразильский подданный.

— Частное лицо все-таки?

— Я бы сказал — даже слишком частное. Известно только имя, других сведений получить не удалось.

— Как же вы так...

— Дал маху, хотите сказать? Он законспирирован намертво. Я покрутился, покрутился и плюнул.

— Надеюсь, субмарина разоружена?

— Начисто, в том и дело! Я сначала решил, что бразильские вояки приобретают «Дракона» через подставное лицо. Нет... Частное судно, не застраховано, новое название — «Голубой кит».

— Не застраховано? Интересно! — сказал хозяин.

Кате было скучно и неудобно сидеть. Она старалась не шевелиться, чтобы не подвести Джошуа, и скучала. От нечего делать она попробовала вспомнить — кто из литературных героев кричал: «Крыса за ковром!» Вспомнила: Гамлет, принц датский, когда Полоний прятался за ковром, как она сейчас за барьером.

— Интересно, — согласился Майкл. — Для меня. Я — сыщик на службе страховой компании. Но тысяча извинений, мистер Уоррен, вы теперь помещик. Какой вам интерес в делах? Вы и телепередачи смотрите, и читаете газеты, и слушаете мою болтовню. Зачем вам эта скучища? Разводили бы лошадей.

— Я тридцать лет страховал корабли, — мягко сказал Уоррен. — Тридцать лет! Это накладывает клеймо, знак рабства, Майкл. Вы тоже занимались «Драконом» из чистой любознательности.

— Да я шучу, сэр. Мы все меченые, как атомы. Тридцать лет назад я ходил в коротких штанишках... О, начинают спуск!

Катя оживилась — щуплая фигура хозяина поднялась из кресла. Телевизор заговорил громче:

— ...«Бродкастинг систем». Оптические устройства поставлены фирмой Стоун...

Телевизор говорил громко, но экрана Катя не видела совсем, потому что и гость и хозяин подошли к приемнику.

— Вы сегодня вылетаете на место? — спросил хозяин.

— Да, сэр. Надо посмотреть, что они поднимут.

— ...Вы видите, как главный специалист фирмы подходит к лебедке. Прежде чем «бэтискэйфбритн» опустится

на дно, туда будет послана телевизионная камера. Внимание! Вы будете первыми. В глубинах океана вы первыми увидите корпус прекраснейшего корабля столетия — «Леонардо да Винчи». Лишь завтра «бэтискэйфбрити» погрузится в пучину, сегодня же на разведку выходит телевидение! Внимание! Лебедка пошла! Спуск будет продолжаться около часа. Сейчас камера коснется воды...

Катя схватилась за лакированные стойки барьера и вертела головой, чуть ли не визжа от возбуждения. «Леонардо да Винчи!» Ничего, ничего не видно! Она лихорадочно соображала — как ей поступать теперь? Выйти к этим людям и повторить слова Дювивье? Раз они страхуют корабли, то им невыгодно, чтобы корабли тонули. Они платят деньги владельцам утонувших кораблей, а сыщики страховых компаний выслеживают — не утопили ли хозяева свои корабли нарочно, чтобы получить страховую премию. Об этом Катя читала много раз... Но что делать?

«Вставай, трусиха!» — сказала себе Катя. И встала.

Тощий Уоррен и грузный Майкл, повернувшись к ней спинами, глядели на экран. Между их плечами была видна полоска экрана — сине-зеленые лучи веером. Катя осторожно кашлянула — не слышат...

Ее голова еле высывалась над барьером, как Петрушка в кукольном театре. Пришлось приподняться на цыпочках.

— М-хм!

Не слышат. «Глубина — сто футов¹», — провозгласил диктор. И вдруг послышался тихий вибрирующий голос. Он говорил по-русски: «Береза, береза, возврат через тридцать секунд, прием...»

Катя обомлела. Майкл повернулся рывком — стакан в толстой руке, сигарета в углу рта...

— А, мисс Элизабет! — сказал Майкл.

— Где она? — недовольно обернулся хозяин.

— Я не мисс Элизабет... — начала Катя. — Прошу прощения...

Окно, телевизор, белые рубашки и удивленные лица мужчин заволокло туманом.

¹ Фут — английская и американская мера длины, равная 30,4 сантиметра.

— Ой, погодите! — закричала Катя. — Погодите!

Первый раз она не хотела переменяться: не успела ничего, не успела предупредить, не досмотрела передачу с того места, на котором была вчера!

Но поздно, поздно... Серебристая мгла сомкнулась над головой. Смолк телевизор — знакомые уже голоса переливались кругом, как вода на стенках стеклянного шара, и снова говорили, что лепесток перегружен, перегружен!.. Катя стояла на плоском камне у самого берега.

Едва переместившись, она вскочила и бегом бросилась к институту по сыпучему пыльному откосу. В институтском клубе стоял прекрасный телевизор. А вдруг наши принимают от англичан эту программу? «Ну что вам стоит, голубчики, — молила Катя на бегу, — это же интереснее, чем ваш глупый футбол, ну что вам стоит?!» «Бэтискэйф-бритн»... — шептала она про себя. — Какое странное слово — «бэтискэйф-бритн».

Конечно, передавали таблицу, нелепую выдумку, по Катиному мнению. Свердловское телевидение передавало ее часами. За всеми волнениями Катя проглядела нечто важное. Когда она появилась на камне, то на берегу, из-за бетонной сваи, поднялось бледное лицо Мити Садова. Потом он побежал за ней к клубу. Потом провожал до самого дома, прячась за соснами.

В этом городе сосны росли прямо на тротуарах между шестигранными бетонными плитами. За домами по горизонту шли плавные волны уральских гор. Это был отличный город, но он не мог ничем помочь Кате.

ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ КАТЯ

9 Прошло трое суток после начала Катиных переменений. Пока она сидит за письменным столом и делает вид, что решает задачи по алгебре, посмотрим, что происходит вокруг нее и что толкуют об ее приключениях.

В Англии слуга из богатого дома подозревает, что русская девочка — колдунья. Так он и рассказывает своей на-

чальнице, экономке. Наивное мнение, особенно в век кибернетики. Но подумайте сами, разве мало наивных людей поклоняются особо могущественному колдуну — богу?

Хозяин дома и его гость, сыщик, не знают, что и подумать. Девочка исчезла из-за барьера самым таинственным образом — в облачке тумана. Гость высказал мнение, что девочка пришла в гости к кому-нибудь из слуг, и до правды теперь не доберешься, потому что слуги всегда горой стоят друг за друга. А туман... О, после хорошего «баккарди» чего только не померещится!

Шепчутся о Кате еще в одном месте — посреди Атлантического океана, на сорока градусах северной широты и семидесяти градусах западной долготы. На подводной лодке «Голубой кит», бывший «Морской дракон», инженер-радиист Дювивье в десятый раз объясняет своим друзьям, что в радиотехнике чудес не бывает. И вообще чудес не бывает. Девочка появилась и исчезла, следовательно, русские научились перебрасывать людей на большие расстояния. Бен Ферри и Жан Понсека верят радиоинженеру, но в конечном счете тоже не знают, что думать.

На «Голубом ките» сохраняется режим полной тишины. Субмарина по-прежнему лежит на склоне подводного хребта, на глубине пятисот метров. Поблизости, под обрывом хребта, покоится мертвый корпус лайнера «Леонардо да Винчи». Глубина — полторы тысячи метров, так глубоко подводная лодка нырнуть не может.

Заметим, что Катя этого не знает. Она думает, что побывала на подводном корабле, с которого велась телепередача, и удивляется: почему бы Дювивье не предупредить корреспондентов об опасности? Те бы всему миру сообщили по радио и телевидению... Разговор мистера Уоррена и Майкла — о странной истории субмарины «Голубой кит», об ее таинственном покупателе — она пропустила мимо ушей. «Два Жана» и Бен Ферри как-то упустили из виду, что девочке надо назвать корабль, на котором она побывала.

Чего еще не знает Катя?

Что такое «бэтискэйфбритн». Почему вдруг начались перемещения. Почему Яков Иванович с каждым днем все позже возвращается из института. И что делает Митя Садов, тоже неизвестно Кате.

А он вот что делает. Сидит на полосатой скамье напротив Катинного дома и ждет, а для сокращения времени релаксирует новый фокус.

ВОТ ЭТО ФОКУС!

10 Митя ждал довольно долго. Он был очень спокойным и благодушным человеком, так как пошел не в мать, а в отца, тоже благодушного пухлого добряка. Отец был шофером на дальних перевозках, на линии Киев — Одесса. Он водил огромный серебряный фургон-холодильник. Австрийский. Иногда, вернувшись из рейса, отец подруливал прямо к школе, чтобы поскорее повидаться с Митькой. Тогда фургон торжественно трубил своим иностранным сигналом на всю улицу, и учительница отпускала Митю вниз, поздороваться. Так было много лет, с первого класса до шестого, но в конце учебного года фургон не вернулся из рейса. Митя так и не узнал, что случилось на дороге, в ста километрах от Киева — перебегал ли кто дорогу, или навстречу попался пьяный водитель. Но отец не вернулся из этого рейса. Его привезли товарищи, и гроб не открыли даже на похоронах. А мать стала совсем невыносимой. Говорили, что на работе она тоже совсем невыносимая, что из жалости к сиротам ее взяли в Дровню, когда переводили лаборатории из Киева на Урал. Так Митя и попал на Урал. Тоську, младшую сестру, устроили в интернат, а он жил при матери и терпел. Одного он не выносил — холодильных фургонов...

Чего же он ждал на улице, Митя Садов? Почему он пренебрег такими приятными занятиями, как рыбная ловля или разговоры с друзьями? Он ждал, чтобы Катя избавила его от мучительного ощущения любопытства. Он ведь не ушел, когда Катя прогнала его, обозвав чертовым шпионом. Добродушный Митя притаился за прошлогодним бурьяном и все видел. Как исчезла Катя вместе с коричневым портфелем. Как появилась на том же месте, но в другой позе. Пока ее не было, Митя в страшном волнении то метался по берегу, то прятался в разных местах,

но так, чтобы видеть камни. На его счастье, Катя появилась к нему спиной, и он успел рухнуть лицом вниз и укрыться за бетонной свайей.

Теперь он храбро ждал объяснений, хотя знал, что у Гайдученко рука тяжелая. Митя не считался с пустяками, когда его разбирало всерьез. Мать перед поркой предупреждала его: «Дмитро, опять тебя разбирает? Выдеру!..» Обычно Митя не внимал этому честному предупреждению, и его драли.

Митю Садова разобрало всерьез. Он ждал, взволнованно ерзая, как будто сидел на парте. Он ждал, как на выступлении известного фокусника — второй половины, когда маэстро повторяет свои номера, великодушно открывая всем их изнанку, и секреты перестают быть секретами, и завтра можно начать репетировать перед зеркалом, а

потом показать друзьям и услышать от них: «Силен, Садов, силен!..»

И вот «маэстро» появился на сцене. Екатерина Гайдученко выскользнула из-за стеклянной двери, как из-за кулис, и независимым шагом двинулась в сторону булочной. Митя сообразил: Лену Пирогову пошла навещать — Ленка вернулась из больницы. Поспешно спрятал кроличью лапку, которая заменяла ему белую мышь (он очень любил фокусы с белыми мышами).

— Гайдученко, по-
годи!

Катя оглянулась с недоброй улыбкой.

— Ты опять здесь?

— Ну... — сказал Митя, подражая Квадратику.

Мужественный топ не подействовал на Катю. Почти не поворачивая головы, она проговорила:

— Ты бы шел своей дорогой, Садов.

— Не пойду, — сказал Митя. — Ты чудеса фокусничаешь, а я своей дорогой должный ходить, да?

Катя повернулась кругом. Лицо у нее было такое, что Митя поежился, не ожидая хорошего.

— Должен ходить, должен!.. — приговаривала Катя, надвигаясь на мальчишку, как тапк.

Митя живо отбежал на десять шагов, к углу дома.

— Шпионишь?! — грозно спросила Катя. — Выслеживаешь?! Все равно поймаю!

Садов потряс щеками. Нет, мол, не шпионю и не выслеживаю.

— Значит, просто так — прогуливаешься? — Она бросилась на Митю.

Он увернулся, забежал за будку с телефоном-автоматом. Катя — за ним. Он опять увернулся, вскочил в будку и стал держать дверь. Катя молча яростно дергала гремющую дверь.

Когда она просунула ботинок в щель, Митя сдался и завопил:

— Я не шпионил! Я фокус хотел узнать, иллюзион! Погоди-и!

Тут Катя вроде бы очнулась. Злые рыжие глаза стали опять серыми. Она рассмеялась. Громким, оскорбительным смехом. Садов утирал лоб и щеки, соображая, над чем она смеется? Он был уверен, что Катя на камнях репетировала иллюзионный номер, как он репетировал свои фокусы с монетами, картами и белыми мышами... Он не знал, что

Катя вспомнила свои страхи: «Садов все видел, Садов все знает и растреплет по всей Дровне... Фокусник! Везде ему чудятся фокусы».

— Нет! — отрезала Катя. — Фирма секретов не выдает.

Она выдернула ботинок из-под двери и пошла было прочь, но нет! Катя не знала, что такое душа артиста. Настоящий артист должен быть готов на все ради искусства — вот как!

И артист Садов загородил дорогу Кате и воскликнул:

— Ты поступаешь, как человек из капиталистического мира, Гайдученко! Это не по-советски...

— Неправда!

— Правда! Зажимаешь. Разве не правда?

Обвинение было очень серьезное. Приходилось объясняться, иначе получалось действительно не по-советски. Но как ему объяснишь?

— Пойми ты, чудак человек, это не мой секрет, — выкручивалась Катя. — Я дала слово никому не объяснять про этот... фокус. Иллюзион этот самый... А что ты называешь иллюзионном?

Митя, заискивая, объяснил, что фокусы можно показывать «чистые» — без приспособлений, ловкостью рук. А можно и при помощи приспособлений.

— Видела, как кролика вынимают из цилиндра с двойным дном?.. Не видела? Эх, ты!.. Вот цилиндр с двойным дном и есть приспособление для фокусов. Артист, который работает с таким цилиндром и прочими штуками, называется иллюзионистом, а фокусы с приспособлениями называют иллюзионном. Но секреты таких приспособлений берегут только капиталисты, так что если Катя не объяснит про свой фокус, то будет это не по-советски.

— Отстань! — мрачно перебила Катя. — Иллюзионщик...

Митя улыбался добродушно и растерянно. Ему казалось: вот он решится и приступит к Гайдученко с вопросом, и все получится замечательно. Она покажет «приспособление для исчезания», а он помчится домой и сделает себе такое же и даже еще лучше. Много лучше! У него есть друзья в ремесленном училище — помогут. Митя уже представлял себе покрывало, которого не видно на фоне

речной воды. Серебристое, вроде палатки-серебрянки. Серебристое, отливающее, как спинка плотвички... Эх! Где только взять такой материал?

— Ну привет, Садов!

Расстроенный Митя не стал прощаться, а заложил руки в карманы и пошел рядом с Катей. А вдруг она применяла черный бархат или систему зеркал — испытанные приспособления иллюзионистов? Нет... Черный бархат годится только на фоне черного же бархата. Зеркало посреди реки не поставишь. Нет, нет! Конечно, серебрянка... Но какая? Вот вопрос.

— Ладно, — сказал Митя, — отстану. Сам попробую. Привет!

— Перемещаться? Вот чудак смешной! — вырвалось у Кати.

Вырвалось навязчивое слово. А слово-то не воробей. Действительно, раз вырвалось — не поймаешь!

Садов схватил ее за рукав.

— Куда перемещаться?!

— Ну пошли, расскажу, — сдалась Катя.

Так секрет наконец перестал быть секретом. Катя рассказала Мите о перемещениях. К Лене Пироговой она, конечно, не попала — добрый час они с Митей бродили по городку. Потрясенный Митя даже не задумался, почему доверили ему такую захватывающую тайну. Пожалуй, и сама рассказчица этого не знала. Может быть, надоело ей выкручиваться и изворачиваться — она была по натуре правдивым человеком и врал без удовольствия, по необходимости только. Может быть, замучила ее неизвестность — как быть с предупреждением Дювивье? Что она, Скупой рыцарь?

— Ну вот, — закончила Катя, — два дня прошло даром. Что делать — неизвестно.

Митя раскраснелся и шел, взволнованно посапывая. Затем надвинул фуражку на брови и заявил решительно:

— Бреешь! То есть сочиняешь.

— От дурной! Завтра же сам посмотришь!

— Это — мысль, точно! — оживился Митя. — Точно! А Игоря с собой возьмем?

— Ка-ко-го Игоря? Что еще за Игорь? Трепло ты, Митяка!

— Ой, он отличный парень! Местный парень, из третьей школы. Я вчера с ним познакомился.

Катя посмотрела на него с сожалением — никакой логики, никакой выдержки, трепло и трепло...

— Слушай, Митька! Слушай внимательно. Если хоть кому, если хоть одно слово без моего разрешения, мы враги на всю жизнь! Кровные враги, можешь это понять?

— Могу, — сказал Митя.

— Ты пока не можешь. Вот протрепцешься, тогда поймешь. Нет, в тебе что-нибудь есть мужское?! — Катя шипела, как сердитая кошка. — Кровная вражда! Понял? Не на жизнь, а на смерть!

Митя ответил с некоторым испугом, что обещает не протрепаться никому, но Игорь-Квадратик в самом деле отличный парень, собирается быть морским радистом, и они вчера до полуночи сидели за Игоревым ка-вэ-передатчиком и имели даже связь с Югославией...

— А что это — ка-вэ-передатчик? — спросила заинтересованная Катя.

— Эге, я сам не знал до вчерашнего! Настоящая радиостанция! Там и передатчик, и приемник, и можно со всей Землей беседовать сколько влезет, а за каждую связь присылают открытку. У Игоря этих открыток — во! Целая стопка. И за вчерашнюю Югославию ему пришлют открытку...

— Здорово! — восхитилась Катя.

Ни о чем подобном она и не слыхивала, ни один из ее знакомых мальчишек не занимался таким интересным делом. Хотя среди них и были умники вроде Шведова, и лихие техники-радиолюбители, как, например, Жора Кошкин, сосед по киевской квартире. Жорка строил модели самолетов, управляемые по радио, и они летали довольно исправно, только иногда врезались прямо в землю. Эта особенность Жоркиных творений была неприятной. Самолеты «гробились», как настоящие.

— А почему «ка-вэ» передатчик называется?

— Потому что короткие волны, — важно пояснил Митя.

До следующего угла они прошагали молча, раздумывая, но каждый о своем. Митя косился на чистенькую, аккуратненькую девочку в желтых ботинках и думал, что

девчонки — удивительно скрытные люди и в самых волпующих и опасных историях умеют оставаться невозмутимыми. Тут же он усомнился — Тося Матвеева визжала бы в голос на месте Гайдученко, так что невозмутимость приходилось отнести на Катин счет, а не на общий девчочный. На углу Митя отвлекся и стал воображать, как бы он себя вел в Англии. Наверное, никак бы не вел — языка-то он не знает никакого, кроме украинского, и то плохо.

А Катя думала-думала и вдруг сказала:

— Идем к твоему Игорю...

Митя отозвался сдержанно:

— Ну-у... — и никак больше своего восторга не обнаружил. Он уже сделал выводы из Катиной справедливой критики.

— Но смотри, о перемещениях молчок! — грозно сказала Катя.

Такое условие Мите даже и понравилось. В конце концов они с Гайдученко друзья и земляки, а Квадратик хотя и отличный парень, по чужой пока что.

И они побежали к Игорю.

КАТЯ-РАДИОГРАММА

11 Непривычно и странно было подходить к калитке, прорезанной в глухом кедровом заборе. Непривычно было смотреть на маленькие окошки в больших наличниках и знать при том, что за бревенчатыми древними стенами живет мальчишка, умеющий говорить со всей Землей. Странно было видеть два высоких столба над крытым двором — два столба, и между ними провода, высоко-высоко над крышей.

— Видишь — антенна, — сказал Митя. — Длина двадцать метров, подъем — пятнадцать. Он сам построил!.. Давай стучать — там у него Барс. Свирепый.

Но Катя нажала на кованую щеколду и прямо вошла под крышу двора. Не родилась еще та собака, которая на нее бросится!

— Назад! — крикнул Митя, но было уже поздно.

Катя шагнула через доску под калиткой, и хрипящая буря налетела на нее из темноты. Р-rrr! Катя лежала на земле, а пес стоял над ней и устрашающе рычал, а его цепь еще звенела, укладываваясь после броска. Митя кричал: «Свой!», из дома тоже закричали и кто-то выскочил и оттащил мохнатого Барса. И Катя смогла подняться. Пес оказался рыжим. Как раз о такой собаке мечтала Катя, но сейчас ей расхотелось иметь собаку.

— Он слишком неожиданно бросился! — оправдывалась она. — Я и слова сказать не успела.

Квадратик промолчал. Он оттащил собаку и приказал: «Сидеть!» Потом провел их в дом, где странно пахло гарью, а откуда-то сверху вопрошал тонкий старушечий голос:

— Иго-орь, внуче-ек, не за лекстричество платить?

Оказалось, что бабушка Игоря лежала на печи! Катя только читала о таких диковинах. «Несу косу на плечи, хочу лису посечи,— слезай, лиса, с печи!» Диковина! Но еще диковинней показалось, что в комнате Игоря над верстаком висела настоящая икона с лампадкой. Тонкий темный лик казался живым от тепленького огонька и недобрительным глазом смотрел на верстак, занимающий полкомнаты. Этот верстак был построен так же добротню, как и весь дом. Он служил верстаком, книжной полкой, письменным столом, и — главное! — на нем была установлена радиостанция. Разноцветные провода, как лианы, обвивали крошечные стволы, отливающие медью. В этом конце дома запах печки и лампадного масла перебивался хвойным духом канифоли и особым радиотехническим запахом старинных ламп, покрытых изнутри зеркальным налетом. Где только их выкопал молчаливый хозяин? Таинственный прибор — черный, блестящий, с массивными медными винтами — красовался посреди верстака. Он выглядел настолько внушительно, что Катя все время таращилась на него. Прибор был иностранный, с жирной надписью: «Siemens Halske».

Игорь наблюдал за Катей, помаргивая, немного сонно, голубыми глазами. Когда она заинтересовалась прибором, он сообщил:

— Генератор стандарт-сигнала, немецкий...

— Здрóрово! — сказала Катя. — Откуда он у тебя?

— Отец с фронта привез, — ответил Игорь.

Затем наступило неловкое молчание. Квадратик вовсе не смущался. Любой другой мальчишка на его месте припаялся бы суетиться или грубить — Катя уже привыкла к тому, что знакомые мальчишки смущаются, когда девочка приходит к ним в гости. Этот и не подумал даже объяснить, что, мол, икона не его, а бабкина, а сам он, ясное дело, неверующий. Он спокойно сидел на высокой самодельной табуретке и ждал, что скажет гостья.

На этот раз смущалась Катя. От неловкости стала смотреть книги. Мама и бабушка Таня тысячу раз ей втолковывали, что невежливо, придя в гости, сразу соваться к книжной полке. Ладно, Катя влезла на верстак животом и рассмотрела книги Квадратика. Здесь она могла взять реванш за непонятный «генератор стандарт-сигнала» и всю прочую радиотехнику. По крайней мере, ей так казалось, но...

Игорь был особенным человеком. Его библиотека четко делилась на две части.

На нижней полке стояли книги по радиотехнике — не меньше сотни томов с непонятными названиями, и среди них огромный каталог радиоламп, чуть поменьше маминного атласа. Зато на верхней полке стояли морские книги. Чего здесь не было! Пузатая книжечка «Силуэты военноморских кораблей», потом «История великих открытий», потом военные мемуары, два тома учебника навигации — всего и не перечислишь.

Потрясенная, Катя слезла на пол. Митька улыбался с непробиваемым благодушием. Игорь спокойно поглядывал, как будто книги были вовсе не его. Он был очень спокойный и надежный на вид, без щегольства и зазнайства, не то что Шведов.

И все-таки, не доверяя своим глазам, Катя спросила:

— Это всё твои книги?

— Эти братнины, — окая, ответил Игорь, — а вот мои. Сам покупал. Старые у соседа на чердаке нашел. Новые купил.

— Ого! — Митя был поражен. — Тебе мать дает денег на книги?

— Попросил бы — дала. Я не прошу. Зарабатываю.

— Зарабатываешь? Ты же маленький! — сказала Катя.

Наконец-то Квадратик удивился, но ответил Кате без надменности:

— Белку бить каждый может. У нас младший, Олежка, двадцать белок принес за зиму.

— Двадцать? А ты сколько?

— По нынешней зиме свыше сотни. Прошлую — тоже, и волчиху с выводком.

— Настоящую волчиху?

Квадратик неторопливо объяснил, что с Барсом каждый может взять и белку и волка. Медведя тоже. Только на медведя с дробовиком идти плохо — собаку погубишь и сам не спасешься. Нужен штуцер¹.

Катя не знала, что такое штуцер, и вообще была принципиальной противницей всякого убийства. Даже волков и тем более белок. Но Игорь-Квадратик, несмотря на свое кровожадное увлечение охотой, ей понравился. Больше, чем все знакомые мальчишки.

Она решительно уселась, решительно поправила платье и сказала:

— Игорь, ты человек понимающий! Дай нам, пожалуйста, совет.

— Совет... — сказал Игорь.

— Представь себе, пожалуйста, что... ну я узнала одну тайну... Митька, молчи! Я не могу сказать, как я это узнала, вот... но меня просили передать, что район с координатами сорок градусов северной широты и семьдесят градусов западной долготы опасен для плавания.

Нечаянно у Кати произнеслось по-английски: «Swimming is dangerous». И Квадратик посмотрел на нее внимательно и осведомился:

— Просили м н е передать?

— Конечно, не тебе.

— Не мне. Кому просили передать?

Катя развела руками.

— Получается, просили передать и не сказали кому?

От недоверчивости Квадратик окал сильнее обычного.

¹ Штуцер — охотничья винтовка для охоты на крупного зверя.

Лицо же его оставалось совершенно невозмутимым. Он вытащил с верхней полки маленький атлас, несколько секунд помедлил и сразу открыл его на Северной Америке. Катя смотрела на карту со страшным чувством. Будто она ожидала других координат на этом месте.

Нет, все правильно. Линии перекрещивались там же, рядом с Нью-Йорком, на самой границе прибрежного мелководья.

Игорь поставил атлас на место и приготовился слушать дальше. Он прочно сидел на прочном табурете, а широкие руки с короткими пальцами спокойно держал на коленях, одна около одной.

— Ну вот посоветуй, кому это можно сообщить. Вот если бы ты принял такое сообщение по радио, без подписи? — произнесла Катя фразу, приготовленную еще на улице.

— Я такого не принимал.

— Но если бы принял?

— Если бы да кабы. Не принимал я такого.

— А если бы принял?

— Передал бы в Москву через других любителей. Как о сигнале бедствия. Если бы сам принял!

Безвыходное положение! Этот мальчишка ни за что не пойдет против совести. Напрасно, значит, Катя рассчитывала на его помощь.

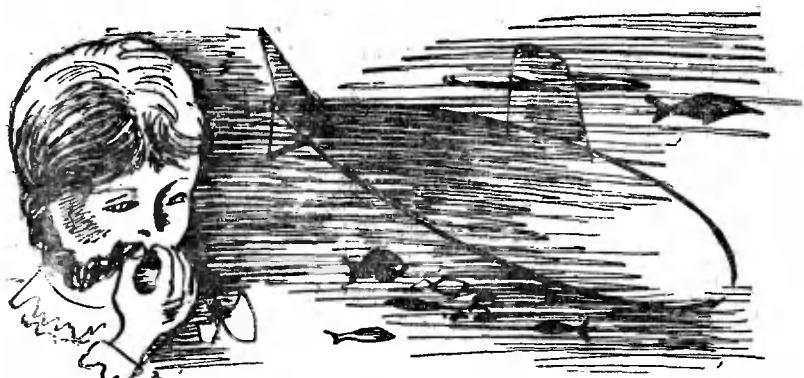
Но где найдешь другого помощника? Этот — радист и целую морскую библиотеку собрал. Просто чудо, как вовремя Митя с ним познакомился... Вот он сидит, Митенька, легкомысленное существо, и жестами показывает: «Да расскажи ты все Квадратику, он свой парень!»

Свой-то свой, да чересчур суровый...

Но дело, в общем, было ясное. Приходилось рассказывать.

...Это было непросто — рассказывать Игорю Ергину о перемещениях. Катя уже рассказывала дважды. Один раз Джошуа Виллису, который не поверил ни одному слову (правда, он поверил потом, но это не считается). Только что она рассказала более полный вариант Мите, который поверил в ее рассказ, как в волшебную сказку. Интересно, мол, спору нет, а в жизни так не бывает...

Игорь слушал по-другому. Один раз он выслушал все

подряд, не перебивая. Только нос еще больше вздергивался и на обветренном лице проступали веснушки. Потом он промолвил:

— Повезло...

Это было сказано вполголоса, но Катя поняла, как он ей завидует.

— Определенно повезло, Катерина!.. Рассказывай по новой.

— Опять рассказывать? Ты что, не слушал?

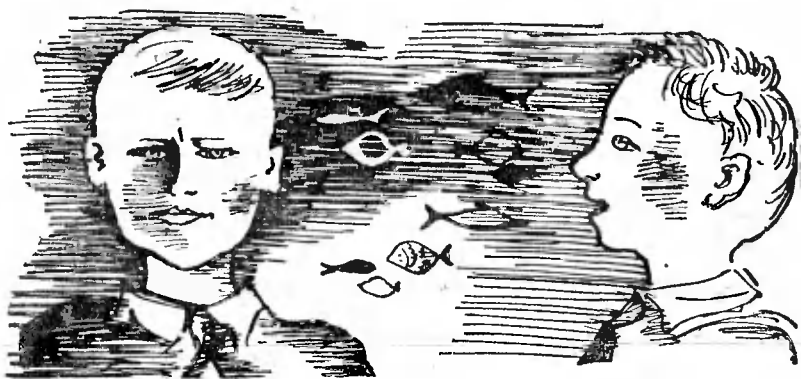
— Слушал. Повторяй, будем разбираться.

Катя начала с того момента, когда перед ней оказались бутылки. Игорь перебил:

— Давай с самого начала. Где ты сидела? Нарисуй камни, где сидела первый раз... Понятно. Теперь рисуй, где третий раз сидела, перед второй Англией... Понятно. Метров на пять ближе к берегу?.. Что про лепесток голоса толковали? Перегружен?

Катя повторила, что голоса доносятся дрожащие, смутные, и каждый раз действительно жалуются, что лепесток перегружен.

Игорь даже руки потер от удовольствия и повторил особо важные вещи. С Полудышки Катя попала в малую гостепиую английского дома. А с плоского камня ее перенесло за барьер, к ногам Джошуа Виллиса. Лепесток был перегружен. Таинственный голос вызывал «березу». Катя

прибывала на новое место в той же позе, в которой была на старом месте...

— Понятно! — заключил Игорь, сильно окая. — Теперь понимаю. По радио тебя передавали, Катерина.

Катя вытянулась на стуле и побледнела, а Митя Садов засмеялся неудержимо. Честное слово, Кате было не до смеха! Но Митька хохотал и сквозь смех выдавливал:

— У-хи-хи... ой... Передаем пионерскую зорьку... Ух-х... и с добрым... утром!

— Дурачок! — сказала Катя с достоинством. — Полный дурачок!

Игорь вовсе не обратил внимания на глупый смех Садова. Он больше Катиного имел дела с мальчишками и спокойно повторил:

— Передавали, как радиogramму. Вот до чего наука дошла!

— Не может быть! — сказала Катя. — Ни за что! Я вовсе не радиogramма и не пионерская зорька. Треплешься ты, Игорь!

Тогда Квадратик чуть нахмурился и спросил, как же она объясняет перемещения? Может, вот этим способом? Он кивнул на икону с лампадкой.

— Конечно, нет, — отмежеввалась Катя.

Но ведь она — человек, а не радиogramма... Она понимает, что можно передать изображение по телевидению.

Это другое дело. Изображение не человек, понимаете? Она-то, она-то живая! В Англии и на корабле она была сама, не изображение, сама, такая же, как здесь! Как можно так говорить, будто она, Катя, радиogramма?!

От возмущения она стала заикаться и брызгать слюной. Но Игорь сказал безжалостно:

— Совсем темная!.. Как моя бабка. Она про телевизор говорит: «Соблазн диавольский, сатанинское наваждение».

— Ну знаешь! — возмутилась Катя еще пуще.

— Нет, постой... Ты вообрази, что двести лет назад увидели телевизор. Что бы они сказали? Не может быть? Ага! — Квадратик покачал головой. — Соблазн диавольский! — повторил он назидательно. — Радиотехника все может, понятно? Поначалу смогли передавать звук, потом изображение. Потом — цветное изображение. Сейчас, видишь, научились прямо человека передавать.

Катя молчала, подавленная. У Игоря была железная логика, и получалось все так просто — сначала звук, потом изображение, потом весь человек сразу. Просто, понятно, если бы речь шла о ком-то еще. А передавали ее, понимаете? Как телеграмму «поздравляем с праздником»...

— Ну хорошо, — прошептала она, — пусть передавали, как радиogramму! Но почему же меня, а не тебя или еще кого-нибудь?

— Ты приходила на камни во время передачи.

— Да-да, я и хотела спросить: почему передают камни? Они что — антенна? Разве бывают каменные антенны?

В этот момент Митя с шумом спрыгнул со стола и потребовал, чтобы они перестали валять дурака и обсуждать глупые фокусы. Он знает, что было с Гайдученко. Гипноз! Шутник какой-то прятался в камнях, в скельках этих знаменитых, и гипнотизировал Катю.

— Будто она путеше-ествовала, — передразнил Митя, — видела А-англию, Аме-ерику... Подумаешь! Каждый настоящий иллюзионист умеет гипнотизировать. Вот один такой и засел в камнях, и всё.

Легкомысленный Митя забыл, что он сам наблюдал Катины исчезновения и появления.

Катя возмутилась окончательно. Ее гипнотизировали?!

Вреши! Никому не удастся ее загипнотизировать! И вообще...

Что «вообще», Катя не знала. Гипнотизера выдумал, фокусник!

— Ладно, — сказал Игорь, — откуда возьмется твой гипнотизер?..

— А передача откуда возьмется?! — крикнул Митя.

— Из института. Откуда еще?..

Замолчали. Действительно, все происходило прямо под институтским забором, в ста метрах от нового корпуса.

— Боюсь судить, — солидно сказал Игорь. — Боюсь судить, а, наверное, тебя зацепило лепестком. Вот они и толковали про лепесток.

— Лепестком? Зацепило?.. Лепестки же у цветов, а не у радио.

— Есть и у радио, потом расскажу. Поздно сейчас. Пришли-то вы за делом. Про координаты что они говорили?

Правда, в споре они забыли, что пришли к Игорю за помощью.

Катя повторила про французских моряков и про опасные координаты. Рассказала еще раз о телевизионной передаче в Англии. Игорь снова переспрашивал и уточнял подробности.

— «Леопардо да Винчи»? Читал я, как он погиб. Поднимать его собираются, что ли? Не знаешь? Как они передавали, говоришь?

Катя повторила:

— «Бэтискэйфбритн опустится в пучину завтра». — Она перевела с английского «опустится в пучину завтра», а непонятное слово так и произнесла: «бэтискэйфбритн».

— Слышала ты сегодня? — уточнил Игорь. — Значит, опустится он завтра. Хорошо. Ты «бэтискэйфбритн» в словаре не посмотрела?

Катя не искала этого слова в папином словаре, не догадалась.

— Эх, нерасторопная! — сказал Квадратик. — Постой. Как по-английски «батискаф» произнесется?

— Бэтискэйф, наверное. А что это за слово?

— Слово и слово. Батискаф по-русски. Значит, завтра они будут опускаться в новом батискафе. «Бретань» на-

зывается. Понятно? Вместо батискаф «Бретань» — батискейфбритн, так?

Тут Митя выступил с новым предположением. Тем людям — в институте — нужен был кто-то маленький, но хорошо знающий английский язык. Вот они и взяли Катю. Она еще и французский знает, правда?

Эту мысль Игорь отбросил с презрением и больше не стал распространяться, как да почему. Сказал, что надо действовать, а не болтать. Потому что Катя при втором перемещении побывала на подводной лодке. Возможно, на атомной лодке.

Катя спросила тут же — почему на подводной лодке? Там был корабль, не военный. Откуда Игорь взял, что на подводной лодке?

Квадратик уклонился от ответа.

Он объяснит потом, когда будет разговор про лепесток. Пока что он согласен пойти на почту и отбить депешу в Центральный радиоклуб. О координатах. В принципе согласен, однако...

— Я с тобой, Квадратик! — загорелся Митя. — На почту!

Игорь взглянул на него и слегка улыбнулся. Почему-то ему нравился толстый трусоватый Митенька, который осмелился прилепить ему, вожаку Зимнего оврага, довольно обидную кличку. Возможно, Игорю нравилось, что Митя смотрит на него с восторгом, — кто из людей равнодушен к славе и поклонению?

— Не пойдет, Митяй. Надо одному, дело государственное... А ты, Катерина, подумай. Никому из ребят больше не рассказывай и подумай. Отец у тебя профессор, начальник. Лучше, чем нам, ты ему бы рассказала...

Катя энергично замотала головой.

— Это не дело, Катерина! От атомных подлодок добра не ожидается. Я готов депешу дать. Но сначала поговорю с отцом.

Катя еще раз помотала косичками и еще раз уступила. Третий раз за день. Страшно ей стало чего-то. Очень сложные сходились загадки: и атомные подводные лодки, и лепесток непонятный, и какой-то батискаф «Бретань»... Пожалуй, на Катю больше всего повлиял батискаф. Как быстро Игорь разобрался в непопаятом английском слове!

Такого человека трудно было не слушаться.

Но тут они едва не поссорились. Катя сказала, что отец сегодня домой не придет — он днем еще предупредил. Игорь возразил, что ему можно позвонить, и неожиданно добавил: «Если он в институте, а не...» — и щелкнул себя по шее, намекая, если он не пьет где-нибудь. Ох, как Катя взвилась!

— Как ты смеешь... про папу! Он работает!

Митя обидно хихикнул, а Игорь очень серьезно попросил прощения.

— Ты не сердись, Катерина. Другие-то пьют. Прости, если не так. Митрий вот знает — пьют... Пошли звонить, здесь будка рядом.

— Все равно не смей! — сказала Катя. — А две копейки у тебя есть?

И они пошли звонить. Выбрались на улицу мимо рыжего сторожа. Теперь он знал, что Катя своя, и дружелюбно хрипел и гремел цепью, пока они закрывали калитку. Потом они обогнули двор. И Катя, волнуясь, зашла в будку и назвала в телефон номер института.

Дозвониться папе в институт было совершенно невозможно даже днем: то он совещается, то заперся в лаборатории и велел себя не беспокоить, то в машинном зале, а то и вообще телефон не отвечает. Так было и сейчас. Сонная телефонистка отозвалась:

— Гранит слушает!

Потом долго гудели гудочки. И телефонистка злорадно доложила:

— Не отвечает два-три-три!

Только две копейки пропали, сколько ни пытались их выколотить из автомата.

Митя еще возился в будке, пытался и колотил по рычагу, а Катя с Игорем советовались, что делать. Неизвестно, удастся ли найти профессора Гайдученко и завтра — когда он принимается считать свою физику, то не ест, не спит, только считает. Правда, бабушка тогда понесет обед в институт: «Бо цей отравой только собак травить, что в столовой подают». Пойти завтра с бабушкой? За проходную института посторонних не пускают.

А еще, честно говоря, Кате не хотелось раскрывать секрет.

— Добро! — сказал Игорь. — Отобью депешу. По телеграфу. С Москвой сегодня не проходит связь...

И они распрощались. Киевляне пошли по домам, а квадратный уральский мальчик — на телеграф. Деньги он вынул из жестяной коробочки «монпансье Ландринг», которую держал за иконой в углу.

ТЕМНО И СТРАШНО

12 Катя Гайдученко и Митя Садов бежали домой по пустынному шоссе. Резкие синие тени вытягивались на асфальте под их ногами. Гулко шумели сосны. Далеко позади урчал одинокий автомобиль.

Было темно и страшно. Катя ежилась в легком пальтишке.

Длинные тени легли на шоссе. Бесшумно, выключив двигатель на длинном уклоне, ребят обогнала черная машина. Унеслись вперед красные огоньки. Исчезли. Катя смотрела на пустую длинную дорогу, и сами собой, от усталости и боязни, пришли на память пугающие строчки:

...И мчится там скачками резкими
Корабль Летучего Голландца.
Ни риф, ни мель ему не встретятся,
Но — знак печали и несчастья —
Огни Святого Эльма светятся,
Усеяв борт его и спасти.

Она живо представила себе, как бесшумными длинными скачками летит по волнам черный корабль. Возникает из тумана и уходит в туман, принося беду всем, кто его увидит... Ей было стыдно трусить и думать всякие глупости. Но здесь, на темном ночном шоссе, ей казалось — нет, она была не на подводной лодке! На корабле-призраке, страшном «Летучем Голландце», который вечно бродит по морям и колдовской силой заманивает честных моряков на свои мертвые палубы. Заманивает и губит...

А впереди уже засветились витрины магазинов и неоновая реклама Дворца культуры. Вот и булочная. В све-

ре Марианна Ивановна гуляет с собакой. Катя вздохнула и подумала, что завтра все покажется простым и нестрашным. Поскорей бы уж наступило утро!

КАК ШЛА ДЕПЕША

13 Телеграмма, посланная Игорем Ергипым, вызвала много беспокойства, и ее прочло множество разных людей. Дежурный по Центральному радиоклубу прочел ее очень внимательно и убедился, что депеша составлена по всем правилам. Был указан условный адрес клуба, известный зарегистрированным любителям. Вместо подписи стояли позывные, и дежурный проверил их по регистрационной книге, где записаны позывные всех радиолюбителей Советского Союза. Правильно — под этими позывными работал любитель-коротковолновик из Дровни, Свердловской области, Ергин Ростислав Евгеньевич, беспартийный, год рождения такой-то.

Двадцать лет — возраст вполне сознательный. Дежурный стал заново вчитываться в текст телеграммы:

«25 апреля 14—15 на такой-то частоте принято открытым текстом Морзе язык английский двоеточие всем всем район океана координатами 40 градусов северной 70 западной опасен для плавания».

Текст был составлен толково. Сообщение было важное — ничего не скажешь. Привлекала внимание лишь одна подробность. Каждый грамотный радист знает, что сигналы бедствия и приравненные к ним сообщения передаются на определенных волнах, специально выделенных международным договором. Эти волны разрешается занимать только сигналами бедствия. Таким сигналом как бы зеленую улицу в эфире устраивают. Почему же неизвестный радист работал не на этих волнах, а в любительском диапазоне?

Но дежурный знал, что обстоятельства бывают самые разнообразные. Радиолюбители довольно часто принимают сигналы бедствия. Любители всегда в эфире. Их много. И профессиональные радисты охотно прибегают к их помощи.

Дежурный посмотрел на часы — девятый час. Начальство давно разошлось по домам, а случай неожиданный... Когда получаешь просьбу о медицинской помощи — дело другое. Есть Министерство здравоохранения, есть Институт скорой помощи — звони хоть утром, хоть в полночь, медицина всегда наготове! А тут неизвестно, кому передать сообщение.

Поразмыслив, он соединился с Министерством торгового флота. Там знают, где находится каждый корабль торгового флота, где бы он ни плавал, как бы далеко ни забрался от родных берегов. Там сообщают, о какой опасности идет речь.

Дежурный оператор Министерства торгового флота записал телефонограмму на бланк и отнес ее старшему диспетчеру со словами:

— Вот, Николай Михайлович, опять радиолюбители чудят. Полюбуйтесь! — и отошел к своему столу.

Старший диспетчер Споуденный, отставной капитан дальнего плавания, выключил микрофон и взял голубой бланк телефонограммы, отставив его на вытянутой руке — носить очки капитан не соглашался.

Прочитав сообщение Центрального радиоклуба, он долго вертел бланк в татуированной ручище и фыркал. Что-то почудилось ему неясное и неприятное в самой возможности такого сообщения. Неизвестно кто, непонятно каким путем сообщает неизвестно о какой опасности, а гигантские корабли должны сворачивать со своих маршрутов. Стальные, тысячетонные громадины, такие могучие и такие хрупкие — старик знал лучше любого другого, какими хрупкими бывают океанские суда. Он стоял на мостиках многих судов и видел в зеленой волне пузыристые следы

торпед, и это он терял винты во льдах, это его пускали ко дну черные бомбы с «юнкерсов». А потом он последним скатывался по накренившейся палубе в последнюю шлюпку, или прямо в ледяное море, или, налегая грудью на рукоятки машинного телеграфа, выбрасывался на берег...

— Так и говорили: «Слышал? Сполуденного торпедировал немец», или «Сполуденный в сорочке родился, на остатках плавучести выбросился у Новороссийска».

Капитан поправил усы и выбрался из-за диспетчерского пульта, все еще надеясь, что неприятность минует. Юнец мог ошибиться. Его просто могли «взять на пушку».

Он подошел к оперативной карте, раздернул занавес и установил указку на пересечении сороковой параллели с семидесятым меридианом. Надежда на благополучный конец исчезла.

К северу от конца указки проходила линия главного хода, то есть морского пути из Европы в Соединенные Штаты. Хотя советских кораблей здесь не было и в ближайшие двое суток не предвиделось, успокаиваться было нельзя. Морская этика предписывала капитану дальнейшие действия...

— О всех дальнейших сообщениях из Центрального Радиоклуба срочно докладывайте мне, — распорядился капитан.

Дежурный оператор вместо обычного: «Хорошо, Николай Михайлович» — подтянулся и четко ответил по-уставному: «Есть!»

Связь с Министерством иностранных дел капитан оставил до утра.

Он решил даже задержаться после смены, чтобы доложить заместителю министра о происшествии...

Над Москвой пылало, как фейерверк, ослепительное апрельское утро. Исчезли с улиц медлительные машины-поливальщики. Далеко на шоссе грохотали танки, возвра-

щавшиеся с репетиции первомайского парада. Ровно в девять часов старший диспетчер вошел в кабинет заместителя министра и зажмурился — солнце било в глаза через большое окно.

Пока начальник просматривал телефонограмму и короткий доклад диспетчера (бисерным почерком на полях), старый капитан удобно устроился в кресле. Закурил, вытянул гудящие ноги. И подумал, что в западной Атлантике сейчас

ночь. Глубокая ночь — два часа по местному времени... Он привычно проконтролировал себя: три часа разницы между Москвой и Гринвичем — нулевым меридианом. И пять часов разницы между Гринвичем и Нью-Йорком, итого восемь.

— Добро! — начальник взялся за перо. — Я пишу: «Старшему диспетчеру Сполуденному Н. М. Срочно связаться с Министерством иностранных дел». Не затруднит вас — задержаться еще на часок, Николай Михайлович?

— Само собой, Иван Егорович, — ответил капитан, очень довольный, что начальник без дальних разговоров поручил ему выполнять то, что он сам наметил.

— Добро! — повторил заместитель министра и уже в частном порядке спросил: — Как здоровье, Николай Михайлович?

Он спрашивал несколько рассеянно. Не дожидаясь ответа, поднялся и подошел к большой карте на стене. Посмотрел и вдруг свистнул, как мальчишка.

— Э-ге! Сорок и семьдесят западной — здесь же французы работают! Не знали? Адмирал Перрен. Это же место гибели «Леонардо да Винчи».

— Точно так! — подтвердил капитан. — Место гибели «Леонардо». А что затевает Клод Перрен? Поднять его хочет?

— Кто его знает! Флаг он держит... Погодите... Вот их информация. Флаг вице-адмирала на легком крейсере

«Жанна д'Арк», при нем океанографическое судно-база, новый батискаф «Бретань», ну и корабли охранения, разумеется. Наших там трое, по именным приглашениям. От Академии наук... Николай Михайлович, все это в корне меняет дело. Я сам займусь контактами с военными и с Мининделом. Благодарю вас за оперативный доклад. Спасибо.

Так депеша Игоря-Квадратика продвигалась все дальше, затрагивала все больше разных людей. Уже стучали телеграфные аппараты в Париже, отзывалась база военного флота Франции в Тулоне. Радисты вызывали крейсер «Жанна д'Арк».

Так телеграмма Игоряшла, наконец, адресата. Эскадра кораблей французского военного флота была как раз на перекрестии сороковой параллели и семидесятого меридиана. И телеграмма пришла вовремя, когда оставалось несколько часов до начала подводных работ.

...Вице-адмирал Перрен в эту ночь не ложился спать. Завтра предстояло погружение, и адмирала мучила бессонница. Он ходил, пристукивая каблукми, с одного крыла мостика на другое.

Легкий крейсер «Жанна д'Арк» лежал в дрейфе, находясь мористее остальных судов эскадры. Их силуэты чернели на фоне светлого западного неба. Горели опознавательные огни, редкими звездами мигая по горизонту. Совсем уже поздней ночью вспыхнули яркие лампы на палубе океанографического судна «Марианна». Началась перекачка бензина в поплавки батискафа. Над морем поднялся столб голубого света — «Марианна» скрестила свои прожектора на палубе «Бретани». В этот момент вестовой пригласил адмирала в радиорубку.

НЕ ПОНИМАЮТ!

14 На следующий день, в субботу, Катя неохотно шла на занятия. Раньше она думала, что плохое настроение бывает лишь тогда, когда живот болит или грипп начинается. Но теперь со всей этой кутерьмой убедилась — плохое настроение бывает, оказывается, из-

за переживаний. Нет, согласитесь! Столько переживаний сразу — кто бы мог это вынести?

Об этом она размышляла по дороге в школу.

В школе ожидалось новые переживания. Предстояло неприятное свидание с Дорой Абрамовной: у нее ведь такой обычай — она приносит результаты контрольной на следующий день. Все равно есть у нее урок или нет — приходит на переменке и отдает листки дежурному, чтобы роздал, а к уроку чтобы все могли разобрать свои ошибки. Ночью она контрольные проверяет, что ли?

Катя тяжело, со вкусом, вздохнула. Еще она обманула вчера Ленку Пирогову. Четыре месяца не виделись, и вот пошла к ней и не дошла...

...Катя миновала толпу первоклашек-второклашек, мелюзги. Обошла двух крошечных девочек в белых фартучках — утренник у мелюзги намечается. Девочки держались друг за дружку пухлыми, младенческими ручками, подпрыгивали и пели: «Какие мы ха-ро-ошии!»

— Хорошие-хорошие! — неожиданно для себя сказала Катя.

Младенцы оторопело посмотрели на нее — такая большая, а разговаривает ласково! Нет ли подвоха?

Катя выдала им по конфете «Барбарис». Это была ее вторая мечта — когда она вырастет и будет сама зарабатывать, у нее в карманах всегда будут конфеты. Угощать она любила. Она себе так представляла, что в карманы лёгного кителя конфеты можно укладывать незаметно.

Ладно! Стоит ли будущей летчице огорчаться из-за житейских мелочей? Подумаешь, двойка...

Лена Пирогова как раз подходила к химическому кабинету. Катя решительно догнала ее.

— Ленка, я взаправдашняя свинья! Честное слово, я вчера уж из дому вышла... И вот... Понимаешь? Не дошла. Ты не сердись, Ленка!

— Вообще-то я сержусь, Катька. Ждала-ждала, шоколад берегла...

— «Так ждала, так ждала»! — передразнила Катя.

В прошлом году они с Ленкой много смеялись над Мариан-Иванной, которая приходила жаловаться, что «она его так ждала, так ждала, а он пошел в кинотеатр с этой толстухой, заведующей почтой».

Посмеялись. Они с Ленкой друг на дружку не сердились подолгу.

— Как она, Мариан-Иванна? Все страдает?

— Страда-аст, ох, страдает! — сказала Катя. — Никто не поймет ее превосходных качеств.

— Вот и моих тоже! — сказала Лепа.

Шутили они немного натянуто, как бы по обязанности. И Катя сознавала свою вину. Сегодня уже нельзя рассказать Ленке о перемещениях. Вчера она еще не понимала, что «дело государственное». Игорь так вчера глянул на Садова, что Митька съезжился весь, будто воздушный шар на третий день после праздников. Нет, он болтать не станет, побоится Квадратика.

В класс они вошли самыми последними. Кое-кто зашумел:

— У-у! Пирогова явилась! Ленка, привет! Пирожок, привет! Как там в Свердловске?..

Анечка Масленникова присела бочком на задней парте — смотрела в сторону. С задней парты плохо видно ее обожаемого вэ-эф. Нечего смотреть тоскливо!.. Предупреждали тебя — место свободно, пока Пирожок не вернется. А вон Шведов тоже смотрит грустными глазами, думает, что Катя не видит. Спыхватился, сделал Ленке ручкой... Неужели он раскаивается, красиво подумала Катя и сейчас же презирала себя за эту красоту...

В общем, голова у нее шла кругом, вроде бы она два часа крутилась на «гигантских шагах» — не голова, конечно, а ее хозяйка.

И тут вошла химичка, классный руководитель седьмого «Б», Анна Серафимовна. К ней в общем относились неплохо. Звали Ванной Керосиновной, без злости, но с некоторым сожалением. Она не понимала. Дора Абрамовна понимала все, Владимир Федорович — кое-что. Завуч Шахназаров, историк, тоже понимал все, но притворялся, что не понимает. Катя не могла бы объяснить взрослому человеку, что значит «понимать». Например, выпал снег в конце сентября или, наоборот, весной, а дверь на улицу закрыть забыли. И вали, ребята! Кто хлипкий — берегись! Снежки идут разные: и рыхлые, и льдистые — и летят отовсюду, заполняют воздух, как будто дышишь снежками. Дежурные бросают классы и коридоры, в об-

щем, праздник, а звонок-то не ждет... Уже учитель в классе, а мы еще вбегаем, влетаем, гремим партами, и тут начинается понимание. Дора в таком случае сидит за своим столиком и поглядывает, пока все не соберется. Потом скажет: «Каков снег выпал!», и все заорут, заорут, а она чуток пажмет: «Прекрасно... Яковлева, Гайдученко, Титов,— рекомендую вытереть руки... грязь в тетрадах... лишние неприятности». И все. В классе тихо. Ванна же Керосиновна в таком случае стучит по столу, старается перекричать: «Ти-ихо, тихо! Мол-чать! Садов, сядь немедленно» и так далее. Не понимает! Каждому ясно, что человек не может остановиться сразу, то есть каждому невзрослому.

Вот и сейчас. Анна Серафимовна поздоровалась:

— Здравствуйте, дети!..— и увидела Лену.— О, Лена Пирогова вернулась в класс? Поздравляю, Леночка! — Это все как человек, но сейчас же портит свои хорошие слова, добавив неизвестно зачем:— Между прочим, Пирогова, прежде чем являться в класс, надо было зайти ко мне в учительскую. Ты пропустила почти две четверти!

Ленка сидит изжелта-бледная, всем неловко и стыдно. Может, Ленка все глаза изревела, что отстала и придется быть второгодницей... Шведов говорит вполголоса:

— Ничего, Анн Фимовна, подтянем Пирогову!

Химичка смутно чувствует, что-то не так, и переводит разговор:

— Титов, иди отвечать, что было задано из повторения пройденного.

Титов идет «париться». Они с Садовым действительно кандидаты во второгодники. Пока он вытирает доску, Катя показывает Пирожку в учебнике — повторять было задано соли азотной и соляной кислот.

— Ты в больнице занималась, Ленка?

Ленка кивает.

— Кислоты помнишь? Вызовись отвечать, покажи ей керосин-бензин!

— Гайдученко, пё разговаривай! — реагирует Ванна Керосиновна, и возмездие обрушивается на Катину бедную голову: — Садись, Титов. Два! Опять придется вызывать родителей... Гайдученко, к доске!

Катя начинает бойко:

— Главная соль азотной кислоты — селитра, она встречается только в одном месте на земном шаре, в Чили.

Ванна Керосиновна кивает, довольная, и назидательно смотрит на Титова.

— Хорошо растворяется в воде. Удобрение.

— Четче, четче, Гайдученко!

— Удобрение! — повторяет Катя и закрывает рот — формулу она забыла. — Селитра белая, кристаллическая... — «Господи, как же пишется эта формула?! Забыла, как дура последняя».

— Надо четче, Гайдученко! Напиши формулу.

Катя стоит у доски и переминается, как Садов. Не помнит она формулу, и всё...

— Я не помню, Анна Серафимовна.

Химичка растерянно моргает — Гайдученко не помнит формулу селитры! Неизвестно, кто растерян больше: она или ученица.

— Х-м... А скажи, Гайдученко, какую селитру добывают в Чили?

Катя пожимает плечами — не помнит и этого.

— Калиевая или натриевая?

— Натриевая, — вспоминает Катя, — натриевая!

И тут же перед ее глазами рисуется формула: натрий-эп-о-три, и она пишет ее на доске. Еще два вопроса... Пятерка! Собственно, все уже привыкли, что Ванна Керосиновна ставит отличникам пятерки не за дело. На то они и отличники.

Вот с какой глупой истории начался этот день, последняя суббота апреля.

Катя внезапно встала, дергая себя за косу от ярости, и заявила:

— Я не согласна на пятерку. Я плавала! Садов за такой ответ получил бы три...

Наступила жуткая тишина, на секунду всего, а через секунду Тося Матвеева выкрикнула:

— Правильно! Молодец Гайдученко!

И началось!

Садов корчил рожи и пустил по парте белую мышь. Тося, не умолкая, кричала:

— Правильно!

Близнецы Поверманы стучали ногами.

Шведов аплодировал, бахая ладонями над ухом Иры Яковлевой, а Ира затыкала уши и визжала, как центробежная пила.

Лена Пирогова сидела как кролик — отвыкла в больнице от крика — и только смотрела, как бушует класс и мечется перепуганная химичка. Она открывала рот, как диктор в телевизоре, если выключишь звук, а ребята грохотали и грохотали, пока не прихромал завуч Шахназаров. Он долго стучал своей палкой по доске и все добивался, кто зачинщик, но никто Катю не выдал, конечно, и даже Анна Серафимовна ничего не сказала.

Но от волнений и шума Кате стало нехорошо. Кисловатый запах химкабинета, казавшийся раньше приятным, вызывал тошноту, и очень хотелось спать. Нынешней ночью она заснула поздно, много позже бабушки Тани, — впервые в жизни, наверное. А день предстоял еще такой длинный!

Так еле-еле она дотянула до большой перемены. Если кто подходил посочувствовать, вздергивала нос. В сочувствиях не нуждаемся. Подумаешь! Пусть Ванна меня возненавидела, мне все равно... Наконец после звонка на большую перемену в класс вошла Дора Абрамовна.

Она вошла, как всегда, неторопливо и обвела глазами парты. Все были на местах, кроме Титова и отчаянных братьев Поверманов. Тося Матвеева стояла в проходе, держась за пунцовые щеки. Дора Абрамовна посмотрела на эту картину с неуловимой усмешкой, и загадочно изрекла:

— Полный сбор, как на концерте Пантофель-Нечецкой... Представление не состоится. Я была занята в институте... Контрольные раздам в понедельник.

Кто-то с передней парты оглянулся на Катю. Почти неслышимый, но определенно недоверчивый вздох пронесся по партам. Занята была? Как бы не так! Отличница написала на двойку, вот и тянет резину Дора Абрамовна...

Катя с внезапным равнодушием смотрела, как Дора поднимает тяжелый портфель и поворачивается к выходу. Взрослые! Что они сегодня — стоворились не понимать? А может, будет лучше, если Дора выдумает какую-нибудь штуку и спасет ее от тройки за четверть. Может, так бу-

дет и справедливо — она знает физику на крепкую пятерку...

Справедливо?! Тогда зачем Катя валяла дурака на контрольной?

— В понедельник после уроков... детки, — ядовито сказала Дора Абрамовна и вышла из класса, не попрощавшись.

Никто и оглянуться не успел толком. За дверь уже рычала, как тигр, большая перемена, а седьмой «Б» потихоньку, с недоумением выбирался в проходы между партами. Лишь Тося заявила:

— Подумаешь!

Да Витя Аленький гнусавил:

— Хе-хе-хе...

Удобнее всего было не замечать этого словечка Доры. Ну оговорился человек... Возможно, такое молчаливое соглашение и было бы принято, если бы не хулиганы Поверманы. Они, оказывается, подслушивали за дверью и теперь с хохотом втиснулись в класс, толкая друг друга, как известные конференсье-близнецы. Катя забыла фамилию этих конференсье. Поверманы вечно им подражали.

— Детки! — хохотал Мотья.

— Де-е-е-тки! — блеял Борька.

— Доберман-пинчеры у ковра! — пробасил Шведов.

На следующем уроке в классе висела угрюмая, как история средневековья, тишина. Историк, завуч Шахназаров, пилил их минут двадцать.

Он сказал:

— Вы оскорбительно, с детской жестокостью, третируете¹ Анну Серафимовну!

«С детской жестокостью»? Кто им сказал, что дети жестоки?

Неправда!

И этот тяжелый школьный день закончился еще одним неприятным разговором. Катя рассказала Пирожку историю с Дорой, а потом, покраснев не хуже Тоськи, отбарабанила:

¹ Третировать — обходиться с кем-либо пренебрежительно.

— Ленк, ты меня прости, я побегу, у меня свидание...

И убежала. Митька Садов потрусил за ней. На приличном расстоянии. Белую мышь он держал в кисетике за пазухой.

ЛЕПЕСТОК

15 Аккуратист Квадратик пришел к мостику в двенадцать пятьдесят пять. Катя, обычно не отличавшаяся точностью, пришла в то же время. Они столкнулись на шатучем мостике и покраснели оба. Оказывается, и Квадратик был в задумчивости, и тоже не заметил Катю, пока мост не закачался под ногами.

— Соблюдаешь уговор, Катерина!

— А ты как думал?

Игорь пожал плечами. Не стовариваясь, ребята повернули к Верхним Камням. На ходу их портфели раскачивались и стучали друг друга. Игорь лез по краю откоса, молча посвистывал, пока не добрались до камней. Уже стоя на берегу, он предложил:

— Садись, Катерина. Поговорить надо, с рисованием.

Он был уж а с н о забавный парень! Поговорить с рисованием?

— Ты с моим батей не познакомилась, — пояснил Квадратик, открывая портфель. — Как он с флота вернулся, всегда говорит: с рисованием... Что означает? Технический разговор надо пояснять чертежом. Вот что означает — поговорить с рисованием...

Он уложил портфель на откосе, подпер кусками песчаника — получился стол. На портфеле разместилась папка для черчения, два листа бумаги и шариковая ручка «Союз».

— Значит, послал я депешу, — ровным тенорком говорил Игорь. — Предупреждение будто есть... текст по правилам, поймут они текст. Теперь будет вопрос другой. Поскольку дело государственное, надо в институте предупредить. Насчет Верхних Камней. Вот так, Катерина.

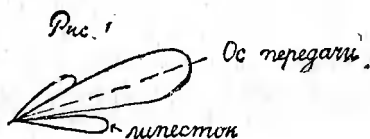
— Ты не мог бы звать меня Катей?

— Могу. Теперь будет так... Надо твоего батю достать хотя бы из-под земли. Предупредить. Мало ли кто на камни заберется...

Катя с горечью осмотрела скелетки — всё, прощайте перемещения! Этот мальчишка сам был, как кремешок. Квадратик! И он был прав. Кате захотелось сказать ему что-нибудь обидное и неприятное. Тоже по-взрослому. Что у него ботинки все извохренные или другую гадость, — с трудом пересилила себя, смолчала. К тому же явился Митька и вытащил из-за пазухи полуживого мышонка.

— Все я обдумал. Полночи обдумывал. От института все исходит, это точно. Вот смотри... — говорил Квадратик.

Он щелкнул ручкой «Союз» и вычертил на листке что-то вроде листа клевера, но сильно вытянутого. Вот так:

Посреди сооружения он провел пунктирную линию и написал над ней: «Ос передачи». Затем продолжил пояснения:

— Ежели человека передавать как радиogramму, нужна антенна. Как при радиолокации. Понимаешь ли, не знаю...

Антенна — ясное дело! Какая же передача без антенны?

— Антенна должна быть остронаправленная, чтобы волны шли пучком. Как луч прожектора. Вот луч я нарисовал, по оси передачи.

— Так это ось, — догадалась Катя, — а я-то думаю, каких «ос передачи»!

— У меня с грамматикой слабо, — твердо признался Игорь. — Борюсь. Ты слушай, однако. Вот луч по оси передачи. Однако по бокам обязательно есть боковые лучи.

Лепестки, вроде как отростки. От них избавиться невозможно, понимаешь? Ты, однако, должна помнить, как они жаловались, что лепесток...

— ...перегружен,— подтвердила Катя.— Так вот какой лепесток!

— Догадалась?— сказал Игорь, но для верности надписал на рисунке: «Липесток».

— Почему же он перегружен,— восхищенно закричала Катя,— почему?!

— А ты в нем сидела.

— Я?!

— Конечно, ты,— невозмутимо окал Квадратик,— конечно! По оси передачи отправлялся этот... береза, а ты была вроде довеска. На боковом лепестке.

Катя осела, как тесто. Она смутно воображала, что ее передавали, так сказать, персонально — ради ее прекрасных качеств. И — нате вам. Довесок!

Игорь сказал с суровостью в голосе:

— А вот точка отправления. Смотри! — и поставил кончик ручки на хвостик, из которого расходились все три лепестка.— Это институт.

Они все разом посмотрели на бетонный забор — на простой бетонный забор, не слишком даже высокий. Виднелся оранжево-красный хобот подъемного крана и стеклянный угол нового корпуса.

— Точно?

— Иного быть не может! — отрезал Игорь, произнося «иного» не так, как читается,— «иново», — а так, как пишется.

— Не больно ли ты много знаешь? — недоверчиво сказала Катя.

Садов заглянул себе за пазуху — к мышпошку, пощекотал его пальцем и спросил:

— Почему?

— Потому что потому, по ботве да по кочану,— ответил всезнающий Игорь.— Чтобы тебя показали по телевизору, ты пойдешь на студию или будешь

на печке сидеть? Думаю, в институте есть какой-то передатчик. Думаю, Верхние Камни под него подпадают. Поняли? Был бы передатчик в Свердловске, цеплял бы свердловчан. В Дровне поставили — цепляет дровиешских... Однако поздно уже. Пошли в институт.

Катя пошла неохотно. Лишь авторитет Игоря заставил ее пойти. Митя сочувственно пыхтел и пытался ее утешить своим мышонком. Без-

успешно. Катя едва переставляла ноги и думала, что институт подводить нельзя. Что он — свой, почти как дом или школа. Из-за него сюда понаехало столько людей. Что надо пойти и все рассказать. Другое поведение — предательское поведение... Думала-то думала, но все надеялась, что хоть по дороге случится нечто и избавит ее от необходимости выдавать секрет взрослым.

По дороге не случилось ничего. Никто даже не встретился до самой проходной. Там уж послышались голоса и шаги. К элегантному бетонному козырьку спешили разные люди — прошла, например, группа десятиклассников. Зачем — неизвестно.

Втроем они вступили под козырек, нависший над стеклянными дверьми проходной. Почтительно посмотрели вверх — вся внутренняя поверхность козырька была в застекленных круглых окошечках, как речной откос бывает в ласточкиных гнездах. За стеклами можно было рассмотреть небольшие лампочки. Так необычно и модно освещалась проходная по вечерам! А в вестибюле проходной была еще стена из толстых переливчатых стеклянных блоков. Подтянутые вахтерши в полувойенных кителях стояли

за никелированными турникетами-вертушками. Все проходящие небрежно показывали вахтершам коричневые плотные книжечки — пропуска. Здесь было гулко и чисто и пахло на свой особый манер: масляной краской, бетоном, пластмассой и щами с томатом из столовой.

Катя уже бывала здесь, встречала отца несколько раз. Справа, на стеклянной стенке, были специальные телефоны, внутренние. По ним можно было разговаривать с другими институтскими телефонами, а чтобы звонить в город, тут же висел телефон-автомат.

Катя важно подошла к внутреннему телефону и сказала:

— Два-три-три, пожалуйста.

Телефонистка ответила:

— Соединяю.

И запищал длинный гудок вызова, а после двух гудков ответил веселый голос:

— Теплякова слушает!

Тогда Катя произнесла второе заклинание:

— Будьте любезны пригласить Яков Иваныча.

На что последовало встречное заклинание:

— А кто его спрашивает?

— Дочь его спрашивает.

Голос стал опять веселым и ответил:

— Ваш отец, Катюша, в лаборатории, а звонить туда из города нельзя, а нам крепко-накрепко запрещено туда звонить. А что ему передать, когда он освободится?

— Спасибо, ничего. Он скоро освободится?

— Неизвестно никому, Катюша.

— Я звоню не из города, из проходной. Можно ему позвонить из проходной?

— Все равно нельзя,— сочувственно сказала Теплякова.— Что-нибудь дома случилось, что вы пришли?

— Ничего не случилось...

Катя не удержалась и спросила, откуда товарищ Теплякова знает, как ее звать.

— А мы тут всё знаем! — весело возразила товарищ Теплякова.

И они распрощались — одна весело, вторая довольно угрюмо.

— Ну что делать? — спросила Катя у Игоря.

Он поправил фуражку и сделал глаза щелочками. Скулы у него стали такими же квадратными, как плечи.

— Дай-ко мне трубочку... Девушка, пожалуйста, начальника института... Ну, директора, хорошо. Х-м... Пожалуйста, директора... Постой! — Он растерянно посмотрел на зеленую телефонную трубку. — Торопыга! Говорит: «Ушел на территорию», и трубку — хлысть!

Митя, про которого Игорь с Катей совсем забыли, подступил к ним и застенчиво промолвил:

— Хлопцы, если Квадратик догадался правильно... Хотя я не знаю... — Он замаялся.

— Да говори, чего хотел! — зашипела Катя.

— Ничего я не хотел! — обиделся Митя.

Катя дернула себя за косу. Проклятый характер! Вечно кого-нибудь обидит нехотя!

— Ну, Митенька, — сказала она заискивающим голосом, — что ты, в самом деле?

— Хлопцы, — начал Митя заново и засмеялся, посмотрев на Катю. — Хлопцы та девчата, если они опять готовят радиопередачу? Они, наверное, все собрались там и смотрят, а?

— Точно! — вскрикнул Игорь.

И-у-у-х! — будто вихрь закрутился на кафельном полу вестибюля, взвизгнули и закачались на петлях тяжелые стеклянные двери! Вся тройка мчалась на речку, размахивая портфелями.

Еще сверху, еще с асфальтовой дорожки, они услышали команду к разводу караула и увидели тот же белый мяч над забором. А выбежав к камням, они услышали уже: «Мяч направо! Два-два!»

— Опоздали, лешаки! — сказал Квадратик.

— Ничего! — крикнула Катя. — Вчера они позже начинали!

— Много позже! — пискнул запыхавшийся Митя.

И еще через полминуты компания сидела на Полудыньке, держась за руки, чтобы не скатиться в воду.

Сидела и смотрела с надеждой на стеклянные стены нового корпуса. С тщетной надеждой — перемещения не было.

Пять минут, десять, нет — все напрасно. Было уже пятнадцать минут третьего — ничего...

Первому надоело сидеть Мите. Он освободил мышонка из кисета, заглянул ему в мордочку и сообщил:

— Проголодался мыш-мышович, а звать его Пацькой. Алле!

Мыш-мышович Пацька исчез неведомо куда, и фокусник, опасливо посмотрев на Катю, прошептал:

— Перемещение... алле!

Пацька появился, как исчезал, неведомо откуда. Никто не засмеялся, к Митиному огорчению, и он полез на берег, так как по беспечности бросил там портфель, а в портфеле у него был сыр для Пацьки.

Катя немного позавидовала Митеньке. Груз ответственности несколько не уменьшил его жизнерадостности.

— Ладно,— сказала она Игорю.— Пока объясни мне про батискаф и про атомные подводные лодки. А то я дура-дурой, ничего не знаю.

Квадратик еще вчера удивился. Профессорская дочка не знает про батискафы и подводные лодки! Но объяснять было вдвойне приятно. Игорь ни за что не признался бы, что Катя ему нравится. А может, и не нравится, а просто... Тут он запутался. Хорошая девчонка, в общем. Даже не очень задается. Мало ли кто не задается! Ему было приятно, что Катя запросто говорит: «Расскажи, я не знаю». Хотя и профессорская дочь.

Он снова устроил из портфеля стол, пощелкал шариковой ручкой и приступил к лекции. Они с Катей примостились на двух узких концах Полудыньки, а на желтом шероховатом ее горбе лежал портфель... Но вот что, дорогой читатель. Следующая глава будет вся целиком занята «лекцией Квадратика» и его же рисунками к этой лекции о батискафах и атомных подводных лодках. Кому неинтересно — может пропустить главу.

Ведь читателю лучше (или хуже), чем герою повести. Возможно, читатель никогда не побывает на атомной субмарине — знания ему не понадобятся.

ЛЕКЦИЯ КВАДРАТИКА

16 Игорь нахмурился, поиграл скулами и оглядел чистый лист бумаги, как шахматист оглядывает доску перед первым ходом. И начал с хода конем, с вопроса:

— Знаешь, почему подводная лодка ныряет на триста — четыреста метров, а глубже не может?

— Игорь, ты рассказывай по порядку. Я же совсем ничего не знаю, правда!

— Дивно... какое давление на глубине четыреста метров — знаешь?

— Это знаю, сейчас. Четыреста разделить на десять — сорок атмосфер. А что?

— А вот что: какое давление на глубине океана в двенадцать километров? Раздели глубину на десять. Будет тысяча двести атмосфер. Плюс — вода соленая тяжелее пресной, получается все полторы тысячи. Понимаешь?

— Нет еще.

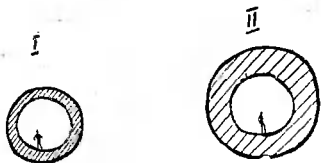
— Если лодку построить с такими толстыми стенками, чтобы они выдерживали полторы тыщи атмосфер, то лодка — фью-ить! Потопнет.

— Не понимаю и не понимаю! — горячо сказала Катя. — Я читала, что на линкорах броня по полметра толщиной, так ведь не тонут линкоры!

— Теперь линкоров не строят, — отозвался Игорь и посмотрел на Катю подозрительно.

Профессорской дочке полагалось быть пограмотнее, а Квадратик никому не прощал розыгрышей. Но Катя его не разыгрывала, смотрела вполне правдивыми глазами. Успокоенный Игорь отчеркнул двумя линиями четвертушку листа и надписал: «Рис. 2». Катя немедленно спросила, почему рисунок второй, если он первый. Игорь резонно напомнил о первом рисунке с лепестком. Пришлось согласиться. И на четвертушке появились два двойных кружочка, заштрихованных по-разному. Игорь подумал немного и внутри обоих кружочков нарисовал

Рис. 2

по человечку. То, что они вышли похожими на кривые столбики, его смутило, но Катя сказала — сойдет. Понятно, что люди нарисованы для масштаба.

Тогда Квадратик объяснил, что кружочек номер один — современная подводная лодка, ныряющая на глубину сорока метров. В разрезе. То есть лодка, похожая на колбасу, разрезана поперек.

— Однако лодка больше похожа на яйцо! — вдохновился Игорь. — Глянь! Где я заштриховал — скорлупа. Поняла? У первого номера скорлупа выдерживает сорок атмосфер, а у второго — полторы тыщи атмосфер...

Он так радовался, что нашел хорошее сравнение.

Но Катя поправила его, чтоб не зазнавался:

— Атмосфёр.

— Атмосфёр. Смотри теперь. Поплывет вторая лодка?

Катя согласилась, что, пожалуй, не поплывет. Почему? Потому, потому... что по закону Архимеда тело плавает лишь тогда, когда весит меньше, чем вытесненная им вода. А такие толстые стальные стенки — ого! Они весят куда больше, чем вытесненная вода. Так много, что лодка упадет на дно подобно свинцовому грузилу.

Игорь одобрительно кивал, пока его ученица показывала, как лодка потонет. Но объяснением ее остался недоволен и сказал:

— Отец говорит: надо понять, а не поверить. Ты, сдастся мне, поверила... Правильное объяснение вот какое. Внутри обеих лодок воздушный пузырь одинаковый. Видишь? Однако стенки разные. Плавучесть же задает воздушный пузырь. Тонкие стенки он удержит на плаву, а толстые потонут.

Пока Игорь объяснял то, что Катя уже поняла, она уговорила себя не перечить и не вякать: «Что стараешься, я уж поняла давно».

— Значит, поняла? — удовлетворенно закончил Игорь. — Воздушный пузырь получается маленький против веса.

— Поняла, поняла! А что такое батискаф?

— К тому и подвожу. Батискаф есть подводная лодка, у которой плавательный пузырь парочно увеличили. Только не внутри корпуса пузырь, а снаружи. Парочно прикрепленный снаружи. Смотри!

Так появился третий рисунок. Над человечком, стоящим внутри скорлупы, Игорь нарисовал еще одну двойную окружность с надписью: «Поплавок». Катя немедленно спросила: почему же тонкостенный поплавок не раздавливается водяным давлением? Игорь ответил удовлетворенно: «Соображаешь!» — и проштриховал внутри поплавка редкими черточками и написал дополнительно: «Бензин».

— Ну и что бензин? Пузыря теперь не получается!

— Потому и написано — поплавок, а не пузырь. Бензин-то легче воды. Вроде как водород легче воздуха, получается воздушный шар, только для плавания в воде. Вместо водорода — бензин.

— Хорошо, — не очень уверенно согласилась Катя. — Каждое тело, погруженное в воду, теряет в весе столько, сколько весит вытесненная им вода. Хорошо... Бензин весит меньше воды, значит, у него как бы отрицательный вес получается, так?

— Во! — подхватил Игорь. — Отрицательный вес и называют плавучестью. Зато у кабины — положительный вес, недостаток плавучести, значит. Вместе с поплавком получается так на так. Не всплывает и не тонет батискаф. Плавает на той глубине, на которой нужно.

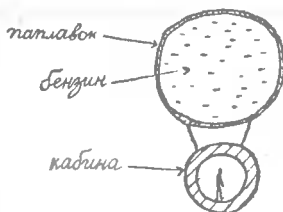
Катя некоторое время обдумывала эти сведения. Так лучше запоминается и лучше понимается. Как после сытного обеда — лучше всего посидеть неподвижно, пока еда не уляжется.

Раздумывая, она замурлыкала свою любимую песенку про кораблик, который сначала сам себя, говорят, построил и снарядил, а потом делал выводы сам и всё на мачты мотал. Как на усы!

Но песенка мешала думать.

Катя стала смотреть в воду. Через пять дней Первомай, а вода уже совсем летняя — тучки мальков под камнями, и водорослей много. Вот вам и студеный Урал! Правда, эта весна самая ранняя за последние семьдесят лет. Так писала газета «Уральский рабочий».

Рис 3

Речка тоже мешала думать.

Пришлось оглянуться на высокий берег. Волейбол в институте уже кончился. Солнце больше не сверкало на стеклах нового корпуса. Левее забора на плоском камне возлежал Митя. Он задремал, по-видимому, опустив буй-пу головушку на свой изодранный портфель. Прямо под ним, у самой линии тихой воды, суелся мышонки Панька. Что-то он выискивал на берегу, среди мусора.

Игорь сказал:

— Почто молчишь?

— Сейчас, — лениво ответила Катя и поскакала на берег.

Панька выискивал в мусоре мелких белых личинок и пожирал их, блестя красными глазками.

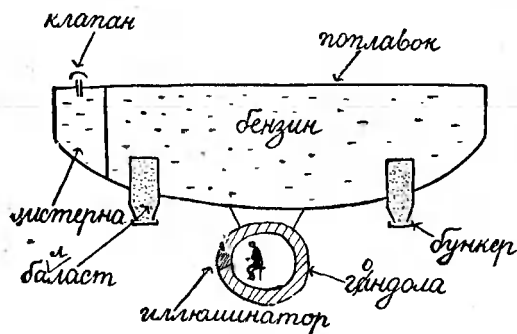
— Своих жрешь, белых! — сказала ему девочка. — Пошли со мной.

Мышонку пришлось подчиниться. Они вдвоем вернулись на Полудыньку, чтобы слушать лекцию. Впрочем, Панька был в хозяина — он заснул почти сразу в Катиной ладони. Что он понимает в законе Архимеда?

— Ну, Игорек, мы слушаем дальше... Нет, погоди! — спохватилась Катя. — А как этот батискаф заставляют погружаться и всплывать, если он сам не тонет и не всплывает?

Игорь кивнул и принялся за четвертый рисунок. Вот он:

Рис 4

Квадратик трудился над ним порядочное время — примерялся, как лучше парисовать «гандолу». Катя поправила его. И он перечеркнул, как видите, «а» и надписал сверху «о». Нарисовав, он вздохнул и посмотрел на ученицу со смущением.

— Отличный рисунок, по-моему, — сказала ученица.

Спящий Пацька своего мнения не высказывал.

— Отличный так отличный! — согласился Игорь. — Посмотрела бы, как отец чертит! У него человечки будто живые получаются, а у меня — будто корешки кривые. Научусь еще.

— Конечно, научишься!.. Только «балласт» пишется с двумя «л».

Квадратик вставил второе «л». Теперь было все в порядке.

— Смотри, Катерина, то есть, Катя. Поплавок большой. У батискафа поплавок забирает сто кубометров бензина, даже больше. Так что он держит на плаву гондолу с двумя людьми, оборудование разное и еще два бункера с грузом. По-морскому — с балластом.

— Что такое бункер?

— Эх... это бочка такая, а внизу — дыра с заслонкой. Закрытая заслонкой. Чтобы из бочки можно было высыпать балласт, когда понадобится. Для балласта дробь насыпают, стальную.

— А зачем это может понадобиться?

— А не лезь поперек батьки в пекло! — сказал Квадратик, бездарно имитируя ее украинский акцент.

Катя только усмехнулась — Квадратик дразнился ни капельки не обидно. Чудной парень, бокалка! Знал бы, как он смешно говорит...

— Поплавок, говорю, большой. Пока он весь наполнен бензином, батискаф плавает на поверхности. Как лодка. Чтобы он стал погружаться, из одного отсека выпускают бензин. Через клапан — видишь? Туда входит морская вода, и батискаф погружается.

— Совсем?

— Понятно, совсем. Пока до дна не утонет.

— А люди как же?

— Люди? Они в кабине сидят. В гондоле. А сама гондола круглая, как бомба. Шар лучше всего давление вы-

держивает. Люди сидят внутри и смотрят наружу через иллюминаторы. Научные наблюдения наблюда-ат. Потом открывают заслонки на бункерах с балластом, дробь высыпается, и батискаф всплыва-ат.

Заметьте! Катя и тут удержалась, не передразнила Квадратика в отместку. Такое благородство было исключительным явлением, как сказала бы мама. Но Игорь тоже был исключительным явлением.

— А если дробь застрянет? — спросила Катя. — Тогда люди на дне... бр-р-р! Подумать ужасно, согласись!

Игорь важно оттопырил губы и произнес явно не свою фразу:

— Изобретатель батискафа Огюст Пиккар был Великим Инженером! Он предусмотрел всё! Первое дело — бункеров две штуки. Застрянет в одном дробь — из второго высыплется. Другое дело — можно бункера и вовсе сбросить. Поляла? Всю бочку можно выбросить. Всплыве-ет!

И Катя, увлеченная, подхватила:

— Всплывет!

Лекция о батискафе была почти закончена. Игорь еще рассказал про окна-иллюминаторы в гондоле и про маленький электромоторчик с винтом — батискаф может немного поплавать над дном. И тогда наконец Катя вспомнила про «Леонардо да Винчи». Как будто она все время пряталась от мысли о затонувшем корабле и о предупреждении трех моряков. И лишь сейчас вспомнила.

— Игорек, Игорек! Постой... Зачем батискаф будет погружаться к «Леонардо да Винчи»? Посмотреть хотят?

— Наверяд ли, Катерина. Батискаф «Бретань» оборудован механическими руками. Может, поднять хотят корабль — не знаю. Хотя... корабль-то крупнейший, не поднять его с такой глуботы.

— Большая там глубина?

— Не знаю. Поскольку батискаф привлекли, должна быть большая.

— Игорек, навернос, сейчас они уже опускаются на дно! Безобразие. Почему по английскому телевидению показывают, а по нашему нет?

Квадратик посмотрел на Катю и про себя повторил: «по английскому телевидению...» Вдруг он ощутил, что

румяная Катя с ее косичками, кружевным воротничком и круглыми зелеными глазами была сама над утонувшим кораблем... Чудеса техники, это вам не фунт изюму...

Помолчал, он промолвил:

— Почто сидеть-то? Подводную лодку рисовать будем.

Право же, у Квадратика была поразительная память! Он нарисовал «из головы» схему атомной подводной лодки и ничего не забыл. Только на правописание у него была плохая память, зато Катя могла ему подсказать, как написать «перископ».

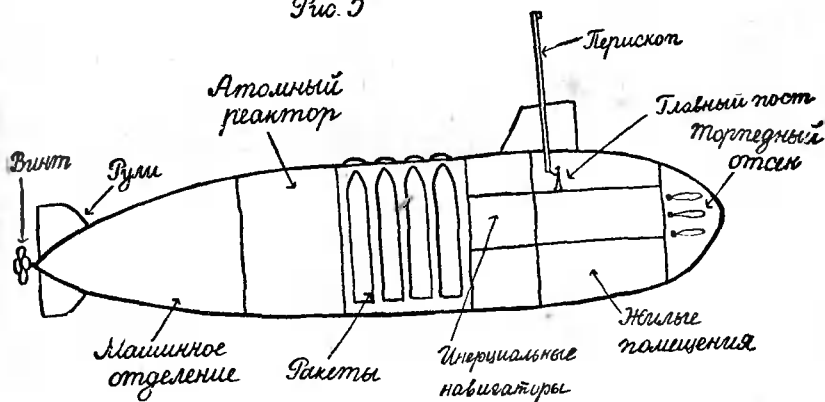
— Корпус ее круглый, подобен китовому, — приговаривал Игорь за работой. — Вот, командир находится тут, под перископом — главный пост. Надстройка высовывается над водой, когда лодка всплывает, а наверху у нее мостик. Командир там, когда идут они в надводном положении. На мостике. Вот смотри, ракетный отсек. Это рисунок маленький, лодка огромнейшая! Скажем, ракеты «Полярис» — метров по восемь в длину!

— Такие длинные! — удивилась Катя.

— А ты что думала! Для точной наводки ракет ставят инерциальные... навигаторы, — выговорил Квадратик и честно признался: — Я, однако, не в курсе насчет их устройства.

— Инерциальные навигаторы? Дай-ка я надпишу...

Рис. 5

Вот так... инер-циальные на-ви-га-торы. Так? Значит, тут ракеты. Тут навигаторы... Игорь, а почему ты говорил, что потолок круглый?

Катя будто хотела что-то припомнить и не могла. Она даже сунула в рот обе косички, а глаза у нее стали совсем круглыми, желтыми. Игорь заторопился — рисовать. Подводную лодку, но уже не в продольном, а в поперечном разрезе. Этот шестой рисунок был простой. И Катя поняла его сразу и закричала так, что Митя проснулся на берегу.

— Игорь! В навигационном отсеке почему потолок плоский? Вот же он — навигационный отсек! А там был круглый потолок!

Она выхватила у Игоря ручку и сама написала на шестом рисунке: «Навигационный отсек».

Надо отметить: Квадратик говорил медленно, а сообщал быстро. И он спросил тут же:

— Почему ты, Катерина, полагаешь, что была в навигационном отсеке?

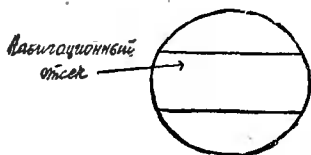
— «Алло, рубка,— сказала Катя по-английски.— Старик в своей каюте? Хорошо. Я — в навигационном».

Квадратик медленно хлопал белыми ресницами. Пришлось перевести слова Бена на русский язык и объяснить, что они всплыли в Катиной голове внезапно, будто проявились на фотопленке.

Это открытие привело их сразу к трем выводам. Во-первых, Катя действительно была на подводной лодке, притом на атомной (Игорь сказал, что инерциальные навигаторы появились позже, чем атомная энергия). Во-вторых, подводная лодка была другой конструкции, чем американские подводные ракетолосцы типа «Джордж Ванингтон» (Игорь нарисовал схему именно этой субмарины). В-третьих, можно было считать, что лодка не французская — Бен говорил с рубкой по-английски. Тогда с какой радости там служит тройка французов?

— Чья же она есть? — растерянно спросил Квад-

Рис 6

ратик. — Княжества Монако? Катерина, почто сидим? Там плавают пираты, а мы сидим.

— Почему пираты княжества Монако? — тоже растерянно спрашивала Катя.

Однако Игорь ее не слушал. Выставив скулы пуще обычного, он защелкнул свой портфель и, размахнувшись, шмякнул его на берег, тут же подхватил Катин портфель и запрыгал с ним по камням. Митя в это время шарил у себя за пазухой, разыскивая мышонка Паньку.

Лекция внезапно оборвалась, а сам лектор бросил аудиторию, так и не объяснив, чем отличается атомная подводная лодка от обычной. Не объяснив, что атомная субмарина может хоть три месяца провести под водой. А Кате узнать об этом было бы очень и очень важно.

ЧЕТВЕРТОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

17 — Квадратик, Панька пропал! — хныкал Митя Садов, тряся кисетиком.

Игорь мрачно оглядывался, дожидаясь Катю.

Катя в этот момент обнаружила, что шустрый Панька сидит под крутым боком Полудыньки и припихивается к воде, балансируя розовым голым хвостом. Пришлось лечь на живот, перегнуться вниз и подтягиваться к Паньке левой рукой, цепляясь правой за шероховатый теплый песчаник. Мышонок доверчиво пошел в руку. Катя выгнулась, напрягая спину, перевернулась. Села. Теперь надо было подобрать ноги и встать. Часы показывали три, ровно. Секундная стрелка как раз перевалила через цифру двенадцать.

В эту секунду Катя ощутила начало перемещения и в страхе рванулась на берег. Нет, ей уже не хотелось перемещаться одной без Игоря! В ниспадающем светлом тумане она прыгала к берегу, к ближнему берегу, не понимая, что удаляется от Игоря с Митей...

«...Пыралала-а-а...» — стеклянно проныли голоса, и — ох! Она плавно, как вертолет, опустилась на зеленую лужайку. В густую, плотную, короткую травку. И села, отдуваясь. Она была одна, если не считать мышонка.

Панька полез по рукаву наверх, усердно шевеля носиком.

Перед Катей были деревья, знакомые по первому перемещению, — сине-зеленые, подстриженные ровными конусами, с ветвями, начинавшимися прямо от земли. Она сидела на том месте, где два дня назад разгуливал скворец, падутий, как английский лорд...

Обидно! Если уж перемещаться одной, без Игоря, то интересней на таинственную лодку, чем сюда, в Англию! Правда, здесь неподалеку наше посольство. В Лондоне. Катя не знала, как далеко Лондон, столица Англии, но, по-видимому, близко. Англия ведь маленькая — два зеленых острова на карте.

Катя поднялась с травы, кубариком прокатилась к дому и укрылась за низкой, широкой изгородью из кустарника. Стриженный мелколистный кустарник тянулся вдоль всего фасада здания. За ним был плотный, как шерстяной, газон, а потом уже аллея стриженных деревьев — длинная зеленая колоннада. Солнце светило с бледного неба теплым, рассеянным светом. Воздух был влажный, легкий, солоноватый. Длинные тени падали наискось, и аллея, уходящая вдаль, была похожа на уличный переход «зебра»: тени косые, черные, а песок на дорожке белоснежный.

Каменная стена дома на ощупь казалась сырой.

Звонко, протяжно пропела птица в саду.

Делать было нечего — прячась за изгородью и жди обратного перемещения. Катя еще раз осмотрелась, высунув голову над линией кустарника. Сад был пуст. Катя посмотрела вверх, на стену дома. Вся стена была темно-серая, в грязных подтеках, а прямо над головой находилось широкое окно, окаймленное новым светлым камнем. Остальные окна обеих этажей были узкие... «Эге! — подумала Катя. — Это же окно малой гостиной! А вдруг телевизор снова показывает что-нибудь интересное?»

Показывает или нет, ей все это безразлично. В дом она не пойдет, в окно заглядывать не станет — изнутри ее сразу заметят... Кроме того, телевизор повернут от окна. Экран виден от барьера, — думала Катя, сидя на каменном выступе под стеной. Было очень скучно и жарко в шерстяном платье.

— Кто вы? — спросили сзади.

Катя вскочила — над изгородью торчало розовое щекастое лицо.

— Кто я?

Лицо кивнуло и скрылось. И сквозь проход в изгороди пролезла толстая девчонка в серых шортах. Каптановые ее волосы торчали во все стороны, как ежиные колючки.

— Это вы — колдунья? — спросила девчонка.

— Глупости! — сказала Катя. — Кто вам сказал, что я колдунья?

— Виллис, дворецкий.

— Джошуа?

— О-а, он из Нового Орлеана. Но вы русская?

— Русская.

— У-у-у! — обрадовалась новая знакомая. — Я думала, старый Джошуа врет. Он очень любит ром. Вы теперь будете приходить часто, правда? Я вас не боюсь.

— Кто же меня станет бояться?

— Виллис. Он говорил: вы — колдунья.

— Безобразие! — возмутилась наконец Катя. — Зачем он учит вас всякой чепухе?

— О нет! Виллис говорил миссис Гарнет, экономке. Я подслушивала.

— Как вас зовут? — спросила Катя, чтобы переменить тему разговора.

— Бесс Уоррен. Я не люблю, когда меня зовут Элизабет или Бетси. Лучше Бесс. А вас?

— Кэтрин. Значит, у вас много слуг?

— До черта, Кэт! Прямо-таки до чертиков. Нет спасения — кругом слуги.

— Они вам мешают?

— Конечно, везде суются, шпионят, подслушивают! Наврали, что вы — колдунья.

— Но вы тоже подслушиваете?

— Я — маленькая. А они — большие.

— По-моему, все взрослые на один лад... Сколько вам лет, Бесс?

— Скоро восемь. А вам?

— Почти тринадцать, — сказала Катя, немного оторопевшая от этой малявки.

Вот так чудо-ребеночек!

— Показать вам дом? — светски спросила Элизабет. — Отец заплатил за него кучу денег. Раньше мы жили в Ливерпуле, потом отец заработал кучу денег, и мы стали жить здесь. Скучища! Отец — настоящий богач, как в книжках! — Она неодобрительно покачала головой.

— В самом деле? — неуверенно отозвалась Катя.

Богатые дети, по ее представлениям (тоже по книгам, конечно), должны себя вести по-другому.

— Скучища, уверяю вас! А ваш отец тоже русский?

— Украинец.

— Украинец?.. А, знаю, славянин... Что он делает?

— Он физик, ученый.

— Шикарно! — с завистью сказала Бесс. — Шикарно... Показать вам дом? Вам не жарко в платье? У-у-у! Белая мышка! А у меня есть пони. У вас есть лошадка? Можно потрогать мышку?

— Можно, пожалуйста... — Катя сообра-

зила, какую пользу она извлечет из этого забавного знакомства.— Послушайте, Бесс. В вашей маленькой гостиной стоит телевизор...

— Во-от такой! А откуда вы знаете?

— Я бы хотела послушать передачу. Не посмотреть, а послушать, отсюда, понимаете?

— Идет! Какую передачу?

— Морскую. Вчера передавали по одиннадцатой программе, а сегодня будет продолжение.

— Морскую? Здорово! Я не знала, и еще — с продолжением...

— Вы включите погромче, а я отсюда буду слушать.

— Пойдемте вместе, Кэт? — Девочка отдала Кате мышлонка.— Его надо вымыть. Пойдемте вместе, а?

— Пожалуйста, Бесс! Мне неловко идти в дом. Я посижу вот здесь, хорошо?

— Так и быть,— сердито сказала Бесс и полезла в окно.

Катя подсадила ее. Толстая девочка задумчиво оглянулась с подоконника и проворчала:

— Хотела бы я знать, откуда вы взялись... с белой мышкой...

И скрылась. Тут же она споткнулась и упала. Катя услышала энергичное: «Чертов ковер!» Защелкал переключатель телевизора. Звякнуло что-то неизвестное, и лохматая голова высунулась из окошка.

— Он должен нагреться. Кэт, вы умеете водить автомобиль?.. Не умеете, ни капельки? Ой!

Голова скрылась. И донесся резкий женский голос:

— Мисс Элизабет, кто разрешил вам включить телевизионный приемник?!

— Никто, никто, никто! Нет, я хочу слушать, то есть смотреть! Миссис Гарнет, я хочу смотреть!..

— Мисс Элизабет!..

Над лужайкой, как порыв ветра, загудел уже знакомый русский голос: «Ясень, ясень, к точке прибытия, ясень, к точке прибытия. Начинаем перекидку, прием...» В окошке показались две головы: вздыбленная шевелюра Бесс и седые кудряшки миссис Гарнет. А Катя стремглав бросилась через изгородь на середину газона, сжимая

Паньку в кулаке. Мельком она увидела, что Бесс лезет на подоконник, а старая дама пытается ее удержать.

— Кэт, подождите меня! Кэ-эт!..

Катя едва успела помахать девочке — туман закрыл все. Катю мягко повернуло, приподняло над травой, и началось перемещение...

В окне замерла толстая девочка. Старуха держала ее за пояс. Одинаково открыв рот, они смотрели, как скрывалось в тумане коричневое платье, как расплылось вместе с туманом в мерцающее пятно и исчезло, растворилось, сгинуло!

СТОЛКНОВЕНИЕ В ОКЕАНЕ

18 Если бы Катя знала, что передаст английское телевидение! Ни за что не побежала бы перемещаться.

Когда миссис Гарнет закрыла рот и помчалась советовать с хозяйкой, а после их разговора слуги начали обыскивать сад... Итак, когда миссис Гарнет умчалась, на экране телевизора появился диктор. Он объявил, что телезрители увидят, как морской комментатор английской радиокomпании «Би-Би-Си» беседует с французским вице-адмиралом Клодом Перреном. Вчера вечером беседу засняли на пленку.

Морской комментатор, бывший моряк и военно-морской летчик, искусно вел передачу. Так, чтобы она была понятна зрителям — моряки употребляют слишком много непонятных слов. Комментатор объяснил, кто такой адмирал Перрен, — пачальник научной части французского флота. Затем камера показала закат солнца в море и на фоне заката эффектную фигуру адмирала. Элегантный плащ, нарядная фуражка, морской бинокль у глаз.

— Адмирал Перрен, — начал корреспондент, — нашим зрителям интересно узнать, почему для испытаний нового батискафа выбран злосчастный итальянский лайнер? Я уже рассказал зрителям, что задача весьма сложная...

На экране появилось лицо адмирала. Крупным пла-

ном. Темная, обветренная кожа, светлые усики, светлые глаза.

— Хорошо, месье, я отвечу. Вы знаете, что наш лайпер «Иль де Франс» сыграл блестящую роль в спасательной операции. Случилось так, что я был пассажиром на «Иль де Франс» в ту страшную ночь, когда итальянский капитан потерял свой великолепный корабль... Трагедия «Леонардо да Винчи» навсегда запечатлелась в моем сердце. Через полгода я был свидетелем тяжбы между владельцами «Леонардо да Винчи» и «Конунга Олуфа», и потому мне известна вся трагедия, с начала до конца... Корабли столкнулись ночью в тумане из-за небрежности судоводителей. Да, месье. Все разговоры о намеренном столкновении, о какой-то выгоде для владельцев «Леонардо» — сущая болтовня, чепуха, чепуха! Страховые компании не заплатили ни одного франка владельцам, ибо суд признал, что кораблем плохо управляли. Он шел в тумане с полной скоростью, с полной своей скоростью, а с мостика не видно было носа корабля. Вы еще не забыли Правила судовождения?

Корреспондент процитировал пункт 16 Правил:

— «Каждое судно... во время тумана должно идти умеренным ходом, сообразуясь... нет, тщательно сообразуясь с условиями плавания».

— Изумительная память, месье! Хорошая морская практика велит торговым морякам останавливать машины, когда не видно носа корабля в тумане, не так ли? А итальянец шел полным ходом и столкнулся со шведом на границе тумана. Вы понимаете? «Конунг Олуф» еще не достиг края тумана и мчался тоже полным ходом... Встречная скорость — сорок пять узлов!¹ Рассказывали, что снап искр при столкновении поднялся высоко над мачтами кораблей...

Корреспондент проговорил:

— Какое несчастье!..

Он был искренне взволнован — моряка всегда волнуют рассказы о морских катастрофах. Он объяснил зрителям, что радиолокаторы не могли помочь капитану «Леонар-

¹ Узел — морская единица скорости, 1 морская миля (1852 метра) в час.

до». На такой скорости нельзя вести корабль по радиолокатору, это не слишком точный прибор.

— Какая беспечность! — сказал корреспондент. — Непростительная беспечность...

— Итальянец потерял корабль! — возразил Перрен. — Он понес самое тяжкое наказание для моряка!

— Как он объяснил свое поведение на суде?

— Не хотел нарушить расписание, — желчно сказал Перрен. — Убытки! В порту его, видите ли, ждали грузчики. Убытки! Но дальше — больше, месье... «Леонардо» не потерял плавучести, а перевернулся. Он шел с пустыми цистернами. Капитан просто не знал инструкции по непотопляемости для своей коробки!

— Невероятно!

— После болтали, что водонепроницаемые переборки были прорезаны, — болтовня, чепуха! Халатность, которая обычно сходит с рук, а на этот раз не сошла...

— Одну минуту, адмирал!.. — перебил его корреспондент. — Боюсь, что наши радиослушатели не знают, что такое «инструкция по непотопляемости».

— А! Вы объясните это лучше, чем я, месье.

Корреспондент поклонился и толково, коротко рассказал, что инструкцию по непотопляемости получает каждый корабль при выходе с верфи. В ней записывают, как надо поступать судоводителю, чтобы его корабль не перевернулся, получив пробоину в корпусе. При точном соблюдении инструкции «Леонардо да Винчи» не перевернулся бы после столкновения. Например, капитан должен был заполнять морской водой цистерны, освобождающиеся от жидкого топлива. Полные цистерны левого борта уравнивали бы ту воду, которая хлынула в протараненные отсеки правого борта. А на «Леонардо» цистерны обоих бортов были пусты, и неповрежденный левый борт начал задираться, как поплавок, когда через пробоину заполнились цистерны и каюты правого борта. Это продолжалось мучительно долго, целых девять часов, но спасти корабль было невозможно...

— Да, неслыханная халатность! — подхватил адмирал. — Классика беспечности, месье! Но я продолжаю — тысяча извинений... Через три часа после столкновения «Иль де Франс» примчался сюда. О, как мы шли! Полным

ходом, в тумане, корабль рассекал волны — тифон¹ ревел, как все штормы у мыса Горн, палубы были залиты светом, команду охватило воодушевление. Мы легли в дрейф почти вплотную к гибнушему кораблю. Там закричали, заплакали! Они были спасены. Мы спустили свои шлюпки, и вся посуда с других кораблей тоже устремилась к нам, мы стояли ближе всех. Значительно ближе, чем сейчас стоит «Марианна»... Месье, в ту ночь, глядя в бинокль на плачущих, растерянных людей, я дивился беспечности итальянцев. Порядка не было, посадка на шлюпки была хаотической, члены команды оставляли корабль раньше пассажиров... Позор! А затем, на суде, я уже не удивился, когда узнал, что пассажирам не роздали их деньги и драгоценности. На «Леонардо» шли богатые люди, они сдавали ценности помощнику капитана — для хранения в его сейфе. «Италиен Лайн» выплатила пассажирам пять миллионов долларов — таков был приговор морского суда. Столько хранилось в сейфе. Представьте себе, помощник за девять часов не успел взять из сейфа ценности, и они пошли на дно вместе с кораблем! Его каюта находилась в носовой надстройке, по левому борту. Сегодня телевизор показал мне иллюминаторы его каюты!

Я не побоюсь заявить перед всем миром: для нас, морских исследователей, жалеют денег. Бомбы — да, исследования моря — зачем? «Господа, вы стоите нам так дорого!..» Я подумал: «На дне моря лежат и ждут пять миллионов». Я решил воспользоваться морским правом. То, что наш батискаф поднимет со дна, будет принадлежать нам, исследователям. Пять миллионов долларов позволят нам работать. У нас есть замыслы, месье, широкое замыслы! Завтра мы попробуем поднять этот сейф и заглянуть в него, да, завтра...

Корреспондент радиокompании незаметно посмотрел на часы. Время еще оставалось. Разговорившийся адмирал пока что вспомнил о малоизвестной истории, промелькнувшей в газетах. Один из погибших в носовой

¹ Т и ф о н — сигнальный звуковой прибор на кораблях, включаемый при тумане. Название его происходит от Тифона — стоглавого чудовища древнегреческой мифологии.

каюте «Леонардо да Винчи» был известным ученым. Ледорезный нос «Конунга Олуфа» ударил как раз в его каюту... О, десятки трагедий! После столкновения на «Конунге» обнаружили мальчишку — прелестный крошечка в пижамке... Он плакал, он сильно ушибся при катастрофе, его понесли к врачу. Он лепетал, оглядываясь: «Я был на «Леонардо», а где я теперь?» Родители бедняжки погибли в своей каюте, а его перебросило на палубу шведа... О, газеты были полны всякой всячины! Утверждали, что ученый вез в Соединенные Штаты какое-то великое изобретение. Запечатанный пакет он передал на хранение в корабельный сейф. Кто знает? Хорошее изобретение может стоить миллионы франков! — Адмирал воодушевленно взмахнул биноклем.

Корреспондент задал вопрос: уверен ли адмирал, что морская вода сохранит хотя бы пенни от его миллионов? Последовал ответ: да, уверен. Предусмотрено абсолютно все! Сейф помощника капитана был герметический, водонепроницаемый. Прежде чем начать подготовку к операции, адмирал велел купить такой сейф — в той же фирме, где их приобретает «Италиен Лайн». Затем сейф опустили с борта «Марианны» на глубину две тысячи метров и держали сколько возможно. Ни капли воды не проникло внутрь сейфа, изготовленного из нержавеющей стали!

Перрен победительно посмотрел на телезрителей. Первый раз за всю передачу. Теперь можно было посмотреть в камеру и улыбнуться — передача кончалась.

— Мы встретимся с вице-адмиралом при начале погружения... — сказал корреспондент.

...Элизабет слезла с высокого табурета и поплелась в парк, оставив телевизор включенным. В доме раздавались возбужденные голоса — взрослые обсуждали таинственные события. Долго-долго будут вспоминать здесь Катини перемещения! И напрасно будет ждать Бесс — русская девочка больше не появится в усадьбе!

БЕСПОКОИТЬ НЕЛЬЗЯ

19 Пока все это происходило, мальчишки не теряли времени зря. Деловитый Игорь, не попавший, увы, в перемещение, начал командовать:

— Сядь тут вот, Митрий! Что случится, поможешь. Не спи, однако.

— Ты что, Игорь! — обиделся Митя. — Я ж не маленький!

— Ты поспать любишь, а спать нельзя. Болтать с кем-либо тоже не вздумай. Сиди карауль, пока не вернется.

С этими словами Игорь побежал наверх, к институту. Митя смотря, как он бежит, пока было видно. Потом вздохнул и принялся караулить. Ему очень хотелось есть. И он беспокоился вдвойне: за Катю и за Паньку.

Игорь хотел прорваться к директору института. Он прибежал в проходную, стал звонить. Безуспешно уговаривал секретаршу позвать директора к телефону — на третий раз секретарша бросила трубку, узнав его голос. Но Игорь был упрям. Кто бы ни входил в проходную, Игорь пересекал ему дорогу и спрашивал:

— Простите, пожалуйста, вы к директору не пойдете?

Никто не собирался идти к директору. Один лишь пожилой дяденька (сотрудник Егоров, двадцати восьми лет) ответил:

— Возможно, найду, юноша.

— Очень прошу, записочку ему...

Но Игорь говорил медленно, как всегда, а сотрудник Егоров торопился.

— Вы шутник, юноша! — сказал Егоров и удалился, помахав пропуском вахтерше — аккуратной толстенкой хохотушке.

Она улыбнулась Квадратику и отсоветовала ждать директора:

— Эх, малёк! Понапрасну ты стараешься, таких малых на работу не берем. Иди домой, к мамке.

Разговор поддержала другая вахтерша:

— Как им медом намазано — в институт! Почто школу бросил?

— Не бросал я школу! — угрюмо отвечал Игорь.

— Не бросал! Исключили?

— Я учусь.

— Почто тебе директор? Тут директор — академик!

Игорь отошел в сторонку, но было уже поздно. Третья вахтерша высунулась из своей стеклянной будки и сообщила, что паренька она знает — Ергинев паренек, с Зимнего оврага. Учится хорошо, но хулиганистый паренек... Квадратик в отчаянии направился было к телефону, однако снова опоздал. Трубку подняла рослая, плотная старуха в белом платочке, нагруженная объемистой кошелкой, и ривкнула:

— Два-три-три, гарнесенькая... Отдел Гайдученки отвечает?.. Здравствуйте! А где у вас Яков Иванович?.. В лаборатории? Выдьте, будьте ласковы. Да-да, Татьяна Григорьевна говорит. Здравствуйте, Любаша. Обед принесла, что делать!

Последнюю фразу старуха произнесла без малейшего украинского акцента, чем сильно удивила Игоря. Бабушка Тая пускала в ход украинские словечки в двух случаях: когда отчитывала кого-нибудь и когда хотела поправиться или улестить. В других случаях она говорила по-русски не хуже, «чем Николай Васильевич Гоголь, земляк наш Миргородский».

Игорь подошел вплотную к Катиной бабушке. Конечно, это была Катина бабушка! Кто другой мог принести обед Якову Ивановичу? Кроме того, Катя и бабушка Тая были очень похожи. Как маленький тощий зайчонок бывает до смешного похож на большую толстую зайчиху — сам в десять раз меньше, но такие же уши, лапки и мордочка.

Татьяна Григорьевна решительно взглянула на Игоря и спросила:

— Что стоишь? Кавалер какой! Отца дожидаться?

— По делам я пришел, — осторожно ответил Квадратик. — Хотел Якова Ивановича повидать.

Татьяна Григорьевна посмотрела на него Катиными глазами — серыми, с рыжими пятнами и поставила кошелку.

— Яков Иванович? Зачем он тебе?

Игорь не успел ответить. Бабушка схватила его за руку и спросила севшим, сильным голосом:

— С Катей случилось что-нибудь? Говори!..

Игорь отскочил от нее как мог подальше, выдернув руку, и поскорее ответил, что с Катей ничего не произошло. Но Татьяна Григорьевна догнала его и опять схватила за руку.

— Она где? Говори скорее!

— Гуляет она! — закричал Игорь. — Она с Митрием гулять пошла! Мне к Якову Ивановичу нужно по важному делу...

— С Митрием? — угрожающе спросила бабушка. — Ще Дмитро объявился! Де он? Взрослый хлопец?

Квадратик наскоро ответил, что Митя Садов — из Катерипиного класса парень и что они гуляют, а ему нужен Катин отец для важного разговора, действительно связанного с Катей. Какой разговор? Он может объяснить все только самому профессору, нет, нет, самому профессору, не иначе.

Что тут началось! Татьяна Григорьевна, пережившая три войны и гибель четырех сыновей, любила внучку, единственную, безоглядно. Она почувствовала, что Кате угрожает опасность, и кинулась в бой. Когда веселая Любаша прибежала за обедом, она увидела бабушку — серую, как пересохшая земля, — и закричала, схватившись за румяные щеки:

— Татьяна Григорьевна, голубчик, что случилось?

— Я должна увидеть Якова немедленно! — сказала бабушка. — Немедленно, понимаете, Любаша? С Катенькой... несчастье. Бегите, бегите!

И Любаша умчалась, будто ее несло отчаяние Татьяны Григорьевны.

Теперь нам, чтобы не запутаться в происходящем, придется то и дело посматривать на часы. Перемещение началось ровно в три часа. Очень скоро, через полминуты, не больше, Катя была в Англии — перед старым домом. А в Дровне Игорь Ергин уже поднимался по крутому берегу к институту. Дальше события развивались не так согласованно. Квадратик мыкался в проходной минут пятьдесят до прихода Катиной бабушки. И Любаша пробежала к Якову Ивановичу через лабораторный двор под часами, показывающими четыре часа десять минут. В это время Кати уже не было в Англии и по телевидению передавали беседу с французским адмиралом.

...Перед широкой дверью Проблемной лаборатории толпились разные люди. Усатый желтолицый вахтер снисходительно поглядывал на них и временами приговаривал: «К сторон-кесь!» От двустворчатой двери в толпе проходила узкая свободная улочка. Любаша, запыхавшись, подбежала к вахтеру — на нее посмотрели неодобрительно. Там, за дверью, собрался весь цвет института, а здесь, перед дверью, волновались все свободные сотрудники и даже некоторые занятые сотрудники. Например, сотрудник Егоров. Немногим было известно, какой именно опыт проводит Проблемная лаборатория. Знали только, что больше часа все остальные лаборатории сидят без электроэнергии и что за дверь прошел сам Ю. А. — директор, и его заместитель по научной части, и начальник Проблемного отдела — академик, и начальник отдела теоретической физики профессор Гайдученко, и офицер пожарной охраны. В толпе перед дверью шептались, что директор прошел быстрым шагом, приподнято, и с ним были два незнакомых товарища начальственного вида. Приезжие товарищи.

— К сторон-кесь! Вы куда, девушка?

— Вызовите профессора Гайдученко, — попросила Любаша.

— Не положено, — флегматично произнес вахтер и поинтересовался уже по-свойски: — Беда произошла или что?

— Беда. С дочерью его случилось что-то, из дому пришли...

— А-а... И обратно не положено. Сам приказал лично — никого и ни под каким видом. Начальник караула тоже, Евграф Семенович... А вы кто будете? — вдруг заинтересовался вахтер. — Не Пашки Теплякова дочка, инженерша? Любовь Павловна?

— Любовь Павловна! — с надеждой согласилась девушка. — А вы кто?

— Вы меня не помпите по малолетству... Пашки дочка — ну-у... К сторон-кесь!

Вахтер надавил белую кнопку у двери — сейчас же приоткрылась щелочка и показалось сизое лицо начальника пожарной охраны. Несколько слов на ухо — дверь закрылась. Сотрудник Егоров произнес с негодованием:

— Подумаешь, профессора Гайдученко! Может, я самого Ю. А. дожидаться!

Дверь открылась снова — на этот раз показался молодой физик-теоретик Черненко, ученик и правая рука Якова Ивановича.

— Любаша, что случилось?

— Бабушка Таня прилетела, смотреть страшно, с Катюшей что-то приключилось...

— О-о! Попробуй его оторвать, он считает! — Черненко с сомнением потряс рано седеющей шевелюрой. — Но что именно случилось?

— Не знаю. Попробуйте, ради бога! На старушку смотреть страшно!

— Тихо, тихо! — прошелестел Черненко и исчез.

Прошло еще две-три минуты — часы показывали семнадцать минут пятого. Пробежал главный энергетик института — оглядывал шины под потолком. Все, кроме Любаша, посмотрели вверх — от шин струйками тянулись серые дымки.

— Что делается! — пробормотал главный энергетик и умчался, сопровождаемый двумя инженерами из своего отдела.

В толпе пояснили:

— Шины горят, понятно? Вспомогательные шины горят. А основные, верно, плавиться начали...

— Ты нытик и малонер! — возразил специалисту по шинам веселый тенорок. — Горят шины, значит, так надо.

Кругом засмеялись. Любаша тревожно оглянулась — прошли еще две минуты. Наконец показался Черненко.

— Считает. Беспокоить нельзя. Так и скажи... — Черненко был сильно встревожен и даже не посмотрел на Любашу.

Девушка повернулась уходить, сотрудник Егоров ухмыльнулся, но дверь опять отворилась и выбежал Черненко:

— Теплякова! Иди к ней. Директор сказал: «Освободится Гайдученко — пошлю домой». Машина будет ждать, иди!

И метнулся за дверь. Любаша покорно побежала в проходную. Было четыре часа двадцать пять минут местного времени.

Что же происходило в это время с Катей? Мы оставили ее в три часа тридцать минут при начале обратного перемещения, или «перекидки», как называл его голос-из-воздуха.

ТАЙНА КОРАБЛЯ

20 Туман закрыл окно малой гостиной. Тоненько пискнул мышонок и зазвучали отдаленные голоса: «Нолы!.. перекидка взята... вз-зята... пер-регр-ружено...», еще ужасно длинное мгновение, и открылись в летящем тумане серые стены. Знакомый запах! Прежде всего она узнала запах, а потом уже упала на пол и заплакала. Она снова была на корабле. Теплый воздух шумел, выходя из белых вентиляционных решеток, а Катя лежала на полу и всхлипывала. Она ведь была так уверена, что вернется на скельки и увидит мальчишек!

Мышонки Панька выбрался из ее ослабевшей руки, расправил шерстку и суетливо побежал, стуча лапками по фанерному полу. Катя неохотно потянулась поймать мышонка. Он юркнул в щель под фанерой и затаился. Надоело ему сидеть в кулаке. Не вставая, девочка приподняла угол фанеры и удивилась сквозь слезы. Под фанерными листами лежали обыкновенные рыжие кирпичи, плотным слоем, один к другому. Панька нашел узкую клиновидную щелку и засел в ней с упрямым видом. Пришлось выколупывать его из щелки, как ядро ореха из плохо расколотой скорлупы. За делом Катя перестала плакать, но, поймав мышонка, начала сызнава.

Помещение было скупо освещено лампами дневного света. Шерсть Паньки выглядела синей, а Катини руки коричневатыми, с грубыми фиолетовыми прожилками. Стены казались серо-голубыми. Длинные стены были плоскими, как любые домашние перегородки, а короткие — изогнутыми, наклонными, как на чердаке, только сходились они не вверх, а вниз. В общем, потолок был длиннее пола. Катя вспомнила шестой рисунок Игоря и решила, что помещение находится в нижней части подводной лодки. По наклонным стенам тянулись трубы с циферблатами

и медными пачищенными частями, в одной прямой стене имелась овальная дверь с крестообразным затвором. Катя подошла, потрогала дверь — заперто. Тогда она подошла к стене напротив.

Вдоль всей стены размещались приборы. Катю никогда не занимали современные приборы, упрятанные в глухие, красиво отделанные ящики. Ей казалось, что у настоящего электрического прибора должны быть «все кишочки наружу», как в школьном классе радиотехники или в радиостанции Игоря. Здесь, на длинном пластмассовом столе, красовались самые причудливые комбинации из проводов, медных и иных трубочек, маленьких трансформаторов и прочих любопытных вещей. Катя даже улыбнулась, так был похож этот беспорядок на радиостанцию Квадратика. «Что-то он теперь делает?» — подумала девочка, рассматривая причудливые приборы и фасонные медные краники.

На свободном куске стола лежал окурок сигареты и кусок шоколадной плитки — в золотой тисненой бумаге. Край шоколада торчал наружу. В плитке оставалось довольно много, больше половины, и она была толстая. Время обеда уже давно прошло. Катя, подумав, взяла шоколадку и разломилась, уделив Паньке довольно большую дольку. Если сравнить с человеческими пропорциями, то мышонку достался кусок размером с портфель. Шоколад был тонкого вкуса, недаром его заворачивали не в серебряную, а в золотую бумажку, — так решила Катя.

Она жевала шоколад и бродила вдоль стола. Задержалась около интересного прибора. На экране, вроде телевизионного, только маленького, подрагивала ярко-зеленая отчетливая линия. Будто чей-то пульс. Пульсировала. Другая линия над ней мелко дрожала, трепеща, как стрекозиное крыло. По соседству стоял прибор еще поинтереснее. Рядок окошечек со светящимися оранжевыми цифрами, последняя цифра все время менялась — то восьмерка, то девятка. Долизывая шоколад, Катя полюбовалась этим зрелищем: восемь-девять, восемь-девять. На панельке прибора была малопонятная надпись: что-то насчет кислорода и крови.

Панька еще доедал свою порцию, а Катя уже скомкала бумажку и опустила ее в карман. Стало много веселее.

Она подумала, что хозяин не должен обижаться на нее за съеденный шоколад — ведь, по морским обычаям, на кораблях кормят потерпевших кораблекрушение. В некотором роде Катя и есть потерпевшая.

Стало веселее и по другой причине. Приборы, цветные провода, шоколад — ни капельки не похоже на мрачный корабль «Летучего Голландца». Как она воображала себе этот корабль, конечно...

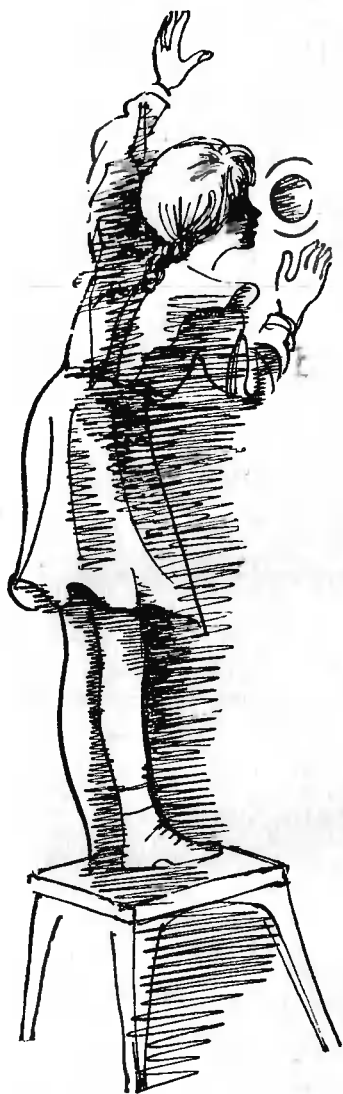
О будущем она мало беспокоилась — в конце концов состоится же обратное перемещение, заберут ее отсюда.

Над экраном с пульсирующей зеленой линией она увидела круглую ставенку на петлях. Похоже на печную дверцу, привешенную к стене. Она была неплотно закрыта — в щели блестело толстое стекло. Пониже имелась решеточка с выключателем и английской надписью «микрофон».

Глупо было бы не заглянуть в это окошко! Катя поднялась на носках и заглянула, открыв дверцу. Как только дверца откинулась, стекло засветилось густым синим светом.

Сначала ничего не было видно — сочная синяя пустота открылась за стеной. Окно оказалось с секретом. Перед глазом — маленькая дырочка, а видно широко. Как в визире фотоаппарата. Синяя краска переливалась в широком пространстве. Может быть, это окошко наружу, в воду, в глубины океана? Может быть, эти глубины синие? Но через минуту Катя уже привыкла смотреть и увидела, что перед ней корабельное помещение, заполненное водой и освещенное синими лампами, — с трех сторон свет вырывался размытыми пучками, играл в воде. И там были рыбы! Они стремительно крутились, мелькали перед глазами, то есть перед глазом — для двух глаз места было маловато. Кроме того, Катя устала стоять на цыпочках. Пришлось оторваться от диковинного зрелища и подтащить к столу невысокий табурет. К удивлению Кати, он не был привинчен к полу, а в книгах пишут, что на кораблях вся мебель привинчивается. Устроившись ногами на табурете, а рукой опираясь о стену, она стала смотреть как следует.

Рыбы перестали носиться и спокойно стояли в синей воде. Они были длиной с палец, или чуть поменьше — с

детский палец, — но зато стремительной формы. Обтекаемое длинное тельце, сильно сужающееся к хвосту, почти сходящее на нет, а сам хвост как полумесяц. Круглые глаза отражали свет, как бисеринки, ой! Катя изогнулась, чтобы рассмотреть совсем маленьких рыб слева, и чуть не упала. Спас ее выключатель с надписью «микрофон». Он щелкнул под рукой, когда девочка уцепилась за него.

Катя хотела поскорее перещелкнуть его на место, но свет в окошке стал меркнуть. Снизу поднималось что-то крупное, литое, тускло отблескивающее синим. Рыба! Но какая огромная! Перед окошечком была только ее морда и один глаз величиной с автомобильный подфарник...

Стало жутко. Катя слезла на пол и отошла подальше. Вернулась, подобрала Паньку, чтоб не залез куда не надо. Выключатель оставался перещелкнутым, из решетки рядом с ним ритмично похрипывало. А ниже подмигивала в такт зеленая линия на экране.

Катя постояла, послушала — хрипит. Снова подобралась к синему окошку. Не каждый день можно видеть такую громадную рыбу! Куда там — знаменитый сом, кото-

рого бабушка купила к папиному тридцатипятилетию! Так был велик этот сом, что не поместился на кухонном столе — хвост спадал до половины высоты. Разделявали сома на доске, только Катю бабушка выгнала из кухни, когда его резала...

А рыба висела перед окошком и блестела своим подфарником. Нос ее переходил в длинную толстую палку. Плоскую. Конец палки тонул во мраке где-то вверху. «Это рыба-меч», — подумала Катя. В какой-то книжке было про меч-рыбу и рыбу-молот. Кажется, рыба-меч может своим мечом пропороть двухдюймовую дубовую доску, обшитую медью. Да-да, в той книге еще было написано, как она пропорола оба борта шлюпки. Рыбаки не утонули, потому что меч застрял в досках и дыры не получилось. То есть дыра была, только она оказалась заткнутой рыбьим мечом.

— Кто там дышит, — хрипло проговорил кто-то по-английски.

Катя придержала дыхание.

Дверь как была, так и оставалась закрытой.

— Кто там дышит, — повторил голос без всякого выражения. Без малейшего выражения! По-русски это звучало бы не так пугающе, по-русски можно произносить слова раздельно, а по-английски нельзя. Но голос произносил слова раздельно.

— Кто там дышит, — в третий раз произнес голос.

Катя решила ответить. Что же ей, не дышать теперь?

— Это я, с вашего разрешения!

— Я... вас... не... знаю... говорите... ближе... к... микрофону, — последовал ответ.

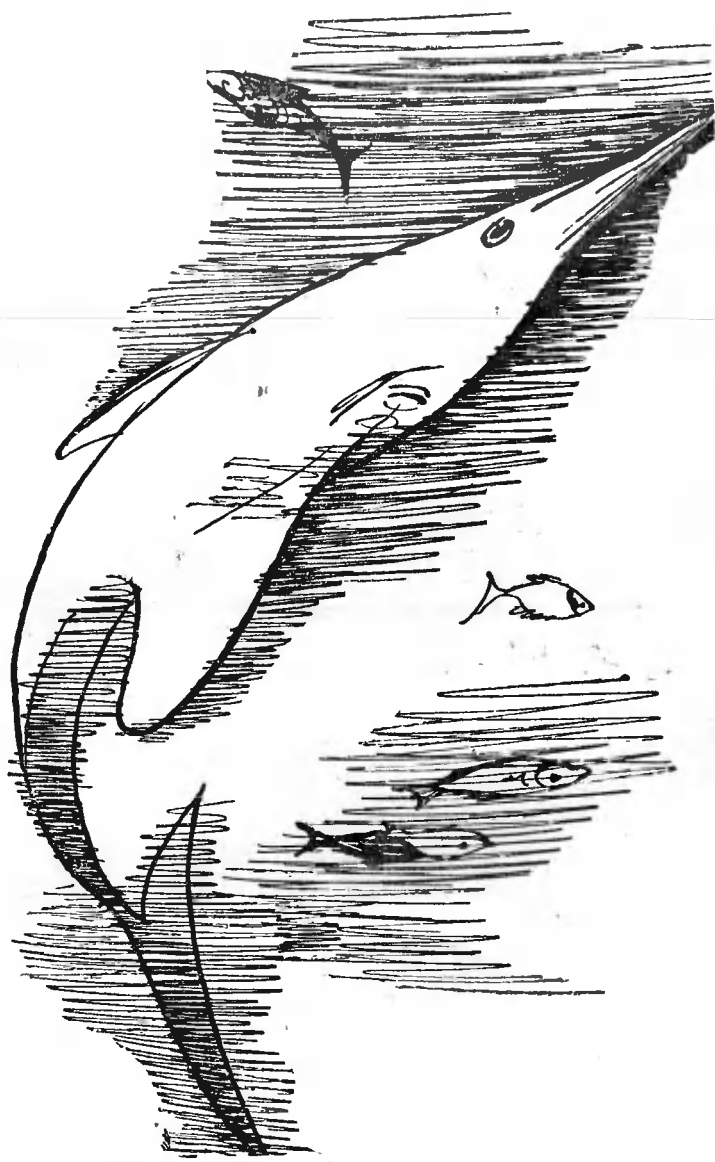
Другого микрофона нигде не было, и Катя приблизилась к окошечку. Рыба по-прежнему висела перед ним, слабо поводя круглыми жабрами...

Не может быть!

Во второй раз Катя шатнулась на табурете — рыба поводила жабрами в такт с пульсацией зеленой линии и в такт похрипыванию из решеточки. И оттуда же послышался голос:

— Командир, какие приказания.

— А вы кто?! — вскрикнула Катя.

— Я Мак, чудо инженерной биологии.
— Вы... вы — рыба?
— Я Мак. Какие приказанья.
— Никаких приказаний! — испуганно ответила Катя. — Вы живете в воде, мистер Мак?
— Все живут в воде. Я Мак. — Голос умолк, как бы сомневаясь, все ли сказано.

Катя молчала, похолодев от испуга.

— Какие приказанья. Могу повернуться. Могу съесть маленькую рыбу. Приказанья.

— Повернитесь, пожалуйста! — боязливо попросила девочка и прижалась носом к холодной стенке.

А вдруг кто-нибудь шутит с ней, притворяясь «Маком, чудом инженерной биологии»? Тогда рыба и не подумает поворачиваться...

— Не поворачивайся, пожалуйста! — шептала Катя по-русски. — Ну зачем тебе поворачиваться?

Но рыба повернулась, показав по-акульи белесое брюхо.

Прежде был виден левый бок с грудным плавником, а после поворота показался правый бок и спина. Катя уже присмотрелась к синему свету в рыбьем помещении и разглядела на спине Мака два странных предмета, прикрепленных впереди спинного плавника. Два плоских бачка: ближе к голове — круглый, вроде литровой кастрюльки, а за ним — другой, побольше, как небольшой бидон для керосина.

НАХОЖУ И НАСТИГАЮ

21 Сомнений больше не было — перед Катей плавала говорящая рыба! И не просто так говорящая, а по-английски. С другой стороны, почему рыба должна знать именно русский язык, а не английский?

Подумав об этом, Катя немножко развеселилась. Вот будет здорово, если Мак умеет исполнять желания, как говорящие рыбы в сказках! Будет она приплывать в Дровню и спрашивать по-английски: «Чего тебе надобно,

старче», как золотая рыбка у Пушкина. Пожалуй, в речке Ирпе эта рыба не поместится — слишком она велика.

— Какие приказания? — прогудел Мак. — Могу съесть маленькую рыбу.

Наверное, ему очень хотелось съесть маленькую рыбу. И Катя сказала в решеточку:

— Съешьте, если вам так хочется.

Хрипы стали чаще, сильнее. Мак изогнулся дугой, мелькнул острый серп хвоста, брюхо и опять вынырнула морда — с тем же бессмысленно-хищным выражением и синим немигающим глазом.

— Выполнено, — доложил автоматический голос. — Могу съесть еще одну маленькую рыбу.

— Благодарю вас. Можно потом? Скажите, почему вы называетесь «чудом инженерной биологии»?

— Я карающий меч судьбы, — сообщил Мак.

Над этим пришлось подумать. «Меч» — ясное дело, ведь Мак — рыба-меч. Почему же «карающий» и зачем он судьбу припутал?

— Скажите, Мак, почему вас зовут «карающим мечом»?

— Я выйду отсюда. Я найду и настигну того, кто хочет всплыть. Найду и настигну. Все живут в воде. Никто не должен всплыть. Я карающий меч судьбы, — болтал Мак. — Того, кто хочет всплыть. Кто я.

— Чудо инженерной биологии, — сказала доброжелательная Катя.

«Карающий меч» ей почему-то не нравился.

— Кто я, — настаивала рыба.

Девочка промолчала. Тогда Мак заявил:

— Я молодец, — и повторил: — Кто я.

Вот хвальбуша! Подумаешь разве, что рыба способна так болтать и хвастаться, и требовать, чтоб ее похвалили?

— Вы молодец! — сказала Катя. — Жуткий молодец!

— Ж-у-тт-к-ий, ж-уткий, жуткий, — повторил Мак. — Я подплыву сверху, перевернусь, пр-роизнесу. Никто не должен всплыть.

— Почему никто не должен всплыть? Что за глупости! — возмутилась девочка.

— Все живут в воде, — решительно пояснил Мак. — Я нахожу, настигаю, пр-роизношу, командир взрывает.

Живая торпеда! Этот Мак — живая говорящая торпеда! Он находит кого-то в воде, подплывает, а командир взрывает торпеду. Вот вам и «молодец»! Бедная, глупая рыба! Она ведь ничего не понимает, повторяет, как магнитофон...

Мало им ракет!

Катя стояла и смотрела на бессмысленную рыбью морду. Мак самодовольно покачивал своим мечом, как мальчишка — игрушечной саблей.

— Что у вас на спине?

— Не понимаю, — ответил Мак и захрипел: — Что у меня на с-п-ин-е. Чтоуменянаспинечтоуменянаспине... Кто я.

— Замолчите!

Рыба мгновенно смолкла. Катя с отчаянием стукнула кулаками по стенке. Что толку? Отшибла косточки. Что делать? У Мака на спине прикреплена мина, или торпеда, или как там называется. Потом его выпустят — взрывать. Был бы здесь Игорь, он бы знал, что делать. А она, Катя, ничего не может.

Неправда!

Она должна что-то предпринять, умная она или глупая! Что она, Катя Гайдученко, не перехитрит этого Мака? Может быть, внушить рыбе, что она не должна «находить и наступать»?

«Спокойствие, Екатерина Гайдученко! Спокойствие. Ты обдумай все как следует, но быстро. Как в воздушном бою. А кого он должен взорвать, этот дуралей? Знает он заранее — кого?»

— Скажите, Мак... Что вы будете находить и наступать, когда выйдете отсюда?

— Объект, — прохрипела рыба, — объект нахожу, пастигаю...

— Какой объект? Как вы его узнаете?

— Как я его у-з-н-а-ю. Какяегоузнаюкакяегоузнаю... Кто я.

— Молчать!

Похоже, Мак завожился говорить без остановки, когда запоминал новое слово. Запомнит и просит, чтоб его похвалили за усердие. Бедняга!.. Совсем как Панька, тоже страдает ни за что ни про что мышонок. Она посмот-

рела — Панька мирно спал в кармане ее фартука. Не так уж ему плохо, по-видимому...

— Вы молодец, Мак. Скажите, как вы найдете объект?

— По контуру и звуку нахожу, настигаю, я- молодец,— захрипело из решетки.

— По какому контуру и звуку?—допытывалась Катя.

— Контур объекта... тр-ренировка... нахожу...— скандировал Мак, переворачиваясь на спину и ныряя.

Перед окном стало свободно. Левый глаз у Кати уже слезился от напряжения, зато привык смотреть в синюю глубину. Довольно далеко впереди помещение Мака закруглялось как бы лежачим куполом. Катя знала, что в воде все кажется ближе, чем на самом деле. Метрах в четырех впереди на куполе белел причудливый рисунок вроде плоской вазы. С круглой ножкой... Что это? Рыба вымахнула снизу к рисунку, закрыв его от глаз. Перевернулась, замерла.

— Пр-роизношу. Пр-роизношу...

Катя захлебнулась догадкой! Этот рисунок—батискаф: поплавок — ваза, а ножка — гондола... Ужас какой! Что теперь делать? Ведь батискаф «Бретань» сегодня должен спуститься к затонувшему кораблю...

— Кто я.

— Проклятый глупец! — рассвирепела Катя.— Глупец!

Мак затарахтел, осваивая «проклятого глупца». По временам он спрашивал «кто я». Девочка его не слушала.

Кому может помешать батискаф? Зачем взрывать его? Чтобы погибли ученые?

Значит, вот о чем предупреждали ее три моряка. А сами они, сами-то они — почему они, взрослые, боятся и молчат? Ох, это было трудно понять! Катя хорошо помнила, как они шепотом совещались, и оглядывались, и явно боялись капитана. Она читала где-то: капитан в море имеет право застрелить любого своего матроса, вот они и боятся. Она присела на приступочку, чтобы лучше думать. Но предупреждение, предупреждение! Игорь ведь послал телеграмму куда следует. Может быть, спуск батискафа уже отменен. Довольно много времени прошло. Сейчас — она посмотрела на свои часики,— сейчас

четыре часа пятнадцать минут по местному времени. По дровиенскому. Значит, по-московски на два часа меньше. Успели предупредить или не успели?

Что же делать, если вдруг не успели?

По-видимому, только один путь оставался. Уговорить Мака не взрывать батискаф. И поскорее, пока не явился кто-нибудь и не помешал.

Катя приступила к делу немедленно. Она произнесла как могла солидно:

— Слушайте меня, Мак!

— Слушаю,— охотно отозвалась рыба.

— Объект искать нельзя, я запрещаю! Повторите!

Что тут началось! Мак стал метаться по своему аквариуму, а из решетки быстро-быстро затарахтело:

— Не понимаю-непонимаю-маюнепони-нимаюнепонимаюне...

В отчаянии она щелкнула выключателем — голоса Мака не стало слышно, он метнулся вниз и пропал. В глазке был виден только «контур объекта», белый контур батискафа, так похожий на тот, что любовно вырисовывал Квадратик. Плакать Катя не могла. Оставалось одно — сидеть и ждать обратного перемещения. Сидеть и ждать, сидеть и ждать — что бывает труднее на свете?

Катя не на видела это занятие: сидеть и ждать.

Через пять минут она уже вскочила на ноги и прыгнула к глазку — не видать проклятой рыбы. В сердцах она захлопнула дверцу. При этом у Мака погас свет. Так и надо, сиди в темноте, а мы еще раз посмотрим приборы. Вдруг найдется такой прибор, чтобы выпустить Мака.

Пусть уплывает! Далеко, куда ему захочется. Чтобы никто не смог его взорвать.

Катя пошла вдоль стола с приборами, присматриваясь к ним заново. Должны быть надписи. Под прибором со скачущими цифрами — есть. Значит, и на других должны быть... Ага! Вот еще табличка. Написано: «Температура тела». Не годится. Собственно, что должно быть нанисапо?

Она пошуршала бумажкой от шоколада в кармане. Завязала бант на правой косе. Уныло заглянула под последний прибор — ничего нет. Что делать?

Она подняла глаза и увидела на столе, у самой степ-

ки, большую книгу в кожаном переплете. Пухлую. Книга стояла, прислоненная к стенке. Рука не доставала так далеко. Пришлось подтащить табурет, чтобы взять книгу.

Наполовину она была написана цифрами, наполовину — чистой. Катя потянулась поставить ее на место и увидела на стене белый квадрат, в нем черный череп и кости. Надпись: «Смерть!»

Раньше этот плакат закрывала книга.

Катя сползла на пол. Огляделась. Зеленая линия злое ще подмигивала ей. Звенело в ушах. Язык стал сухой и шершавый. Все страхи сразу припомнились Кате: и огни Святого Эльма, и паруса, изодранные ураганами за тысячу лет, и сам «Летучий Голландец», мертвый капитан с мертвой командой.

И еще — говорящая рыба за стенкой... подмигивает... Запертая дверь ухмыляется затвором, как перекошенное лицо. Нет! Этого не может быть!

Катя бросилась к двери и повисла на затворе. Она уже набрала воздуха, чтобы заорать, заплакать, и вдруг услышала шум. Крестовина затвора зашевелилась в руках как живая, — кто-то открывал дверь с той стороны, звякал металлом.

Этого Катя не могла выдержать. Она метнулась от двери в угол и втиснулась, как ящерица, между стеной и железным шкафом. Замерла.

Дверь с шорохом отворилась. Густой тихий голос произнес несколько слов. С перепугу Катя не разобрала, что было сказано. Потом звякнул затвор. Дверь запирали за вошедшим. Катя чувствовала, он был здесь...

Через несколько секунд застучала фанера под мягкими шагами. Еще мгновение, и из своей щелки девочка увидела спину вошедшего. Он был худой, высокий, в синем морском костюме и берете. Он полуобернулся — безусый, с длинным подбородком и прищуренными глазами.

Катя неслышно задвинулась поглубже.

Длиннолицый не торопясь подошел к стене с окошечком. Нагнулся к приборам, посмотрел. У зеленой линии покачал головой — наверное, взволнованная рыба дышала чаще обычного... Поцелкал по окошечкам, посвистел. Оглянулся, подобрал табурет. Поставил на место, пожи-

мая плечами. Погасил сигарету о подошву, окурок положил на стол. Открыл глазок и щелкнул выключателем.

— ...пони-нимаюнепо-понимаюне-аюнепонииим-онимаюне-онимаюне...

— Мак, замолчи! — густым басом проговорил длиннолицый.

Мак замолчал, отчаянно хрипя дыханием.

— Ты — карающий меч судьбы! — сказал длиннолицый. — Ты — чудо инженерной биологии!

Право же, в его голосе была нежность. Катя подсматривала из угла, стараясь не дышать.

— Какие приказания, — слышался металлический голос рыбы.

Она успокаивалась, хрипы становились все реже.

— Атакуй изображение! — коротко приказал человек и через секунду добавил: — Ты молодец, карающий меч судьбы!

— Жуткий молодец, — отозвался Мак.

Длиннолицый еще раз покачал головой, раскрыл кожаную книгу, сверился с ней, хмыкнул. Выключил микрофон и принялся рассматривать зеленую линию, бормоча:

— Возможно, возможно... Не могу поручиться, с какой стати я скажу «жуткий молодец»? Возможно, он теряет устойчивость. Проверим... — Слышались щелчки переключателей и снова бас: — Устойчивость в норме... Спросить у него? Он слишком взволнован... Не-ет, я так не говорю, не-ет... Стоп! Где шоколад? Крысы не едят обертку. Печать на двери была цела... Стоп, капитан!.. Ганс не мог говорить с рыбой, зато молодцы могли подделать печать... Молодцы!

Капитан медленно покачал пальцем у себя перед носом, бормоча:

— Жу-уткие молодцы, жуткие... — И внезапно он подобрался, шагнул вперед и присмотрелся к чему-то на столе.

На проводах висел Папьяк!

Катя бессознательно рванулась — схватить мышонка — и задела локтем за гулкое железо. И еще быстрее капитан обернулся и направил на нее пистолет.

БАБУШКА ТАНЯ

22 В эту самую минуту Любаша Теплякова бежала в проходную. К теще начальника, Татьяне Григорьевне. А бабушка Таня не умела ждать. Точно-точно, как ее внучка. Пока Любаша бегала, Татьяна Григорьевна металась по вестибюлю, как рысь по клетке. Игорь стоял у кошелки, упрямо наклонив голову. Увидав гонца, Татьяна Григорьевна подхватила кошелку. Игорь не шелохнулся.

— Де он? Идет?! — не своим голосом крикнула бабушка и тут же погрозила Игорю: — Молчит! Деревянный ты. Где ж у тебя сердце?

— Он скоро, — заленетала девушка, — скоро освободится. А директор, сам директор...

— Ско-оро? Дире-ектор?!

Бабушка разжала руку — кошелка брякнулась об пол. Горестно звякнул термос. Со стремительностью ястреба Татьяна Григорьевна ринулась на прорыв — мимо смешливой вахтерши.

— Мамаша, нельзя! — выкрикнула вахтерша и в растерянности нажала кнопку вызова начальника караула.

Он был на посту, бравый Евграф Семенович, и попытался задержать Татьяну Григорьевну. Куда там! Бабушка отпихнула его могучей рукой и широким шагом пошла по двору. Люба застучала каблучками следом, отругиваясь от Евграфа Семеновича:

— Поймите, дядя Евграф, у Гайдученко с дочерью несчастье!.. Мало что не положено! Поймите, некогда пропуск оформлять. Ну я сейчас выпишу — задним числом, Яков Иванович подпишет...

Про Игоря в горячке забыли, хотя без него, собственно, все предприятие лишалось смысла — он один знал, в чем дело. И, конечно, первой спохватилась бабушка Таня.

— Де хлопчик? Геть! Ступай за хлопчиком! — Она закричала на самого начальника караула, так что он засомневался даже и сделал шаг назад.

— Я сбегаю, сбегаю! — заторопилась Любаша. — А вы, дядь Евграф, проведите их в лабораторный корпус. Ну пожалуйста!

И — чудо! — начальник караула махнул рукой и произнес:

— Пройдемте!

Об этом чуде будут долго вспоминать в институте. Как теща Гайдученки заставила самого Евграфа Семеновича, служаку, провести ее к зятю. Как всегда, лавры будут отданы победителю, и все забудут о Любашиной миротворческой роли. Между тем охрана института — дровненские пенсионеры — очень гордилась Любкой Тепляковой, дочерью покойного Павла Теплякова. Из дровненской молодежи одна Люба была физиком-теоретиком, и уже была объявлена защита ее кандидатской диссертации. И караульный начальник махнул рукой, поправил орденские колодки и произнес:

— Пройдемте!.. Скажи вахтеру там... я разрешил пропустить мальчика.

Вчетвером они подошли к дверям Проблемной лаборатории. Бабушка решительно отодвинула сотрудника Егорова, а Игорь посмотрел на него злорадно: не хотел помочь, нá вот тебе! Увидав начальство, желтолицый вахтер сделал шаг вправо, освобождая проход, но тут уж Евграф Семенович решил, что старуха заходит слишком далеко, и уперся:

— Не положено и не положено, не могу. С удовольствием... назад!

Не положено? Тяжелой ладонью она пришлепнула звонок. Тррр! — зазвенело внутри лаборатории. И лишь дверь приоткрылась, бабушка крикнула зычно и жалобно:

— Яков, сынок!..

Профессор Гайдученко работал, как хирург при операции на сердце, с рассчитанным самозабвением. Время. Время. Время! Он сжимал время, как резиновую губку. Он работал с такой скоростью, что с выхода электронной машины непрерывно текла бумажная лента. Яков Иванович упрямо вводил в машину новые данные и вместе с ней терзался неразрешимой задачей — боковой лепесток был перегружен. Перегружен! Что его перегружало? Не хватало мощности для связи с испытателем. От высоковольтных кабелей и шин тянуло угарным запахом. Бодрый голос испытателя Панина доносился до лаборатории чуть

слышным, искаженным. Все потому, что лепесток был перегружен.

В лаборатории стояла благоговейная тишина — Саша Панин волей пауки был переброшен из Дровни на специальный полигон под Самаркандом. Затем сделали «перекидку», перебросив его на такой же полигон в Бухару. Все шло отлично, великолепно, исчезли болевые ощущения, от которых прежде страдал испытатель!

Но лепесток был перегружен. Поэтому не хватало энергии. Поэтому постоянную связь держали с испытателем только по обычному радио. Из-за перегрузки опыт отложили на час — надеялись найти ошибку в настройке антенны. Не нашли ничего. На всем протяжении опыта работала большая электронная машина, управляемая самим Гайдученко, — бесполезно...

Машина выдала последние расчеты. В шестнадцать часов тридцать минут, полтора часа спустя после начала опыта, Яков Иванович оттолкнул стол. Поднялся.

— Бесполезно далее тянуть время! Я настаиваю — антенна перегружена тридцатью — сорока килограммами живого груза. Дальше решайте сами. Установка — ваша. Я бы прервал опыт.

Он сделал символический жест — умываю, мол, руки — и снова потащил к себе бумажную ленту. Радиист-оператор из глубины зала прокричал:

— Бухара передает! «Ясень» жалуется на жару, просит послать холодного пива!

Кто-то засмеялся. На него цыкнули. Директор института утирал пот, как будто ему тоже было жарко.

Тогда начальник Проблемного отдела, молодой академик, решительно вышел к пульта управления.

— Гайдученко прав, товарищи... Прерываю опыт. «Ясеня» предупредить о досрочном возврате через...

Вот здесь и затрещал звонок. Академик сердито обернулся. И раздался отчаянный голос бабушки Тани:

— Яков, сынок!..

Странная наступила тишина. Испуганная. Резко застучал секундомер в затихшем зале. Яков Иванович пролетел к двери, на ходу спросив у директора:

— Разрешите?

Директор замахал на него платком: «Иди, иди». И все

смотрели, как Гайдученко вынесся за порог. Академик первым отвел глаза, кашлянул и открыл было рот, но дверь опять распахнулась и, пятась, вошел Яков Иванович. Он вел за плечо Квадратика.

Все так и подались вперед со своих мест и вытянули шеи.

Яков Иванович наклонился к Игорю.

— Говори толком, хлопец! Что случилось?

— Вы Яков Иванович? — неторопливо спросил Игорь. От любопытства у него разбежались глаза — он старался смотреть на собеседника, а глаза косили.

— Ну говори поскорее!

— Катерина ваша... переместилась! — решился Игорь.

Его поняли сразу. Академик подскочил к нему, теряя булавку из галстука.

— Откуда переместилась, живет?!

— С Верхних Камней в пятнадцать ровно, как раз запыщало по радио, — обстоятельно ответил Квадратик.

И снова стало тихо.

В тишине Яков Иванович подошел к расчетному столу, поднял бумажку за уголок и проговорил:

— Ну вот, видите? Тридцать пять килограммов!

И сейчас же резко, звонко крикнул академик:

— Операторы, связь! Срочный возврат! Передать «Ясеню» — он остается в Бухаре, пусть немедленно выйдет из зоны! Немедленно! Всю мощность на возврат из лепестка, всю мощность, вы меня поняли, Зимин?! Стянуть лепесток сюда, сюда! — Он потопал сверкающим ботинком по полу. — Все по местам! Внимание!

Лаборатория замерла. Директор замер с платком в толстой руке. Гости приподнялись на стульях. Оператор кричал в микрофон:

— «Ясень», «Ясень»! Немедленно покиньте зону, повторяю — немедленно покиньте зону! Для вас — всё, вы остаётесь в Бухаре, повторите, как поняли. Прием!..

С потолка зала на пол опустился толстый резиновый ковер. Тоскливо, бархатно взвыла сирена.

— «Ясень» покинул зону, — доложил оператор.

— Отсчет от десяти до нуля! Десять!.. Девять!..

Кто-то взял Игоря за руку и повел к выходу. Он под-

чинился. По дороге подобрал булавку из галстука сердитого ученого, положил на стул.

— Пять!.. Четыре!.. Три!.. — звенел голосом академик.

Дверь закрылась. Было шестнадцать часов тридцать восемь минут по местному времени.

ОБВАЛ

23 Капитан выхватил пистолет, повернулся и шагнул — одним движением. Пистолет черной дырой уставился Кате в лицо.

Она крепко зажмурилась. Капитан тихо свистнул, зашевелился. Катя приоткрыла один глаз. Капитан прятал пистолет в карман, отогнув полу тужурки, и рассматривал Катю — даже голову наклонил к плечу.

Спереди его длинное лицо не казалось таким узким и щучьим, как сбоку. Глаза были темно-синие, вполне человеческие и смотрели даже с сочувствием.

— Добрый вечер, сэр! — прошептала Катя.

— Гм, доброе утро...

Капитан прошелся от стены к стене, постукивая фанерой.

Катя ждала, не вылезая из угла, крепко закусив кулак.

— Как вас зовут?

Катя молчала.

— Вы любите шоколад? — Он вынул из бокового кармана плитку. — Не бойтесь, берите!

Катя пробормотала:

— Огромное спасибо! Не хочется.

— Понимаю вас. Послушайте, юная леди... Послушайте-ка меня внимательно. Отведаете шоколада, может быть?.. Как вам угодно... — Он подошел и присел на корточки. — Я вас пальцем не трону. Буду кормить шоколадом до отвала. А вы мне скажете, кто вас сюда привел. Я — капитан «Голубого кита», Эриберто Солана.

...Серо-голубой квадрат отсека, дрожащий синий свет, циферблаты приборов — все это качнулось и поплыло пе-

ред Катиными глазами. Сухой корабельный запах сменился спиртовым духом «бутылочного войска», и послышался ленивый сицпый голос:

«Морского дракона» купило неизвестное лицо... Хотите знать фамилию? Солана... бразильский подданный. Я думал, что бразильские вояки обзаводятся атомной субмариной...»

Значит, вот оно как... Значит, она попала на атомную подводную лодку. Игорь был прав: на ту самую подводную лодку, о которой говорили англичане.

Ой, неужели ей все это не снится?

Капитан Солана спрятал шоколад в карман таким жестом, каким только что прятал пистолет. Катя почему-то заметила, что указательный палец на его правой руке блестит, как позолоченный. От золотых мундштуков сигарет.

— Молчите? Совсем, совсем напрасно. Понимаю, вы боитесь своего приятеля. Да, правда? Не следует его бояться, па корабле все — мои подчиненные. Я защищу вас.

Он прошелся еще раз от угла до угла, легко поднимая длинные паучьи ноги. Ох, не зря Катя заочно прозвала его Пауком! Таких людей она еще не видывала. Она могла поспорить, что он не врет. Честно собирается кормить шоколадом. Как Мака — живой рыбешкой. Чтобы слушалась.

— О, вы непростая девочка!.. Это внушает уважение. Мне жаль даже, что вы видели рыбу... Ведь видели?.. Опять молчите? «Жуткий молодец», а? Нет, серьезно, мне жаль, что вы с ней говорили. За это придется продержатъ вас взаперти до конца рейса.

Он вдруг приблизил свое лицо к Катиному и спросил:

— Вы обрадовались? Чему это вы обрадовались? — Он трагически заломил брови. — Какой вы интересный экземплярчик!

Катя упрямо молчала. Пусть взаперти, лишь бы остаться на месте до перемещения. Потому она и обрадовалась. Сообразила, что ее здесь и оставят, только запрут.

— Лю-бо-пытный экземпляр... — бормотал Солана, разыскивая что-то в ящиках. — Будет очень-очень жаль,

м-да... Я поклясться могу — здесь был моток провода... целый моток! Провод вы не съели?

Опять его длинные глаза остановились на Катином лице. И она еще немного подалась назад.

— Совсем, совсем напрасно вы меня боитесь, мисс. Если вы мисс, а? Напрасно, напрасно... Без нужды я никого, гм, не обижаю... — Он бормотал это, выуживая из ящика тонкий ярко-синий провод. — Например, если вы расскажете, кто вас привел на субмарину, обращение с вами будет хорошее. А так — неважное... мисс. Пожалуй, провода мало. Где-то был еще, потолще... Я должен кое-что подключить... подключить...

Катя молчала. Пусть запирает. Отстать от перемещения — вот что ей казалось хуже смерти...

Пол качнулся. Гулко булькнуло за стеной, прошуршала фанера. Капитан, еле устояв на ногах, пробежал налево и схватился за какой-то прибор — вытянул цилиндр на железной гармошке. Тихий, отчетливый голос проговорил:

— Тревога! По местам стоять, по местам стоять. В отсеках осмотреться.

Пол наклонился довольно сильно, ноги заскользили по фанере. Катя схватилась за железный шкаф и машинально заметила время. Четыре часа сорок минут.

— Говорит капитан. — Паук шептал в цилиндр. — Говорит капитан. Старшему помощнику доложить обстановку. Я в носовом отсеке.

— Есть доложить обстановку... — начал голос.

Капитан перебил его вопросом:

— Глубина, глубина?

— Пятьсот, капитан. Глубина не увеличилась, дифферент одиннадцать градусов, сэр. Очевидно, донный оползень, сэр. Вы придете в центральный пост? Следовало бы продуться.

Катя вспомнила: «продуть» подводную лодку — значит выдавить сжатым воздухом воду из специальных цистерн. После продувки лодка всплывает. Так объяснял Игорь.

Разговаривая, Солана косился на Катю. Он был сильно встревожен неожиданным оползнем, ведь лодку могло засыпать сверху, могло засосать илом — это понимал

каждый моряк в команде. Но тревога не мешала капитану все видеть и запоминать.

— На какое расстояние мы съехали, Ферри?

— Не более десяти метров на корму, мой капитан. На приборах почти не видимо.

Катя едва улыбнулась, узнав ломаную английскую речь Коротышки, но капитан и это заметил.

— Пока движение не повторится, продувку запрещаю! — приказал он. — Распорядитесь трюмным быть повнимательнее. Я иду в пост.

Тычком задвинув цилиндрик на место, он перебежал к Кате. Теперь, на наклоненном полу, его движения стали вовсе паучьими.

Капитан Солана был хорошим моряком. Вернее сказать, он стал хорошим подводником, когда это понадобилось. Он был талантливым человеком и умел все делать хорошо, за что ни брался. Ему не везло — так он считал. Лишь один раз ему повезло. Но сегодня, в решительный день, ему опять не везет. На его корабле — чрезвычайное происшествие! Тайная пассажирка в его «святая святых», в запретном отсеке!

Он мгновенно перебрал в голове все варианты возможных действий. Провести девчонку через центральный пост и запереть в кладовой? Она добром не пойдет. Придется заткнуть ей рот, чтобы не визжала.

Этот вариант он отбросил именно потому, что был хорошим подводником. Сейчас, когда лодке угрожает смертельная опасность, не следует поступать опрометчиво. Нельзя пройти мимо всех, собравшихся в центральном посту, с извивающейся девчонкой под мышкой. В минуту опасности нельзя отвлекать людей. Они должны быть готовы к мгновенному, точному действию, от их спокойствия и уверенности зависит спасение.

Вызвать боцмана для охраны? Тоже не годится. По авральному расписанию, его место в машинном отсеке. Рискованно, рискованно... На это он пойти не может.

Но оставлять девчонку одну также рискованно, и время не ждет. Быстрее, быстрее, капитан Солана!

Катя так и не узнала, что несколько секунд капитан раздумывал — не пристукнуть ли ее?

— Хорошо, мисс. Попробую с вами поладить. Вы

остаетесь здесь — па время... Но! Смотрите, мисс, смотрите! Троните пальцем хоть что-нибудь, — он сделал движение, как бы выкручивая белье после стирки — я сверну вам шею!

Неуловимым движением он ткнул Катю под ребро — она тихо ойкнула.

— Запомните! Зверя своего заберите, он устроит короткое замыкание. Живо!

Катя стояла на месте. Капитан швырнул мышонка ей на фартук. Раз-раз! — выдернул несколько проводов и исчез за дверью. Протяжно проскрипел затвор. Катя стояла за шкафом, дрожа от ненависти, боли и страха. Панька висел на ее фартуке. Стенка шкафа была холодная, как лед, а Катя пылала ненавистью, как раскаленное железо. Разве она знала прежде, что такое ненависть? Думала, что ненавидит Витьку Аленького за дразнилки. Валю Зуеву — за пренебрежительность. Наверняка ненавидит фашистов, тех, кто убивает негров в Америке, но куда там! Сейчас она поняла, что значит слово «ненавидеть»!.. Угрюмо сопя, она приподняла тяжелую фанерину, отодрала проволочные скрепы и вытянула кирпич. Плотный, тяжелый, с острыми гранями. Пускай теперь приходит! Дверь здесь низкая — Паук нагнется при входе. Она его кирпичом! Если раньше не состоится перемещение. Наверное, перемещение будет совсем скоро... Что это? Пол еще раз качнулся и тут же встал на место с прежним наклоном. Даже сидеть на корточках было неудобно — пол скатывался, как горка, в сторону рыбьего помещения. «Наверное, такой наклон и называется «дифференлом в одиннадцать градусов», — подумала Катя и поднялась па ноги. Кирпич был слишком тяжелый. Она добралась до двери и положила кирпич на шкафик слева — низенький, в ее рост. Можно будет прямо схватить кирпич и сверху — Пауку на голову.

Ее вдруг снова заколотило от ненависти — нет, вы подумайте! Свернет ей шею, говорит, пальцем тычет! Мы еще посмотрим, кто кого, Паук, болтун длиннолицый!.. И Паньку швырнул, чуть не убился Панька, беденький мыш-мышович. Она взяла Паньку в ладони и присела на табурет. Мышонок ласково щекотал руки, поводил тончайшими белевскими усами. Бедный, бедный мыш-мышо-

вич! Катя вдруг заплакала по-настоящему и закрыла глаза, чтобы не видеть эту серую тюрьму, и дверь с тюремным затвором, и кирпич, приготовленный у двери. Она утиралась подолом и редела: где же вы все? Где ты, бабушка Таня, и мам-папа, и школа, и весь мир? Почему вы бросили ее здесь, в паучьей тюрьме?

КУСАЧКИ

24 Катя плакала долго, но зато, отревевшись, приобрела некоторое спокойствие. Конечно, перемещение будет! Просто оно запаздывает сегодня. «Те, кто ее послал», сегодня затеяли новшества, ведь раньше она перемещалась только в одно место, а не в два крыла.

Постойте... «Те, кто ее послал»? А как же будет с батискафом? Вот он, Мак, карающий меч судьбы, за стенкой. Он ждет!

— У, идиот паучий! — сказала Катя.

Примерилась к табурету. Тяжелый железный табурет, так бы и прошла им по приборам... Вдохнула, поставила его на пол. Придет Паук, увидит перебитые приборы — впрямь убьет, взаправду. Теперь она уже не была так уверена, что сама пристукнет его кирпичом, — ее занал вытек со слезами.

Лучше на это не рассчитывать.

Что же делать? Как испортить приборы незаметно?

Для вдохновения Катя приоткрыла заслонку на глазке. Свет не загорелся. Вообще на столе многое изменилось — цифры не горели, зеленая липия тоже. Наверное, капитан специально выдернул провода, чтобы Катя не могла видеть рыбу. Опоздал, Паучище! Она все знает!

Зпает-то знает, а сделать ничего не может...

Нет, может. Раз должна — значит, сможет. Например, она выдернет еще провода... годится? Нет, не годится. Солана найдет провода и вставит на место. Вот если бы перерезать незаметно, чтобы искал и не мог пайти, долго, целый день! Но чем их перережешь? Ножницы бы пайти. Конечно, здесь ножниц не найдешь...

Катя вскочила и пробежала к столу справа. Оттуда капитан доставал провода, из ящичков. Вот они, как в письменном столе, маленькие... не заперты. Что там?

В первом ящичке были радиолампы, аккуратно размещенные в круглых гнездах. Небольшие, как виноградинки. Сверху набросаны провода. Во втором ящичке хранилась всякая мелочь — сопротивления, конденсаторы... В третьем ящичке то же самое. Четвертый ящик был наверху и сбоку, как средний в письменном столе. Открыв его, Катя подпрыгнула — инструменты! Отличные, блестящие от никеля инструменты лежали в гнездах из зеленого бархата, как в готовальне. Изогнутые ручки были покрыты прозрачной пластмассой — это Катя понимала. Отец объяснял ей, что с электричеством работают осторожно, инструмент изолируют, чтобы током не ударило. Прекрасно! Какой инструмент выбрать?

Она прислушалась — за дверью было тихо. Взяла тонкие кусачки с боковыми лезвиями вроде маминых для ногтей. Ящик задвинула на место. Кусачки опустила в левый карманчик, Паньку — в правый. Придерживаясь за край стола, перебралась к приборам у рыбьей стенки. Вот подходящее место. Толстый плоский жгут из разноцветных проводничков — штук двести или еще больше. Здесь удобно работать, и будет незаметно. С чего начать? Один раз отец принялся менять кусок проводки, а она смотрела. Он приговаривал за работой, он любит приговаривать. Влез на стол, чтобы снять старые провода, и приговаривал: если надо обрезать провода, даже выключенные, то перерезаем их по одному, на всякий случай. Вдруг они случайно под напряжением — искра вспыхнет и может обжечь лицо и руки. Надо по одному...

Вспомнив отца, Катя увидела его пальцы, желтые от табака, и доброе сосредоточенное лицо. Ей снова захотелось плакать.

Хватит! Делом надо заниматься, пока есть время.

Она еще прислушалась — тишина. Пригнулась, чтобы видеть жгут снизу, и ухватила концами кусачек белый провод. Он перекусился мягко, как питка. Концы остались на месте, в жгуте. Ищи, Паук! Теперь — синий, через один от белого. Еще синий. Зеленый с черным. Вот про-свет в жгуте, виден внутренний слой — туда кусачки!

В азарте она хватанула сразу три провода — ничего, сошло. Еще пару, теперь опять наружные. Она считала провода и остановилась, перекусив двадцать штук. Нашла еще жгут, вылезавший из плотной колонны радиоламп, — перерезала всю сердцевинку. Еще штук двадцать. Превосходно! Вот эту зеленую кругляшку она может откусить так, что следа не останется. И эту. И еще эту... Вот это мысль! Катя выдвинула нижний ящик, бросила туда три кругляшки и перемешала всю кучу. Отыскивай теперь! Может, еще сменить радиолампы? Потом. Сначала покусав еще.

После сотого провода она устала так, что руки затряслись. Пришлось прервать работу. Отдыхая, она услышала шум в коридоре и бросилась к своему кирпичу — сердце заколотилось как сумасшедшее. Но там пошумели немного и стихли, а Катя отругала себя трусихой, неженкой и еще по-всякому, для храбрости. Будущей летчице стыдно бояться.

А она боялась, очень боялась. Раньше она считала себя довольно храбрым человеком, но сейчас поняла, что заблуждалась. Она несомненно трусиха. Перемещения ей теперь нипочем, это правда, но капитан... Скорей бы уж перемещение! Катя посмотрела на часы и ахнула — был уже шестой час. Хотелось пить. Снова хотелось плакать. Она присела на фанерный пол около самой двери и попробовала сама с собой отвлечься и развлечься.

Сначала она подумала о доме и о бабушке Тане. Почему-то она раньше не думала, что бабушка — главная в их доме. Главное папѣ. Но тут ей стало совсем тоскливо, и она решила отвлечься по-другому. Вот, если она сейчас — на «опасных» координатах. Какое здесь время, если по дровненскому сейчас семнадцать часов? Значит, так... На каждые пятнадцать градусов широты... Нет, долготы. На каждые пятнадцать градусов долготы разница во времени один час. Здесь семьдесят градусов западной долготы. Москва на сорока градусах восточной долготы, значит, складываем сорок и семьдесят, получаем сто десять. Если разделить сто десять на пятнадцать, получим... получим семь — почти ровно. Пятерка в остатке. Значит, разница в семь часов между Москвой и опасными координатами. Но в Дровне не московское, а свердловское время,

между ними разница в два часа. А вместе будет уже девять часов... Из семнадцати вычесть девять, получается, что здесь еще утро — восемь часов утра¹.

Для верности Катя пересчитала еще раз. Снова получилось, что здесь утро. «Наверное, батискаф еще не погружался», — подумала Катя, употребив новое слово, услышанное от Игоря. Пока они там встанут, позавтракают, попрощаются — ведь спуск на дно океана опасен! Интересно, долго ли опускается батискаф до дна?

В этот момент Катя поняла, что ей совсем неинтересно, быстро или медленно ныряет батискаф «Бретань». Не удалось ей отвлечься... Она все яснее понимала, что никакого перемещения уже не будет и она осталась в паучьей норе одна-одинешенька. Какое уж перемещение! Целых два часа она здесь — надежды не оставалось больше...

Минута шла за минутой. Девочка уже не смотрела на часы. Она привалилась спиной к шкафику, натянула платье на колени.

Белый мышонок мирно спал в ее кармане.

ДВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

25 Отряд французских кораблей, сопровождавших батискаф «Бретань», был довольно велик. Прежде всего, научное судно, океанографический корабль-база «Марианна». Тихоходный, но устойчивый корабль, битком набитый океанографами, биологами и прочим веселым людом. Адмирал Перрен любил приглашать ученых к обеду на «Жанну д'Арк», но уклонялся от иного общения. Горластая молодежь его утомляла.

Итак, «Марианна» была основным кораблем флотилии. В ее широком трюме покоился на стойках виновник торжества — батискаф «Бретань». На «Марианне» были установлены специальные подъемные краны (лебедки — по-морскому) для спуска в глубину исследовательских приборов, термометров разных конструкций, измерителей

¹ Катя не знала, что в СССР время на один час отличается от астрономического. Разница составляла не девять, а десять часов.

давления, острых трубок, чтобы поднимать образцы грунта со дна океана, и многого другого. Все это оборудование опускалось визжащими лебедками на такую глубину, что и подумать страшно. За «Марианной» волочился глубоководный трал — хитроумная сеть для улавливания жителей глубин. Наконец, днище корабля было истыкано приборами для измерения глубины — эхолотами, и еще приборами для определения скорости течений, и гидрофонами. «Водяной звук» — по-латыни — гидрофон. Он слышит все звуки в воде на много километров. Обыкновенные гидрофоны ставят на боевых кораблях, чтобы подводная лодка не могла подкрасться незаметно к кораблю и выстрелить в него торпедой. Это очень важно для военных кораблей — ведь небольшая торпеда может пустить на дно огромный крейсер или авианосец. Конечно, «Марианна» имела гидрофоны для совсем других целей. Прежде всего, для переговоров с экипажем батискафа — ведь в воде радио не действует. Специальные гидрофоны были для подслушивания дельфиновых и рыбьих разговоров — эти назывались ультразвуковыми гидрофонами. В общем, «Марианна» была отлично приспособлена для беседы с великим молчаливником — океаном.

«Марианну» окружала целая свита военных кораблей. На легком крейсере «Жанна д'Арк» развевался вице-адмиральный флаг начальника экспедиции. Эсминец, посыльное судно-фрегат и военный танкер «Дижон» следовали за красоткой «Марианной», как верные кавалеры. Марианна! Это имя издавна было символом прекрасной Франции. Марианну изображали красивой женщиной в красном колпаке — головном уборе времен Великой Французской революции... Адмирал Перрен был придиричив и взыскателен при выборе имен для кораблей. Он настоял, чтобы океанографическое судно назвали «Марианной» в знак возрождения былой славы французского военного флота. Когда ему возразили, что «Марианна» не военное, а исследовательское судно, Перрен ответил сурово:

— Месье, в наши дни наука — основа всего!

С рассветом адмирал уже был на мостике крейсера. Заранее обдумав церемониал первого погружения, он решил не появляться на «Марианне» вплоть до прощания с экипажем батискафа. Он стоял на мостике в своем старом,

привычном дождевике и посматривал в бинокль, как дела с подготовкой «Бретани».

Все было продумано, подсчитано, подготовлено. Пользуясь тихой погодой, батискаф спустили на воду еще вечером. Ночью с «Дижона» перекачали в поплавок сто двадцать кубических метров лучшего авиационного бензина. Теперь на зыби виднелась лишь полосатая палуба батискафа. Она покачивалась посреди совсем тихой лагуны, образованной корпусами «Марианны», крейсера и танкера. От каждого корабля до батискафа было около кабельтова¹. По лагуне сновали белые шлюпки «Марианны». Одна была пришвартована к кормовой части батискафа — инженеры проверяли и регулировали палубные устройства. С высоты мостика адмирал хорошо видел, как инженеры, пригнувшись, пробегают по палубе, — шустрые ребята. На борту «Марианны» блестели объективы кинокамер, для корреспондентов наступало горячее времячко. Один из них забрался в «воронье гнездо» на мачте и оттуда что-то, по-видимому, кричал, размахивал руками, чуть ли не падая.

Прочие корабли эскадры также занимались делом по расписанию. Фрегат ходил кругами вокруг места работ — его мачты изредка показывались над горизонтом. Эсминец находился дальше к северо-западу, вне пределов видимости. На северо-западе проходили морские пути через Атлантический океан: Нью-Йорк — Ливерпуль, Нью-Йорк — Лондон и еще в Скандинавию, в Гибралтар и дальше, в Средиземное море. Оттуда, из Генуи, шел десять лет назад «Леонардо да Винчи»...

— Сегодня ребята увидят его, — сказал Перрен.

— Да, мой адмирал! — отозвался вахтенный офицер.

Флагман вздернул плечом, не продолжая разговора. Он не выспался и устал. Предупреждение русских, переданное глухой ночью, повлекло за собой множество хлопот. До утра работала радиостанция — вице-адмирал опрашивал свое министерство, агентства Ллойда², капи-

¹ Кабельтов — морская мера расстояний, равная $\frac{1}{10}$ морской мили — 185,2 метра.

² Агентства Ллойда («Ллойд») — английская страховая компания. Его ковторы — агентства — находятся в крупнейших портах мира.

танов проходящих кораблей. Все отвечали в один голос: ни о каких опасностях для работ в вашем районе не знаем. Точка.

Все корабли эскадры имели усиленную вахту у радиолокаторов и гидрофонов, но в глубинах Атлантики было тихо. На круглых экранах радиолокаторов мирно ползли светящиеся точки — пассажирские и торговые корабли густо шли на путях к Америке. Адмирал приказал еще запрашивать по радио каждый самолет, приближающийся к эскадре. Все благополучно было и в воздухе. Регулярно проходили патрульные самолеты спасательной службы, прибыл вертолет американского телевидения, — больше ничего.

Так прошла у адмирала ночь перед погружением. Что ж, для моряка бессонная ночь не в новинку. Зато ничего не было упущено. В восемь ноль-ноль начнем!

Адмирал шагал по мостику. Двадцать пять лет он служил подводником. Перед каждым серьезным делом — бессонная ночь... Двадцать пять лет, о, это очень много!

— Сколько вам лет? — спросил вице-адмирал у вахтенного лейтенанта.

— Двадцать пять, мой адмирал.

— Благодарю.

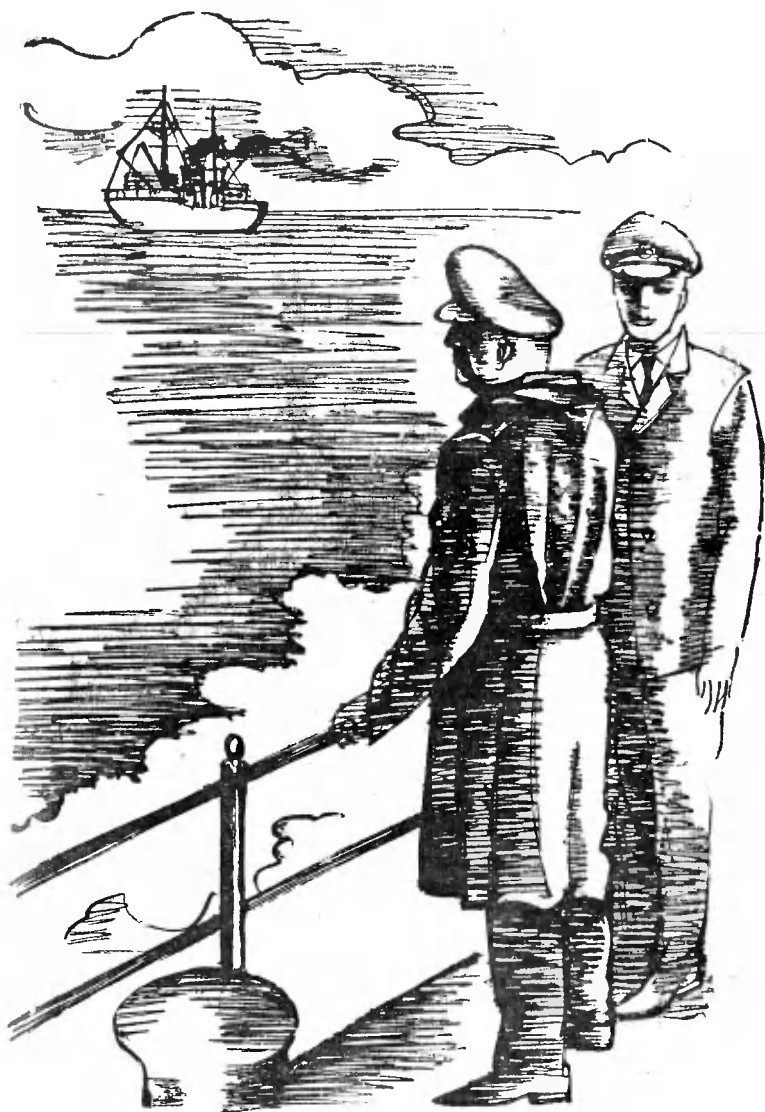
Лейтенант потихоньку фыркнул.

С «Марианны» начали передачу флажками. Прежде чем вахтенный сигнальщик на крейсере доложил об этом на мостик, адмирал уже поднес бинокль к глазам. Двенадцать тридцать Гринвича¹ — время конца подготовки, по его приказу. Действительно, с «Марианны» передавали рапорт: «Подготовка закончена полностью», как и следовало ожидать. Семь тридцать по местному времени. Отлично, отлично!..

С ударом склянок на мостик поднялся командир легкого крейсера. Все действительно шло, как в хорошо срепетированном спектакле. Адмирал сказал вполголоса несколько слов.

И командир распорядился:

¹ Время по Гринвичу — время на нулевом меридиане Земли.

— Поднять сигнал «Адмирал изъявляет удовольствие»! Катер к парадному трапу!

На мачту, над антеннами радиолокаторов, поползли флажки. Ветра как раз хватало, чтобы раздуть их и показать молодцам с «Марианны».

Начальник экспедиции сдержанным шагом направился в свою каюту. Все было рассчитано. Он снимет дождевик и поправит фуражку перед зеркалом. За это время вертолет с телевизионными камерами подойдет к крейсеру и покажет зрителям трап и катер, приготовленный для адмирала Перрена. Терпение, друзья! Через минуту актеры выступят на сцену. Главные герои выйдут потом, а сейчас вы увидите режиссера...

Но такова жизнь! Едва адмирал вошел в каюту, как загудел телефон. Командир крейсера просил прощения, что беспокоит командующего, но Тулон предупреждает о начале срочной передачи. Радиограмма зашифрована личным кодом командующего эскадрой.

— Отмените парад! — Адмирал бросил трубку.

Это жизнь морского начальника! Ни минуты покоя, ни одного часа спокойного сна! На корабле тебя могут разбудить лишь для того, чтобы доложить о встрече с паршивой рыбацкой шхуной — в пяти милях по курсу. Он добился идеального порядка в этом исследовательском курятнике, теперь господа из министерства должны отвлечь его в минуту торжества...

— В отставку, в отставку! — рычал Перрен, бегая по каюте.

Наконец ему принесли радиограмму. Ломая карандаши от ярости, он расшифровал ее и брякнул последний карандаш на середину ковра. Этого еще не хватало! По непроверенным сведениям, неизвестная подводная лодка находится в районе работ. По этим же сведениям, советская подданная Екатерина Гайдученко может находиться на поверхности океана в зоне действия его кораблей. Есть подозрения, что субмарина имеет намерения воспрепятствовать подводным работам... Предписывается... и так далее.

Непроверенные сведения! Подозрения! Силетни парижских привратниц! Что еще придумают министерские чиновники?

• Тем не менее, бегая по просторной адмиральской каюте и ломая карандаши, Перрен знал, что нельзя пренебречь даже сомнительным предупреждением. Слишком многие капитаны теряли свои корабли из-за пустяковых оплошностей. А на его попечении было пять кораблей, не считая батискафа. Кроме того, он получил сигнал бедствия — женщина за бортом. Пусть так. Он отложит погружение. На два часа. До десяти по местному времени, и ни секундой позже. И так остается мало светлого времени суток.

Сопровождаемый командиром крейсера, он проследовал в радиорубку и на месте продиктовал приказ. Кораблям дозора обследовать море. Танкеру лежать в дрейфе. Командирам кораблей быть готовыми — по радиосигналу стопорить машины на пять минут — вести поиск гидрофонами. «Марианне» вести непрерывный поиск всеми гидрофонами. Подпись. Конец.

«Жанна д'Арк» плавно тронулась с места и пошла, заворачивая к западу. Свежий ходовой ветер задул по палубам. Оба гидросамолета поднялись с катапульты на поиск. Скандаль! Миллионы телезрителей услышали бодрый голос диктора: «По техническим причинам погружение батискафа «Бретань» отложено». Вертолет телевизионной компании по приказу адмирала включился в поиски — затахтал зигзагами над синим махровым морем.

Инженеры, чествуя военное начальство, полезли в шлюпку и взялись за весла — на «Марианне» коки готовили настоящий кофе по-арабски. Поплывем, братцы, не то репортеры вылакают все до капли...

Члены экипажа «Бретани» — капитан Турвилль и лейтенант Морилло — вернулись в каюты, чтобы снять толстые шерстяные костюмы. Солнце поднялось высоко, на палубах было жарко.

Наблюдатели с «летающих лодок» напряженно осматривали море.

Тщетно. Они видели только дымки проходящих кораблей, острые корпусы эсминца и «Жанны д'Арк» с бурунами за кормой. Синеву и зелень моря, белый ромбик «Ма-

рианны», полосатое тельце батискафа. Серую тень облака. Отражение солнца на воде.

Больше ничего не видели бинокли и радиолокаторы. Командиры «летающих лодок» начали уже посматривать на часы — поиск продолжался почти сто минут.

Так же впустую работали гидрофонисты. На «Марианне» — все время, на других кораблях — по команде флага-мана, в минуты тишины.

Повторялась история с первым, ночным предупреждением. Ни малейших признаков опасности. Адмирал уже поднялся на мостик и нетерпеливо мерил его широкими шагами. В бинокль он видел, что дежурный инженер дремлет на палубе батискафа, а на юте¹ «Марианны» стоят, облокотясь на фальшборт, трое штатских — русские наблюдатели.

Оба предупреждения исходили от русских, а они — надежный народ. Станный и надежный. В этом случае они, по всей вероятности, ошиблись...

Прозвучал сигнал телефона — адмирал выхватил трубку у флаг-офицера². Донесение гидрофонного поста «Марианны»? Давайте...

«В полумиле к норду единичный звук, напоминающий удар металлом о металл. Точное направление и глубину засечь не удалось».

Адмирал прищурился, соображая расстановку кораблей эскадры. К норду от «Марианны» патрулировал эсминец. Наверное, дурак матрос обронил молоток в трюме — вот вам и металл о металл... Ладно! Добросовестности ради он прикажет эскадре застопорить машины. Полную тишину, и всем слушать море. Ни звука до десяти часов! А затем — погружение...

Корабли покачивались на зыби. Умолкли машины. Прекратились все работы. Поиск советской подданной Екатерины Гайдученко продолжали «летающие лодки» и вертолет. Но все понимали, что поиск не даст результатов.

¹ Ют — кормовая часть верхней палубы на корабле.

² Флаг-офицер — офицер для поручений при командире эскадры.

КАПИТАН И СТАРШИЙ ПОМОЩНИК

26 Мы оставили Катю Гайдученко на подводной лодке «Голубой кит» полтора часа назад — около семи утра по ньюйоркскому времени. Что делала Катя в секретном отсеке, мы знаем. А вот чем занимался капитан «Голубого кита»?

Придя в центральный пост, он попытался выяснить без шума — завалило субмарину при оползне или она свободно лежит на дне. Команда угрюмо ждала его распоряжений. Чтобы вырваться из-под обвала, надо продуть цистерны аварийного всплытия, рвануться вверх что есть силы! Слабые, неуверенные движения могут вызвать новый обвал, и тогда положение субмарины станет безнадежным, если оно уже сейчас не безнадежное. Вверх, вверх! Все смотрели вверх, и все думали об одном. Самое страшное для подводника — остаться погребенным на дне моря. Кончится воздух рано или поздно, но еще раньше кончится пища — запасов в кладовых оставалось на месяц от силы, а дальше, если лодка не выберется, их ждет голодная смерть. Старший помощник смотрел на капитана и незаметно кусал губы. Ждал команды начальник поста погружения и всплытия. Его подчиненные — трюмные старшины — держали руки на маховичках, открывающих сбкату воздуху путь в аварийные цистерны. В машинном отделении замерли электрики, готовые запустить атомный реактор на рабочий ход. «Голубому киту» понадобится вся мощность турбин, чтобы раскачаться в вязком иле и вырваться из него на свободу. Старшина рулевых Бигналли сам встал за горизонтальные рули. В центральном посту собрались лучшие специалисты. Без команды, сами, они пришли и сменили менее опытных людей.

Они ждали от капитана решительных действий — морская практика предписывает быстрые и решительные действия перед лицом опасности. Но капитан не торопился.

Прежде всего он потребовал доклада от «слушачей», сидящих с наушниками у своих гидрофонов. В море стояла мертвая тишина. Если вы помните, корабли французской эскадры в это время стояли вокруг батискафа. Эсми-

нец и посыльное судно патрулировали далеко за горизонтом, едва доносился шум их винтов...

Капитан Солана шепотом обругал проклятого француза и его неожиданную предусмотрительность. Распорядился — поднять перископ, и снова выругался. Перископ не хотел подниматься из корпуса лодки в воду, на него давила морская толща — пятьдесят атмосфер! Обычно перископы поднимают у самой поверхности, чтобы, не всплывая, скрытно наблюдать за надводными кораблями.

— Нажать воздухом высокого давления! — приказал капитан.

Медленно-медленно полезла вверх толстая стальная колонна. По ее блестящей поверхности покатились капли воды, из шахты в полу вылезла нижняя часть перископа с мягкой резиновой рамкой для глаз. Капитан откинул рукоятки по бокам колонны и распорядился:

— Прожектор включить!

Теперь все смотрели на подволоку — потолок центрального поста. Там, наверху, над корпусом лодки, вспыхнул прожектор, освещая темную толщу воды.

Если там вода, а не ил... Так подумал каждый.

Солана решительно ухватил рукоятки перископа и прижался лицом к рамке. Все затаили дыхание. Капитан пытался при свете палубного прожектора осмотреть корпус субмарины. Его длинные белые пальцы шевелились на рукоятках, поворачивая вниз объектив перископа. Потом капитан стал с усилием поворачивать колонну, чтобы осмотреть самое опасное место — корму. Перископ снова не поддавался.

— Помогите мне, Ферри!

Вдвоем они едва-едва смогли развернуть перископ. И наконец капитан проговорил с облегчением:

— Корпус чист.

— Все зашевелились в главном посту, вздохнули. Корпус чист, значит, ил не обрушился сверху на лодку, обвал прошел под пей. Опасность еще не миновала, правда — иногда ил засасывает корпус только до половины, а вырваться нельзя.

— Шум винтов на поверхности, — доложил «слухач».

— Наконец-то! — Солана опять бросился к перископу. — Подвсплыть на пять — десять футов, не больше!

Трюмные старшины переглянулись — командир требовал невозможного. Очень легко выбросить лодку прямо на поверхность (если она пойдет из ила, конечно). Труднее подпять ее на два десятка метров. Капитан требовал приподняться на три метра, не больше! Старшины шепотом совещались с командиром своего поста. Капитан от перископа зашипел:

— Вы что, заснули?

Лодку тряхнуло и поставило на ровный киль — трюмные сделали невозможное. По всем отсекам прокатился шепот:

— Подвсплыли...

Катя в своем заключении слышала толчок. Бигнапалли наставительно сказал, ни к кому не обращаясь:

— Аллах велик и всемогущ!

Перископ одним рывком опустился в шахту. Капитан стоял возле нее и презрительно улыбался.

— Старший офицер! Наведите порядок в команде!

«Проклятый сухарь!» — подумал Бен, послушно наклоняясь к микрофону. Пока он успокаивал команду, капитан жестом приказал: положить лодку на грунт.

— Под корпусом твердый грунт, месье Ферри, — пояснил он, глядя на Коротышку ледяными глазами. — Попрошу вас в мою каюту.

Бен Ферри удивился до крайности. Впервые за полгода капитан назвал его «месье Ферри» взамен обычного обращения — по фамилии без всякого «месье». Старик не церемонился со своими офицерами.

— Есть, сэр. Я должен сделать некоторые распоряжения, затем явлюсь в вашу каюту.

— Попрошу вас пойти пемедля! — отрезал капитан, прикоснувшись к заднему карману.

Этот жест, скорее всего бессознательный, вывел Бена из равновесия. Зачем этот тип таскает при себе пистолет? Зачем он играет в солдатики? При наборе команды всем было объявлено: они нанимаются на частное исследовательское судно — отлично! Жалованье очень высокое и страховка тоже — замечательно! Но я вас спрашиваю, зачем у капитана частной субмарины пистолет? Зачем он пять суток лежит на дне? Дождается вражеского корабля, чтобы угостить его торпедой? Старший помощник

клокотал, как перегретый паровой котел. Вдыхая от злости, он проследовал за капитаном в его каюту. Как всегда, она была тщательно заперта — еще один штрих к капитанскому портрету!

Даже на атомных подводных лодках места маловато. Дверь в каюту командира находилась в офицерской кают-компании, за буфетной стойкой. Солана возился с замком каюты, а Коротышка ждал позади стойки. И здесь на него наскочил земляк Понсека. Жуликовато оглянувшись, он прошептал:

— В носовом отсеке был слышен второй голос.

— Вас понял,— прошептал Коротышка и решительно направился в каюту.

Повинуясь его жесту, Понсека удобно устроился за стойкой, на месте стюарда, который — о, святая простота! — не запер погребец с бутылками. Жан хватанул из первой попавшейся бутылочки, подышал округленным ртом и подмигнул надписи «Капитан» на двери каюты.

А за дверью начинался серьезный разговор.

Капитан торопился и потому не пригласил старшего офицера сесть. Они стояли в узком промежутке между койкой, вертящимся креслом и столиком и смотрели друг на друга, как боксеры перед схваткой. Капитан был выше на целую голову, он смотрел сверху вниз, наклонив длинное белое лицо. Старший офицер был румян, и его черные усы воинственно топорщились над красными губами. Вместе с тем в их внешности было и что-то общее, придаваемое людям одинаковой формой. Наглаженные брюки и тужурки, твердые воротнички крахмальных рубашек, аккуратные полоски манжет. И синие войлочные туфли, надетые поверх ботинок. Одинаковым жестом они приподняли манжеты, чтобы посмотреть на часы,— щегольские плоские у Коротышки и старинные золотые у капитана,— и разговор пачался.

— Месье Ферри, откуда взялась девчонка?

— П-простите, сэр?

Бен прямо-таки заштался от неожиданности. Ого! Русская девочка опять появилась на субмарине? Вот вам и голос в носовом отсеке... Нечего сказать, выбрала место!

— Месье Ферри, я был о вас лучшего мнения,— флег-

матично продолжал капитан.— Вы отвечаете за порядок в команде.

Бен уже взял себя в руки и решил, как он будет себя вести. Притворяться дурачком, пока дело не прояснится.

— Да, сэр, виноват. Девушек на «Кита» мы не приглашали, хо-хо!

— Балагурите? Напрасно, Ферри, напрасно... Она вас знает. Докладывайте: почему на корабле находится пассажирка?

«Прием второй,— подумал Бен.— Начали».

— Сэр, неужели вы... боже мой!.. неужели вы серьезно? Девушка?

— Девчонка! — рывкнул капитан громким шепотом, который после пятисуточной молчанки прозвучал полноценным криком.— Девчонка, девчонка, месье Ферри! И она знает вас!

— Но я не знаю никакой девчонки! Боюсь, что она вам приснилась, сэр.

Бен плохо владел английским языком. Он хотел сказать: «привиделась», а сказал: «приснилась». Это прозвучало нагло. Капитан Солана глядел на своего помощника, медленно краснея от ярости.

Коротышка отвечал ему серьезным, взволнованным взглядом. Прием второй: он делает вид, что принимает командира за сумасшедшего.

— «Приснилась»! — повторил капитан.— Хо-ороший сон! Приснилась, чтобы сказать мне, что знакома с вами?

— Командир, разрешите вызвать врача,— с наглостью отвечал Коротышка.

И Солана заколебался.

Старший офицер чересчур уверен в себе и непозволительно дерзок. Неужели он ничего не знает о девчонке?

— Сэр, вы нездоровы! — гнул свое Коротышка.— Это бывает у подводников. Я знаю, я служу двенадцать лет, сэр... Как это по-английски... галлюцинации? Люди появляются, потом исчезают. Моему другу приснился дьявол в оранжевых купальных трусиках.

— К дьяволу трусики! Девица в посовом отсеке, Ферри! Перестайте паясничать и следуйте за мной!

Теперь Коротышка владел положением. Он сбил ка-

питана с толку. Оставалось лишь протянуть время, пока девчонка не исчезнет с субмарины: он хорошо помнил, что позавчера русская девочка пробыла на «Ките» семнадцать минут, и ни секундой больше.

— Простите, сэр, двери охраняют снаружи. Без врача я вас не выпущу, — заявил старший офицер.

Он ждал вспышки — стрельбы, возможно, — и рассчитывал на свою ловкость и тесноту каюты. И ошибся — капитан усмехнулся, сунул в рот сигарету.

— Следовательно, бунт?

— О, сэр! Я ваш первый помощник, я должен заботиться о вашем здоровье.

— Поэтому вы приставили охрану к моей каюте?

— Точно так, сэр. Я вынужден доложить, что ваши действия... э-э... вызывают удивление. Ваши помощники не осведомлены о цели ваших действий... но простите, сэр. Вам лучше самому вызвать врача.

— Нет, продолжайте, я весь внимание, — с удивительной кротостью пригласил капитан, вертя в руках литую пепельницу.

— Как угодно, сэр! Я заметил, что ваши действия угрожают жизни команды. Только что вы рисковали собой и нами, не желая нарушить звукомаскировку. Такие действия нормальны на войне, мы же — частный корабль, и война пока не объявлена. Вызывает удивление, что никто, кроме боцмана и стюарда, не имеет доступа в носовой отсек. Наконец...

Солана прикинул расстояние для удара — пепельницей в висок, насмерть. Точный расчет: если старший офицер знает о Рыбе, то проболтается именно сейчас...

— Наконец, девчонка, сэр! Теперь я понял — вы нездоровы...

— А Рыба? — перебил его капитан.

— Какая рыба, сэр?

«Не знает», — подумал Солана и отставил пепельницу, погасив заодно окурок.

«Он и в самом деле тропутый», — подумал Ферри.

— Рыбы, месье Ферри, рыбы, изучением которых я занимаюсь. Я не говорил, что звукомаскировка необходима, чтобы не распугивать рыб?

— Кажется, нет, сэр. Вы говорили, что изучаете их

психологию.— Бен пожал плечами.— Психологию! Лежать под обвалами из-за рыбьей психологии...

— А за что я гарантирую вам огромную страховую выплату? — возразил капитан.— Именно за риск, господин старший офицер. Я — ученый, а не яхтсмен. И что вы плели о носовом отсеке? Боцман — мой лабораторный служитель, вы это прекрасно знаете. Я не терплю посторонних в своей лаборатории и хотел бы выяснить, кто подсунул туда девчонку... Молчать!

Бен сделал вид, что неохотно повинуется приказу.

— Пойдете со мной в отсек, месье Ферри. Посмотрим, кому из нас требуется врачебная помощь.

«А птичка-то улетела!» — подумал Бен.

Понсека стоял навытяжку в буфетной. Капитан прошел мимо него, как мимо неодушевленного предмета. Бен сделал знак — все в порядке. И Понсека, строя рожи, двинулся за командирами. Они прошли через кают-компанию. Дювивье и третий помощник, штурман Галан, прихлебывали кофе за большим столом. Весельчак Понсека упрямо шел за старшим помощником, но дальше носового тамбура ему проникнуть не удалось. Ферри буркнул:

— Не крутись под ногами!

Понсека пришлось остаться со стюардом, охранявшим дверь в отсек. Стюард немедленно начал принюхиваться к Понсека — от матроса пахло яблочной водкой из офицерского буфета.

Капитан Солана осмотрел печать на двери, вставил в замок длинный ключ, дважды повернул его, потянул на себя и еще раз повернул. Взялся за дверной затвор — он отворился со слабым скрипом.

Придерживая дверь, Солана оглянулся на Бена.

— Гостю — дорога! Входите, месье Ферри...

Дверь открылась. Коротышка перепес погу через комингс и шагнул в носовой отсек.

ОЧНАЯ СТАВКА

27 Дверь отворялась наружу, в тамбур. Едва скрипнул затвор. Катя очнулась от дремы и метнулась к своему кирпичу — занесла над головой. И увидела вытянутое от изумления лицо Коротышки. Ему не пришлось наклоняться при входе, поэтому Катя узнала его сразу.

Коротышка поднес к губам два пальца и совершенно искренне прохрипел:

— В самом деле, она здесь!

Поворачивая за собой овальную дверь, в отсек входил капитан Солана. Он засмеялся, увидев кирпич, и проговорил рокочущим шепотом:

— Мисс вооружилась как могла. Не вздумайте метать в меня камнями, мисс. Здесь нельзя шуметь.

Нельзя?!

Катя засадила кирпичом в стенку — громко, с гулом. Вот тебе! (Этот удар и услышал гидрофонист «Маринны».)

Ферри схватил ее за локти, опередив капитана. Он потряхнул ее — не слишком крепко, прошептал:

— Мисс! Так нельзя! — и потихоньку добавил: — Терпайте...

— Не буду терпеть! Я что, в тюрьме? Что вы меня трясете?

Бен выпустил ее и незаметно для капитана еще раз сделал знак: молчи, ложись на меня. Теми же двумя пальцами он сдвинул берет на затылок и расправил усы. Выкатил глаза, как краб на отмели.

— Кто бы мог подумать, сэр! Ведь отдельные каюты имеем только мы двое. Неслышанно, сэр, неслышанно! А я думал — вы повредились в уме... Кто вас прятал, негодница? — болтал Коротышка, вовсю калеча английские слова. — Посмотрите, сэр, какая она румяная! Невозможно подумать, что три недели она не видела света...

Ферри не стал притворяться, будто забыл про тайны носового отсека. Он болтал, и осматривался, и не находил ничего подозрительного. Отсек нормально оборудован для судовой лаборатории: приборы, столы, аккуратно заделанные отверстия от торпедных аппаратов. Бен заметил

и маленький пллюминатор, снабженный задрайкой — ученый-океанограф должен смотреть в море.

Капитан молча ждал, шевеля тонкими губами.

Паук проклятый! Катя сунула в рот косичку, чтобы не проболтаться. Не пройдет твой номер, Паук! Сто двадцать два провода, три кругляшки — где они? Катя старалась даже не смотреть на капитана. А часики, бабушкин подарок, громко тикали на ее руке, торопились-торопились... Она решилась искоса взглянуть на часы — скоро семь. Подняла глаза: капитан шевелил губами, наблюдая за ней и за Коротышкой. Она опустила глаза в пол. Неясным ходом мысли Катя догадалась — не смотреть на Коротышку, иначе Паук прочтет по глазам все ее надежды. На кого теперь надеяться, кроме доброго Коротышки Бена?

— Неслыханная дерзость! — трещал старший помощник. — С вашего позволения, сэр, я разыщу негодяя...

— Жуткого молодца, — ехидно вставил Солана.

— Да, сэр, я покажу ему жуткого молодца, — подхватил Бен, полагая, что научился новому бранному слову по-английски, вроде «бандита» или «хулигана». — Жуткого молодца, сэр! Простите, один вопрос: ваша печать была цела на двери? (Капитан кивнул.) Кто бы мог подумать?.. Подделка печати — серьезное преступление! Я займусь этим делом, сэр. Это дело порочит меня как старшего офицера!

— Хорошо, — безразличным тоном сказал капитан. — Займитесь, Ферри.

Он понял, что старший помощник не прятал Катю на субмарине. Девчонка не ждала Коротышку — петрудно было догадаться по кирпичу. «Угрюмая маленькая дрянь! — подумал Солана. — Похоже, что Ферри не виноват». Хорошо. Не время сейчас ссориться с любимцем команды Беном Ферри. Его самого команда не слишком любит. Капитан это знал. Не любит и боится.

— Пойдемте, мисс! — Бен вдохновенно продолжал свою игру. — Пойдемте... Могу поздравить, командир, вы имеете комфортабельную лабораторию. Ведь я не профан, я знаком с океанографией... Прекрасная лаборатория!

— Вы удовлетворены, Ферри?

— Вполне, сэр. Если вы не возражаете, я займусь делами... Пойдемте, мисс! — Коротышка отлично совместил в голосе суровую и покровительственную интонации. — Пойдемте со мной... Кто бы мог подумать!

В игру вступила Катя. Она помотала головой и ответила:

— Нет!

Наполовину, чтобы помочь Коротышке Бену играть в незнакомых людей. Наполовину... Ох, она так надеялась на перемещение!

— Пойдемте, мисс! — почти умолял Бен. — Мне придется применить силу, пойдемте!..

Катя трясла головой.

— Теперь вы понимаете меня, Ферри? Я совершенно потерял голову от возмущения!

«Проклятый Паук! — подумала Катя и чуть не выдавала себя, с таким злорадством посмотрела на Солану. — Думаешь, заткнешь мне рот и спустишь своего Мака, как пса с цепи? Выпусти его теперь, попробуй!»

— Мисс, перестаньте дурачиться! — прошипел Коротышка.

У него даже губы задрожали — он совершенно не знал, что ему делать. Но Катя опомнилась и кивнула.

Капитан вышел первым. Ферри беспокоился, не выдаст ли их Понсека? Какое там! Старый матрос пропустил их через тамбур и пошел следом. С обычной своей лукаво-бесстрастной физиономией. Так же бесстрастно смотрел из кают-компания Дювивье. Они времени не теряли: рядом с Дювивье сидели еще два офицера.

— Господа, по местам! — распорядился старший офицер. — Месье Дювивье, вы свободны от вахты?.. Возьмите юную даму под караул в моей каюте... Да, сэр?

Капитан холодной рукой тронул его за плечо.

— Отставить! Стюард! Живо! Откроете малую кладовую, запрете девочку... Охранять будете сами, чтобы никто близко не подошел... Уважаемая мисс, — он приблизил свое лицо к Катиному — девочка крепко зажмурилась, — помните, что с вами будет, если начнете орать!.. Помните, мисс, крепко помните!..

Чужая рука выпустила ее плечо, мелькнуло лицо человека в белой куртке. Ее втолкнули в темную комнату.

Она споткнулась о ящики па полу, взмахнула руками и упала.

Сколько она пролежала с закрытыми глазами — неизвестно. Она очнулась, почувствовав легкие толчки в подолу. Открыла глаза. В тусклом желтом свете громоздились по стенам картонные коробки. Над головой был маленький фонарик — на косо падающем потолке. Ей опять постучали по ботинку. У входа стоял человек в белой куртке, с подносом в руках. Увидев, что девочка открыла глаза, он поставил поднос на пустую коробку и вышел. Лица его Катя не увидела, будто у него совсем не было лица.

Запахло едой.

Сначала Кате показалось, что пахнет противно, ее затошнило.

Потом она различила запах жареного мяса, ванили и огурца. И поняла, что ее тошнит от голода. Слюна побежала в рот, как у собаки. Она ведь не ела с утра ничего, даже на большой перемене не поела из-за Доры Абрамовны...

Дора Абрамовна! Неужели на свете есть Дора и Ванна Керосиновна, как все далеко-далеко, будто смотришь с высокой башни в перевернутый бинокль. А в парте она забыла новую кисточку для клея...

Слезы капали в металлическую тарелку. Почему-то ей не дали вилки и ножа, одну ложку. Она съела пухлое жареное мясо, жесткий картофель, выпила томатный сок из алюминиевого стакана. Приподняла крышку с маленькой блестящей миски — что-то белое, сметана?.. Ванильный запах, мороженое! Настоящее мороженое!.. Катя улыбнулась — это Коротышка прислал ей мороженое, вот что!

И она съела его большой ложкой, облизав ее после мяса. Поудобнее устроилась на коробках, поджала ноги. И почти сразу уснула от сытости, носом в сгиб локтя. Была бы здесь бабушка Таня, сказала бы: «Мов пьяный пан у канави».

28 Стюард с каменным лицом стерег дверь в малую кладовую. Команда шепталась. Капитан шагал по центральному посту. На него поглядывали осторожно. Судовой врач, иронически ухмыляясь, раздавал обычные таблетки. Атомщики попросили разрешения включить резервный насос — капитан спокойно отказал. В лодке слышались только редкие доклады «слухача». Он докладывал для порядка.

Через пять минут после удара кирпичом шум винтов по всем направлениям смолк.

Старшего помощника нигде не было. Он словно сквозь палубы провалился в грунт. Казалось, что капитана это несколько не интересует. По диагонали он отмеривал шаги от поста управления движением до двери в кают-компанию и обратно; изредка поглядывал на часы. В одиннадцать часов по местному времени гидрофонист доложил капитану — на поверхности разговаривают. Экипаж батискафа пробует гидрофоны.

Капитан круто повернулся, подошел к микрофону судовой радиосети.

— Говорит капитан, — услышала команда. — Через несколько часов мы ложимся на обратный курс. Всей команде за отличную службу будет выдана премия — три недельных оклада, внимание! Соблюдать режим полной тишины! Нарушителей режима лишу премии.

Легким шагом Солана направился к рыбе. Пусть шепчутся! Этой премией он заткнул им рты, мерзавцам. Наступает его час. Слышите вы, наверху? Нет, они ничего не слышат, ничего... Он был уверен в себе настолько, что его не беспокоило отсутствие старшего офицера. Французский петушок наконец получил доступ в носовой отсек и очень доволен. Теперь он вынужден опрашивать команду — восемьдесят человек! О-ля-ля, как говорят французы... Все-таки капитан наведася к каюте Ферри. Плавную встречу ему, опустив глаза, проплыл штурманский электрик, голландец.

Превосходно, месье Ферри занимается следствием! Пусть себе занимается. Никто не заметит, как Рыба выскользнет из отсека и устремится к батискафу, никто во

всем мире не будет знать, почему батискаф «Бретань» взорвался, поднимаясь от «Леонардо да Винчи».

Лишь одно беспокоило капитана. Французы несомненно мастера подводных работ, но механические руки «Бретани» могут и не добраться до сейфа. Тогда... Ну что ж, тогда он продаст «Голубого кита», построит батискаф и сам поднимет сейф.

ПОГРУЖЕНИЕ

29 Туманное солнце медленно катилось от берегов Европы к берегам Америки. На палубе «Марианны» собрался весь научный состав экспедиции, гости, офицеры. Десятки репортеров затапывали надраенную палубу, спотыкались о кабели телевидения, лезли на мачты и надстройки. Сам адмирал спустился в катер, чтобы проводить экипаж «Бретани» к суденышку. Он обнял храбрецов за плечи, и так, втроем, стоя в катере, они удалялись от «Марианны». Адмиральский флаг раздувало ходовым ветром. Телевизионные камеры вертолета следили за тем, как оба подводника перепрыгнули с катера на палубу «Бретани». Обменялись несколькими словами с дежурными инженерами. Вот командир батискафа капитан Турвилль принял у инженера заглушки от балластных бункеров. Спрятал, похлопал по карману. Вот, подобно морскому черту, из-под поплавка вынырнул аквалангист в резиновом костюме — поднимает руки. Все в порядке. Инженеры подтягивают к борту шлюпку, чтобы перейти на нее. Адмирал делает приглашающий жест. Инженеры прыгают в адмиральский катер, рулевой берет шлюпку на буксир. Катер отваливает от батискафа. На палубе остались двое храбрецов. Они отдают честь, сам адмирал прикладывает руку к козырьку фуражки, еще минута... Но что это? На батискафе остался еще один человек. Вот он неторопливо пробирается с носа к маленькой, совсем игрушечной рубке «Бретани». Комментатор поясняет — это «хозяин батискафа», главный инженер. Он последним пожимает руки подводникам, помогает им спуститься в шахту. Оказывается, внутри поплавка про-

ходит шахта до самого входа в гондолу... Экипаж скрылся в шахте. Инженер берет телефонную трубку, что-то делает на палубе, всё! Шахта заполнена водой. Инженер прыгает в последнюю шлюпку. Телефонная трубка еще в его руке.

Погружение началось! Бесшумно, медленно батискаф исчезает в воде. Двадцать метров его сопровождают пловцы, но вот и они вернулись на поверхность. Теперь все сосредоточилось у гидрофонистов. Они поддерживают непрерывную связь с «Бретанью». Они помогают капитану Турвиллю найти в глубине мертвый корпус корабля: мощные эхолоты «Марианны» как бы видят на дне «Леонардо да Винчи» и приближающийся к нему батискаф. Громкоговорители разносят по палубам «Марианны»: «Все благополучно, скорость погружения шесть десятых метра в секунду. Все благополучно, внимание, внимание! Сейчас будете слушать передачу с батискафа».

«Марианна», я — «Бретань», слышу вас хорошо. Скорость — шесть десятых, глубина восьмьсот метров. Наружного света не видим. Сильное течение. Все благополучно, конец».

На корме два океанолога затеяли спор об океанских течениях. Общее волнение не помешало еще десятку ученых присоединиться к спору, и он кипел вокруг кормовой лебедки, прерываемый только сообщениями радио.

Прошло сорок минут. Батискаф заканчивал спуск и включил электромоторы, приближаясь к погибшему кораблю.

«Марианна», я — «Бретань», слышу вас удовлетворительно.— Гидрофон батискафа гудел под морем.— Глубина тысяча пятьсот двадцать, вертикальная скорость — ноль. Вижу корабль, иду к нему. Надстройки проходят в десяти метрах под гондолой...»

«Бретань», у гидрофона начальник экспедиции. Вы над корпусом «Леонардо да Винчи». Приступайте!»

Все прожекторы батискафа были включены. Яркий белый конус света покачивался в черной воде. Играл расплывчатым пятном на носовой надстройке «Леонардо да Винчи», когда-то белой и глянцевой. Сейчас она была покрыта неровным коричневатым палестом. Стекла иллюминаторов были целы, но не отражали света, как прежде.

Корабль лежал на боку, пробойной вниз, и казался совершенно целым. Носовая часть прогулочной палубы отвесно скатывалась ко дну океана и высоко надо дном тонула во мраке. Слева от батискафа оставалась огромная мачта «Леонардо», еще дальше — зев дымовой трубы, в которую батискаф мог бы проплыть, как в туннель...

«Приступаем», — доложил на поверхность командир Турвилль. Второй пилот, лейтенант Морилло, уже шевелил суставами механических «рук». Сам командир управлял «Бретанью», поддерживая ее, как воздушный шар, над мертвыми палубами корабля.

Подводники сидели, скрючившись в тесной кабине. Правая лопатка Турвилля касалась левой лопатки Морилло. Они смотрели наружу — каждый в свой иллюминатор.

— Пятое окно, — сказал лейтенант. — Приступаю.

С «Бретани» не вели телевизионных передач — сэкономили запасы электроэнергии. Поэтому никто не видел, как механическая «рука» взяла электрорезак, поднесла его к обшивке корабля и начала прорезать окно в каюту — в бывшую каюту помощника капитана «Леонардо да Винчи». О, это была сложная операция! Резак медленно скользил по обшивке, оставляя за собой черпую, немного извилистую линию. Несколько раз приходилось останавливать работу — в воде расплзлось облако ржавой мути, скрывая резак от глаз лейтенанта. Если бы в глубинах океана были зрители, они увидели бы пугающее зрелище! Корабль лежал, подобный мертвому чудовищу, а над ним висел маленький продолговатый хищник — батискаф — и светил тремя огненными глазами во тьме. Одной длинной суставчатой «рукой» он держался за бок своей жертвы, а в другой сжимал синий, блистающий огонь резака. Как узкий, короткий кинжал. Он полз, описывая четырехугольник.

Наконец обшивка была прорезана, четырехугольник замкнулся. Механическая «рука» оставила резак и попыталась поднять обшивку — металл не поддавался. Турвилль чувствовал спиной, как шевелятся лопатки Морилло — лейтенант тащил рукоятку на себя, сгибая локоть механической «руки» — весь батискаф раскачивался, как язык колокола... Есть! Обшивка поднялась и соскользнула

вдоль палубы вниз, планируя наискось в воде, как лист картона планирует в воздухе. Из внутренности корабля поднялся столб ржавчины и окутал гондолу, расплылся в облако, скрыл за собой все. Опять пришлось ждать — ржавая пыль оседала медленно. Капитан Турвилль коротко доложил на поверхность: «Удалили обшивку, видимости нет, отдыхаем».

Адмирал, все еще улыбаясь, оттолкнул «слухача» и сам сел за гидрофон. Эту улыбку и непривычную грубость адмирала, наверное, никто не заметил — теперь всех охватила настоящая тревога. Опасное дело — спуск в глубины океана, но еще стократ опаснее работа на затонувшем корабле. Опасно каждое движение, каждая лишняя секунда, ведь батискаф висит в окружении десятков канатов, трапов и поручней корабля, в двух метрах от проломленной шлюпки и в пяти метрах от грузовой стрелы! Стоит ему зацепиться за канат или поручень — никакие усилия не спасут «Бретань». Она останется на дне вместе с экипажем...

Муть наконец рассеялась, и Морилло увидел сейф. Стальной шкаф стоял в каюте у самого борта, между двумя иллюминаторами. Теперь обшивка вместе с иллюминаторами зарылась в ил на дне, а светлый прямоугольник сейфа блестел под прожекторами.

Морилло и Турвилль десяток раз репетировали эту часть операции. Левая механическая «рука» изогнулась, ее кривой палец искал грузовое кольцо-рым на крышке стального шкафа. После пятой попытки палец вошел в кольцо. Морилло сжал оба пальца и запер рукоятку. Получился грузовой крюк — батискаф и сейф были связаны намертво.

Разминая уставшую левую руку, лейтенант Морилло принялся опять работать правой: поймал резак, поднес его к подставке и начал срезать ее с корпуса корабля. Тем временем командир батискафа уже открыл балластные бункера — в гидрофонах услышали глухой грохот железной дробы по борту «Леопардо». Турвилль сбросил столько дробы по весу, сколько весил большой сейф — полторы тонны, — и добавил еще пятьсот килограммов. Один поток дробы он видел сам, в свой иллюминатор. Второй поток, из песового бункера, был виден Морилло —

дробь мягко ложилась на уцелевший борт, позади прорезанного им отверстия. Они оба следили, как сбрасывается балласт. Если отверстие хоть в одном бункере засорится, беда! Добавочный груз сейфа рванет батискаф вниз, к корпусу корабля, ударит хрупкий поплавок о мощные ребра корпуса... Лучше не думать, что тогда будет, они этого не допустят все равно. Если засорится бункер, капитан попросту сбросит сами бункера, и «Бретань» вылетит на поверхность, как мяч.

Впрочем, с бункерами ничего не случилось. Две тонны дрови двумя темными пятнами легли на борт «Леонардо». Резак прошел правую сторону подставки под сейфом и принялся за левую. Голубой кинжал электрического пламени приближался к углу сейфа, паровые пузыри поднимались в дучах прожектора и таяли, как шарики льда в кипятке...

— Внимание! — проговорил Морилло. — Кон... — Лейтенант не успел закончить.

Сейф оказался слишком тяжелым. Он сорвался с подставки и потянул за собой батискаф — лениво прогрохотало, послышался скрежет, гондола нижней частью погружилась в отверстие, покачнулась, и все стихло.

— Попались! — сказал Морилло. — Только не спеши, командир...

Кто мог знать, какой из десятков проводов зацепился или еще зацепится за рваные края отверстия? На батискафе болтается так много разных проводов, трубок и прочего... Самое умное было бы — бросить нелепый железный ящик и вырваться сразу, одним махом!

— Бросить успеем, — сказал Турвилль. — Скажи, Морилло, неужто в копилке полтонны лишних драгоценностей?

Оба нашли силы рассмеяться. Главное, самое главное — не падать духом! Турвилль проговорил в гидрофон: «Марианна», я — «Бретань». Встретился с трудностями, прошу увести корабль от места погружения. Конец». Это было необходимо, чтобы не удариться о корабль при быстром подъеме.

Поверхность не ответила. При ударе повредились гидрофоны «Бретани». В наушниках была мертвая тишина. И капитан Турвилль прошептал:

— Ну и что, мы-то еще живы! — Он еще и еще раз вызвал «Марианну». Молчание.

— Сбрасываю балласт, — сказал командир.

Теперь лейтенант не видел носового бункера — передний иллюминатор батискафа уткнулся в борт «Леонардо».

Дробь с шорохом падала на мертвый корабль. Офицеры ждали. Турвилль шепотом отсчитывал сброшенный балласт:

— Двести, триста, четыреста килограммов...

И вдруг борт шевельнулся перед глазами лейтенанта — «Бретань» всплывала! Медленно с грохотом и скрежетом гондола приподнималась над раной в борту корабля, вот уже стальные «руки» показались до «локтей», еще немного — что это?

Батискаф покачивался, как привязной воздушный шар. Зацепились!.. Вот теперь действительно зацепились. Балласт стучал по обшивке, батискаф висел неподвижно.

— Бросим его, командир! — крикнул Морилло. — Из за министерских скупердяев...

— Тихо, сынок! — Капитан взял его за плечи. — Тихо, сынок, тихо!.. Покажи руки — не дрожат? Молодец!.. Стоп балласт, попробуй пошевелить резакom, немножко, капельку... Хорошо. Правая лапа не цепляет. Резак не бросай, мы связаны с ним проводом! Покачай копилку в левой лапе... Вот оно! Левая держит. Слышишь, как мы закачались? Придется бросить копилку. Бросай, чего же ты ждешь?

Лейтенанту было стыдно. Какой позор, он, лейтенант Морилло, испугался и закричал на командира... Но сейчас он уже в форме — клянусь честью!

— Командир, — сказал Морилло, — посмотри, как мы качаемся. Вот, вот — видишь? Нас водит на коротком плече. Мы зацепились локтем, левым локтем, а не... копилкой.

— Добро! — ответил Турвилль. — Попробуй разогнуть левую.

Они услышали то место, в котором застрял левый локоть. Морилло закрыл глаза, казалось, он весь переселился в свою левую руку. Он распрямлял локоть, и в нем скрежетало рваное железо и вбивалось в сустав. Гондола

раскачивалась, окруженная оранжевым облаком ржавчины...

Лейтенант застонал, рванул сильнее — поддалось! Они поднимались! Поднимались! Без шума, как во сне, ржавое облако кануло вниз, световое пятно понеслось, прочерчивая полосу по безмолвному кораблю, и сжалось, исчезло!

— Выпускаю бензин, — сказал Турвилль. — Мы поднимаемся слишком быстро.

ГДЕ МАК!

30 Капитан «Голубого кита» вернулся в носовой отсек за десять минут до начала погружения батискафа. Он знал, что экипаж батискафа будет держать связь с «Марианной» через гидрофоны. Поэтому, войдя в отсек, Солана удостоверился, что его гидрофон работает. На поверхности тарахтел моторный катер. С батискафа спрашивали, заполнена ли шахта водой. Потирая пальцы, Солана направился к рабочему столу, достал отвертку. Малые кусачки отсутствовали в гнезде. Капитан поискал глазами, обнаружил их на полу. «Девчонка занималась маникюром», — подумал капитан, но внутри, у желудка, стало холодно. Он быстро и внимательно осмотрел приборы. Ничего не заметив, успокоился, аккуратно поставил на место провода, выдернутые перед уходом. Включил приборы. И понял — катастрофа... Одинокая сигнальная лампочка загорелась в углу, и только. Не гудели трансформаторы, все было мертвое!

Капитан Солана наотмашь рукояткой отвертки ударил себя по голове, бормоча:

— Кретин, кретин, безмозглый кретин!

Метнулся к выходу — расправиться с девчонкой. Остановился. Нельзя, нельзя! О, потом он задушит ее своими руками! Вот так, так, так... Задыхаясь, он огляделся: шуршала бумага на столе. А-а, мышонок, красноглазая тварь!..

Белый мышонок сослужил последнюю службу: помог успокоиться капитану. Солана поймал его за хвостик и,

содрогаясь от наслаждения, швырнул о переборку. Панька откатился за телефон, упал на спину, дергая лапками. Не посмотрев на него, Солана бросился к ящику с инструментами. Время еще не потеряно. Нет, нет! Он включил паяльник. Несколько секунд мычал, раскачиваясь. Взял себя в руки. Время еще не потеряно! Слышите?

Стремительно, бегающими пальцами он принялся ощупывать соединения и провода. Он сам, он один собирал всю систему приборов, он сам их регулировал, паял и перепайвал. Что бы девчонка ни натворила, он найдет!

Очень скоро капитан понял, что девчонка резала кусачками наобум — еще бы! — и в основном испортила измерительные цепи. Не работали приборы, измеряющие температуру тела Рыбы, кровяное давление, количество кислорода в крови и тому подобное. Они капитана и не интересовали теперь. Считанные минуты жизни оставались у его любимого детища... Давление, температура — зачем они теперь? Ему нужна связь, связь, нужно позвать Рыбу и услышать ее ответ, нужно открыть Рыбе люк на болю и отдать ей приказ. Вот они, цепи связи... ха! Пять-шесть проводов, три конденсатора... Через десять минут все будет о'кэй. Он зачищал концы проводов, паял, отдувая канифоль. Он действовал быстро, сноровисто, как профессиональный монтер, и все громче слышал внутри себя горестный голос: «Прощай, Рыба».

Захватывая пинцетом зеленый цилиндрок конденсатора, Солана спросил себя: «Старина, ты жалеешь Рыбу? Ты взаправду состарился».

Он отбросил идиотские мысли, нет, к дьяволу жалость! Мина плавает вместе с Маком. Рыба погибнет вместе с миной. Под стеллажами спрятана торпеда, на случай, если Мак промахнется. «Надутый петушок», — подумал Солана о своем помощнике. Где ему было найти торпеду! Догадаться, что она лежит поперек субмарины, а не вдоль, как обычно. Но торпеда будет послана в самом крайнем случае — торпеда шумит, продвигаясь в воде, и гидрофоны адмирала засекут его лодку. Из охотника он превратится в дичь, в преследуемого зверя...

Работа была кончена. Тихо захрипел динамик: обычный шум, шорохи, потрескивание. Солана слушал их, перекосив рот от напряжения. Что-то было не так. Динамик

передавал электрический шум, бессмысленный, пустой. Дыхания рыбы не слышно... Он стремительно сунул отвертку между двумя контактами — раздался треск. Система исправна! Тогда он решил и окликнул рыбу в микрофон. Раз, другой, третий.

Рыба молчала.

Солана не мог больше ждать. Он принялся к иллюминатору и отстукал согнутым пальцем условный сигнал, позывавший Мака. Рыба не отзывалась и на стук по переборке. «Тук, тук; тук-тук-тук», — отбивал Солана, прижимаясь лбом к холодной оправе глазка.

Напрасно... Мак не поднялся к глазку. На задней стенке белело изображение батискафа. Метались сардины — корм Рыбы.

Рыба погибла — понял Солана. Дьяволенок замкнул цепи, подключенные к сердцу Мака, и Рыба погибла! Какая чудовищная случайность, какое несчастье!

Он в отчаянии стоял у переборки и вызывал Рыбу, Рыбу, Рыбу! Потом он полез под стол, где находился еще один иллюминатор, жадно осмотрел нижнюю часть аквариума и едва не рухнул лицом на палубу. Аквариум был пуст. Стоя на четвереньках, в униженной позе, он чувствовал, что сходит с ума. Произошло невероятное, невозможное! Девчонка открыла люк и приказала Маку уйти. Девчонка — орудие в руках кого-то из команды. Разве она нашла бы выключатель, открывающий люк? Разве она догадалась бы приказать Маку выплыть наружу?

Неизвестный трус подставил девчонку вместо себя! Капитан Солана доберется до него!

Он вылез из-под стола и мучительным усилием воли заставил себя не делать глупостей. Месть он отложит до конца операции — ведь они все здесь, заперты в субмарине. Девчонка и весь экипаж в его власти. Старший офицер — надутый дурак. Они в его руках.

Между тем погружение давно началось. Гидрофон доносил уже слова адмирала: «Вы над корпусом «Леонардо да Винчи». Приступайте!» У Соланы оставалось еще время. Полчаса — сорок минут, не больше. Столько времени займут подводные работы. Затем следовало атаковать.

Солана увеличил мощность своего гидрофона и припал отчаянно вызывать Мака. Рыба не могла далеко уплыть от субмарины. Куда ей плыть от своего командира? Солана звал и прислушивался, звал и прислушивался. Он знал, что сигнал его гидрофона не услышат на «Марианне». Он призывал Мака до того момента, когда капитан Турвилль доложил на поверхность: «Режем обшивку». Тогда Солана лихорадочно принялся готовить торпеду к выстрелу. О, теперь он готов был молиться, чтобы сейф не попал в руки французам! Чтобы батискаф запутался в снастях, потерял управление, чтобы зкипаж струсил и поднялся! Послав торпеду, «Голубой кит» подвергнется атаке военных кораблей, быстроходных кораблей адмирала Перрена, вооруженных глубинными бомбами и управляемыми торпедами. Одна надежда — послать им подарочек и уходить на полной скорости и на предельной глубине. Ничего, ничего! Французы не знают еще, что «Голубой кит» пойдет на глубине в полкилометра... Не отрываясь от работы, Солана передал приказ электрикам: подготовить атомный реактор к запуску на полную мощность. Через пятнадцать минут можно будет запустить главную турбину... готово! Торпеда была подготовлена к выстрелу. Она устремится к «Бретани» по ультразвуковому лучу, направленному из носового отсека. Ультразвуковой наводчик стоял на правом столе. Капитан проверил его и убедился, что девчонка его не тронула.

Осторожно, забыв обо всем на свете, Солана поймал лучом наводчика батискаф. Это было нетрудно. Гидрофон «Бретани» работал непрерывно. Капитан Турвилль с подробностями рассказывал о работе.

— Трепачи, петухи!.. — бормотал Солана.

На экране наводчика была резкая точка: «Бретани». Торпеда пойдет по лучу, как по шоссе, надо лишь подождать начала подъема. Торпеда должна перехватить батискаф на глубине в триста морских саженей. Лишь бы не упустить его из луча.

Прошло пятнадцать минут. Начальник электромеханической части доложил командиру, что реактор взял полную мощность. Солана нетерпеливо пробормотал: «Хорошо». Батискаф добрался до сейфа! Глухой голос Турвилля был хорошо слышен в отсеке: «Зафиксировали левую

руку на рыме, подрезаем подставку». Болтуны! Оп им покажет, как воровать чужое имущество...

— Болтуны! Я даже рад, что не могу послать к вам Рыбу. Вы недостойны ее смерти! Весь ваш батискаф стоит меньше, чем Рыба!

ЭРИБЕРТО СОЛАНА

31 Десять лет назад ясным весенним вечером в носовую каюту правого борта лайнера «Леонардо да Винчи» прошел итальянец среднего возраста — пассажир Луиджи Буоно. Он лег спать в своей каюте. Через час лайнер вошел в полосу тумана, не сбавляя скорости. Еще через час вскрикнул вахтенный штурман:

— Синьор капитан, огни прямо на носу!

— Лево руля! — приказал капитан.

Поздно! Стальной нос «Конунга Олуфа» прорезал борт «Леонардо». Каюта, в которой спал итальянец, была сплющена в гармошку. На ее месте осталась зияющая пробоина. В корабль хлынула вода.

В ту ночь Эриберто Солана, доктор медицины и наследник богатейшего торгового дома, стал единственным хозяином великого изобретения. Итальянец, погибший в носовой каюте, был его другом и компаньоном по работе.

Они работали вместе семь лет. Первые опыты они поставили, когда были еще студентами. И все семь лет они регулярно спорили об одном и том же: стоит ли публиковать сообщение об открытии или ждать еще?

Спор начинал Луиджи Буоно.

— Надо публиковать, Берто! Публиковать, печатать, т-р-р-р! — Он вертел рукой, изображая печатную машину. (Солана пожимал плечами.) — Берто, — настаивал Луиджи, — мы сделали большое открытие, может быть, великое!.. Подумай! Надо публиковать, Берто!.. — Он приводил последний аргумент: — Выдающиеся открытия принадлежат всему человечеству.

— Подожди еще немного, — каждый раз отвечал ему Солана. — Подожди. Еще рано. Обождем, пока рыбы не научатся говорить.

Луиджи соглашался нехотя. Да, работы впереди было еще много. Меч-рыбы растут медленно.

Они выращивали живых подводных роботов — говорящих рыб, покорных человеческой воле. Главная мысль, само открытие принадлежало Луиджи Буоно. Второму компаньону, Солане, принадлежало все остальное: лаборатория, бассейны с морской водой, универсальный технический талант. Он обладал бешеной энергией и был очень богат. Он работал как дьявол и тратил деньги, не считая. Поэтому добрый, мягкий Буоно не слишком настаивал на своем. Он привык доверять Эриберто в практических делах. Шутка ли, они дружили еще в школе! Бесчисленное множество раз Эриберто выручал его деньгами и дружеским советом...

— Ладно, подождем, — соглашался Буоно.

Работа продолжалась в глубокой тайне. Друзья вырастили первую рыбу, затем вторую. Третьей был Мак. Десять лет назад Мак был шустрим мальком — всего локоть в длину, но уже обещал многое. К годовалому возрасту он начал выполнять довольно сложные команды и знал несколько слов. Тогда и произошла окончательная ссора. Буоно заявил, что не примет никаких возражений — работа дала свои плоды, и теперь уж необходимо открыть ее всему миру. Чтобы в каждой стране люди научились выращивать рыб. Чтобы море покорилося человеку. Луиджи принес статью для журнала — она давно готова. И Эриберто должен ее подписать вместе с ним.

Солана отказался паотрез. Рано, все еще рано! Прежде надо вырастить взрослых рыб, чтобы никто уже не сумел догнать их лабораторию.

Буоно спросил:

— Зачем? Мы не фабрикапты оружия, мы — ученые. Берто, признайся: ты хочешь выращивать рыб как живое оружие, для военных? Это мерзко!

Солана ответил: нет. Этого он не хочет. Он просто не в состоянии отдать свое добро. Неужели друг не понимает его?

— Я понимаю, Берто. Умом, но не сердцем. Ты — богач, а я — бедняк. Ты вложил деньги в дело и хочешь их получить обратно с прибылью. Я вложил только мысли и ничего не хочу взамен.

— И ты, ты попрекаешь меня богатством?! — закричал Солана.

— Не богатством, Берто. Логикой богатея. Образом мыслей. Богатство ослепляет, Берто!

Так, или почти так, говорили они в последний раз. Прошло десять лет с той весны, и многое забылось.

— Я уезжаю в Америку, — сказал Буоно на прощание. — Меня приглашали в Принстон, ты знаешь...

— Знаю, — ответил Солана. — Но ты одумаешься.

Буоно не одумался. Через день он отплыл в Америку на лайнере «Леонардо да Винчи», увозя с собой рукопись статьи и старый цейссовский микроскоп.

Солана забыл подробности последнего разговора с Луиджи, но хорошо помнил тихую толпу у здания «Италиен Лайн», черные пиджаки и черные шали под белыми лучами солнца. Истериически рыдающих женщин в приемной управляющего. Жирную кайму вокруг списка погибших — имя Луиджи было напечатано седьмым. Еще он помнил, как вышел из здания, опять прошел через толпу и сел в машину, потрясенный, растерянный. Несчастный. Но тогда уже мелькнула мысль: «Теперь я настоящий хозяин!»

Статья с описанием открытия оставалась в корабельном сейфе. Очень скоро Солана узнал об этом как единственный наследник Буоно, круглого сироты. Он мог даже получить деньги — компенсацию за погибший документ и страховую премию за гибель друга. Он отказался от денег, отказался благородно, в пользу семей погибших моряков, и это принесло ему облегчение. Ночью, наедине с самим собой, он подумал: как это все страшно и трагично.

Но такова жизнь... Сейчас я, Эриберто Солана, нужнее для дела, и я жив.

Лучший памятник он воздвигнет Луиджи, продолжив его дело!

Он расширил лабораторию. С жаром и вдохновением он выполнял двойную работу: за себя и за Луиджи. Кое-чего он не знал и не умел. Пришлось учиться на ходу — он был способным человеком. Два года назад он получил наконец устойчивые результаты. Все сто мальков уже умели понимать устные приказы. Они выплывали в море из бассейна и догоняли рыбацьи лодки. Находили под водой скатов и приносили их панизованными на мечи. Солана проводил долгие часы у гидрофона, натаскивая рыбешек. Его любимец Мак знал уже пятьсот слов! Не хуже иного человека. И все чаще Солана думал: что же будет потом? Не только для бессмысленной охоты на скатов годятся рыбы. Мальки вырастут и смогут нести мины. И тогда Эриберто Солана станет владыкой морей. Он сможет пустить на дно любой флот мира! Незаметно, бесшумно. Гигантские авианосцы — на поверхности. Подводные ракетноносцы — в глубине океана.

Сотня рыб становилась самым могучим морским оружием в истории.

Обыкновенные рыбы с круглыми, бессмысленными глазами.

И за каждую из них Солане заплатят. Много заплатят. Рыба не оставляет следа в воде, как прежние торпеды. Рыба не подает тревожного сигнала гидрофонисту, как любая торпеда на свете, — у рыбы нет мотора и винта. Но самое ценное то, что его рыбы сами будут находить цель. По рисунку, например. Солана не торопился. Рыбы вырастут, и тогда он покажет товар лицом. Неожиданные события заставили Солану выйти в море, укрепив на спине Мака боевую мину — прежде рыбы выходили в море с маленьким зарядом. Несколько мальков Солана взорвал, когда они попадали в сети к рыбакам.

События были угрожающие. Подводники французского флота решили поднять сейф вместе с пакетом Луиджи Буоно. Они знать не знали, что написано в бумагах Буоно, — их интересовали миллионы долларов, спрятанные в сейфе. А Эриберто Солана готов был сам заплатить мил-

люди, чтобы сейф оставался там, где он лежит. Как только адмирал Перрен вскроет пакет Буопо, все надежды рухнут, Солана уже не будет единоличным владельцем секрета.

Он проявил чудеса изворотливости. Ухитрился купить «Голубого кита». Загодя вышел в море, поместив Мака в аквариум перед носовым отсеком. Во время плавания натренировал рыбу подплывать к кораблям и прислоняться спиной к их обшивке. Именно так рыба прикоснется к поплавку батискафа, и взрыв раздерет в клочья тонкую сталь, и гондола вместе с сейфом провалится на дно, под слой ила. Солана часами работал с Маком: найти, настигнуть, произнести слово «объект». Найти и настигнуть.

Колоссальный труд, огромные деньги, незаурядный ум и хитрость вложил Солана в это предприятие. Хотя бы то, что он купил атомную подводную лодку, пусть устаревшую и предназначенную на слом... «Эй, вы там, наверху! — мысленно кричал Солана. — Попробуйте сделайте то, что сумел сделать я! Вопреки всем законам, заполучите атомную субмарину! Перестройте ее, старую калошу, и увеличьте вдвое глубину погружения, и выйдите в океан с Маком, чудом инженерной биологии, на борту...»

В сущности, на борту субмарины рыба была единственной собеседницей капитана. Команду он презирал — темный сброд, списанный за разные вины с военных подводных лодок. Только боцманом он поставил своего человека, доверенного лабораторного служителя...

Капитан Солана стоял у гидрофона. От нетерпения он грыз ногти. Школьная привычка, за которую ему крепко доставалось. Сегодня он грыз ногти впервые после школы — решалась его судьба. Нет, господа, нет, мои дорогие господа, вам не поднять на поверхность изобретение... Он будет хозяином великой тайны, мои дорогие господа...

Солана выплюнул огрызок ногтя — батискаф умолк на полуслове. Авария! Воистину есть правда на земле — он ждал этого! Жадность погубила проклятых французов. Он с восторгом вслушивался в безответные призывы адмирала: «Бретань», «Бретань», отвечайте!»

— погоди радоваться! — предупредил себя Солана. — На корпусе корабля они могли повредить гидрофон.

Он перебежал к экрану наводчика, чтобы следить за батискафом по положению зеленой точки. Она висела неподвижно, почти сливаясь с длинным расплывчатым изображением «Леонардо».

— Будем надеяться, господа, что вы получили вечную приписку к подводному порту! — Он поклонился экрану. — Вы молчите, господа?.. Что там еще?

Щелкнул рупор корабельной связи. Голос старшего офицера сказал:

— Капитана приглашают в центральный пост. Срочно!

— Что у вас, Ферри? — осведомился капитан, не отрываясь от наводчика.

— Течь в сальнике перископа, сэр! — бойко ответил голос.

Капитан выругался прямо в микрофон.

— Справляйтесь без меня, Ферри. Какие меры приняты?

Ферри кашлянул. И Солана вдруг понял: что-то не так...

Он прояснил уверенным голосом:

— Я должен закончить наблюдение!

Рупор щелкнул снова — центральный пост отключился, не дав объяснений капитану! Однако Солана уже не мог отвлекаться на разговоры — пятнышко на экране зашевелилось. Оно еще не отделилось от «Леонардо», оно только приподнялось...

БУНТ

32 — Капитан Солана! Откройте! — крикнул рупор, и тотчас в переборку ударили чем-то тяжелым.

Отсек наполнился грохотом. Кто-то ломился в дверь, и одновременно рупор твердил свое:

— Солана! Откройте немедленно!

Пятнышко приподнялось и повисло неподвижно, не отделившись от затопившего корабля. Пускать торпеду было рано. Ее рули глубины настроены на триста саженей — батискаф находился втрое глубже.

Чтобы выиграть время, капитан вступил в переговоры:

— Ферри! Я советую вам одуматься!

Грохот смолк, а рупор проревел:

— Пустите нас в отсек! Предупреждаю! Через десять секунд я открываю кингстоны и утоплю вас, как крысу. Раз!..

— Бунтовщик! — ответил Солана. — Я вас расстреляю!.. Команда «Голубого кита»! Говорит капитан! Старшего офицера приказываю схватить немедленно и взять под арест! Под арест бунтовщика!.. Боцман Шуле! Старшего офицера — под караул, в наручники!

— Четыре!..

Пятнышко висело неподвижно. Капитан достал пистолет, сдвинул предохранитель на «огонь», фыркнул, выругался, положил пистолет на стол.

— Пять! Капитан, мы знаем всё! Открывайте!.. Шесть! Не делайте глупостей, Солана!.. Семь!

Солана пожал плечами: «Ты прав, старший офицер...»

— Восемь! Одумайтесь, капитан!

«Тысячу раз прав. Но я выпущу торпеду, французский петушок! Ну?! Открывай кингстоны, трус!.. Не посмеешь!»

Он повернулся спиной к двери. Наклонился перед экраном наводчика — зеленое пятнышко батискафа ритмично раскачивалось.

— Девять!

В гидрофонах было слышно, как грохочет железо — обшивка «Леонардо». Механические «руки» вырывались из всех сил, а погибший корабль держал их мертвой хваткой. Солана представлял себе, как мало шансов на спасение у экипажа «Бретани». Но шансы еще были...

Новый звук раздался в отсеке: замок водонепроницаемой двери скрипел под сверлом. Конечно, Ферри не рискнул открыть кингстоны. Не посмел, не посмел!.. С каждой секундой капитан чувствовал себя бодрее. Еще пять минут — и судьба «Бретани» решена. Батискаф останется на дне. Сам по себе! Везение, удача! Тогда входите, господа бунтовщики! Кто-то из вас выпустил Рыбу, а что вы теперь найдете — торпеду? Для этого нужно время, торпеда отменно замаскирована...

— Пеняйте на себя, капитан! — сказал голос Ферри.

Батискаф вырвался! Пятнышко прыгнуло вверх и зачертило по экрану, заметно снижая скорость. С замирающим сердцем Солана стал поворачивать координатную сетку на экране, определяя скорость батискафа. Когда скорость снизилась, он схватил приготовленную счетную линейку, определил время выстрела и включил секундомер. Четыре минуты до выстрела... Через четыре минуты он станет убийцей.

Сверло пронзительно скрипело в двери. Солана смахнул пот со лба и еще раз проверил скорость — батискаф поднимался очень быстро. На корпусе «Леонардо» капитан Турвилль сбросил слишком много балласта. Солана бросил линейку: оставалось две минуты с секундами.

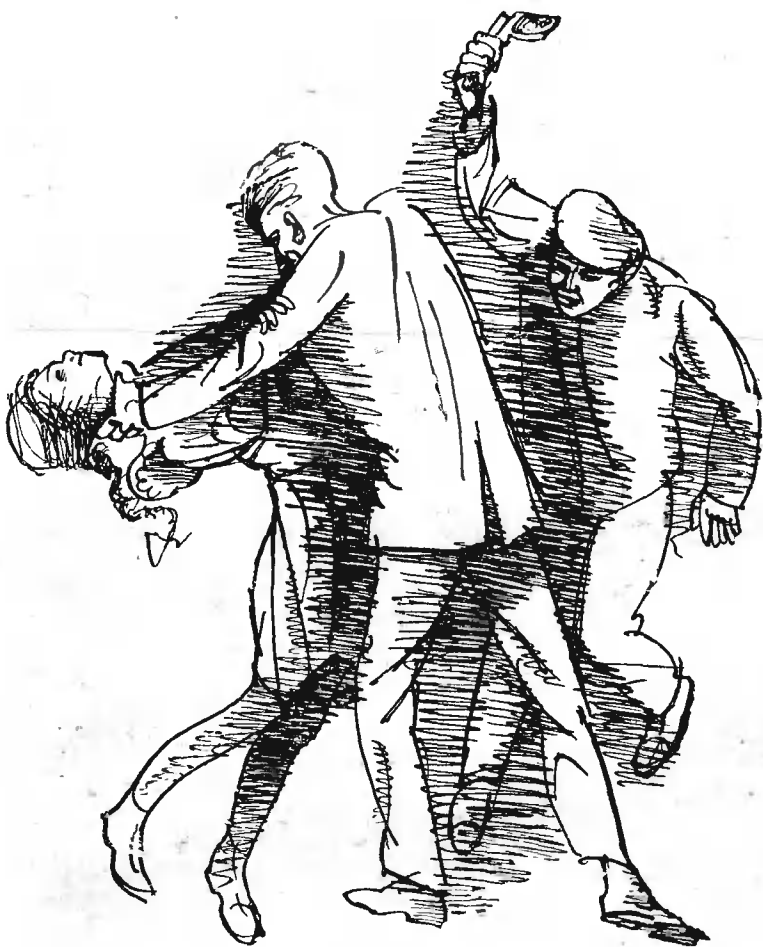
Через две минуты он станет убийцей.

«Брось это, Эриберто! Ты богат. Ты обогнал всех на десять лет. Брось! Затопи торпеду. Вернись домой, в свой новый дом, в Бразилию. Напечатай статью в «Нейчер». Ты богат — будешь и богатым и знаменитым. Брось это, открой им дверь! Через две минуты ты станешь убийцей. Через две минуты! Тайна погибнет на дне, но и ты погибнешь, Эриберто! Чтобы выгородить себя, твои подчиненные выдадут тебя французским властям».

Оставалась минута. Последним усилием сознания Эриберто Солана, доктор медицины, понял — он сумасшедший! Он знает, что после выстрела ему не будет спасения. Это будет концом. Но безумие, поработившее его мозг, гонит его по этой дороге. Так же, как его приказы гнали беднягу Мака. Он усмехнулся. Пусть так. Он все равно пустит торпеду.

Он встал и примерился рукой к выключателю торпедного аппарата. Лучше немного опоздать, чтобы магнитная торпеда шла вдогонку, снизу вверх.

В эту секунду громынула дверь — ворвались Дювилье и Понсека. Остановились в удивлении — пистолет лежал на столе, а капитан Солана самозабвенно всматривался в какой-то прибор. Затем он медленно поднял руку — медленно-медленно, как бы сомневаясь, нужно ли это движение. Шустрый Понсека сдернул со стола пистолет. А Катя еще стояла у двери. Моряки сбоку не видели правой руки Соланы, Катя видела. Длинный тонкий ука-

зательный палец со следами позолоты от сигарет полз к круглой черной кнопке... И Катя прыгнула по уклону вниз — молча, сжав зубы, — и рванула капитана за шею и руку. И внезапно, будто проснувшись, капитан вскрикнул, извернулся и схватил Катю за горло.

— Бабушка!.. — прохрипела Катя.

Железные пальцы сжались на ее шее... Больше она ничего не видела.

...Понсека оглушил капитана приемом парижских бандитов — носком ботинка ударил в висок. Дювивье подхватил девочку. Черный бант на ее косе развязался и соскользнул на пол.

Матрос-голландец сидел верхом на спине неподвижного Соланы.

— Свяжи его! — приказал Дювивье. — В лазарет, Понсека! Врача к девочке!..

Субмарина наполнилась топотом, кто-то кричал по судовому радио, вызывая врача в лазарет. Часть команды во главе со вторым помощником забаррикадировалась в столовой экипажа. Несколько минут шли переговоры через дверь.

Уговорили — второй помощник согласился выйти и осмотреть торпедный аппарат Соланы.

И наконец Бен Ферри отдал долгожданный приказ:

— Командую «Голубым китом»! По местам стоять, к всплытию!

Загудел ревун¹. Команда занимала свои места, кто весело, кто с тревогой, — ведь бунт, за это «премия» бывает скверная...

Снова полная тишина наступила в субмарине. Нетерпеливая тишина перед возвращением на поверхность, к живому свету.

Командир поста погружения и всплытия доложил — все готово. Можно всплывать. Старший гидрофонистов доложил: с поверхности окликает крейсер «Жанна д'Арк». Требуется позывные.

— Ответить: субмарина «Голубой кит» всплывает с застопоренными машинами. Нужна срочная медицинская помощь.

Коротышка Бен кивнул командиру поста погружения и всплытия.

Зашипел сжатый воздух.

Субмарина рванулась вверх.

¹ Ревун — корабельный звуковой сигнальный прибор пизкого тона.

В ЛАБОРАТОРИИ

33 Что же делали в институте, пока далеко в море происходили все эти события? Мы расстались с Дровней в шестнадцать тридцать восемь, когда начальник Проблемного отдела вел отсчет от десяти до нуля.

Черненко вывел Игоря за дверь, к Татьяне Григорьевне. Мудрый Евграф Семенович уже распорядился по-своему в коридоре: толпа стояла в отдалении, только бабушка сидела у двери.

Кресло, стакан воды и валидол для бабушки спроворил тот же Евграф Семенович.

— Дорогая Татьяна Григорьевна, — внушительно сказал Черненко, — всё, всё уладится! Мальчик побудет с вами.

Он шепнул Игорю:

— Помалкивай, хлопец! — и прошел в лабораторию, прежде чем бабушка успела спросить что-либо.

Она только подняла руку, а Черненко был уже за дверью.

— Ноль! — произнес академик.

Загудели, задрожали перегруженные машины. Стрелки на белых циферблатах рванулись вправо и запрыгали, отскакивая от упоров. Старший оператор доложил:

— Мощность на оси — ноль.

И все поняли, что лепесток взял на себя полную мощность установки, он опять был перегружен, хотя «Ясень» остался в далекой Бухаре, чтобы хватило мощности на лепесток!

— Проходит головные антенны! — крикнул оператор.

Люди стояли по стенам и смотрели на ковер. Белый непрозрачный туман за клубился над полом. Яков Иванович всматривался в туман и сжимал спинку стула, будто помогал ревушим машинам, будто принимал Катюшу тяжесть на свои руки...

Туман понесся вверх.

— Что это?! — вскрикнул женский голос.

Машины умолкли.

На полу неподвижно лежала рыба. Ее меч, обросший тонкими водорослями, высывался за край ковра. *

Академик деревянными пальцами поправлял воротничок и галстук.

Яков Иванович, изжелта-белый, сдвинулся с места. Каплянул. Сел к расчетному столу и взялся руками за щеки.

Мучительная тишина повисла в лаборатории. Все было ясно. Девочка не могла целый час продержаться на поверхности моря. Она утонула. Вот в чем повинны они все: Катя Гайдученко утонула! Рыба, приплывшая на место, где погибла Катя, случайно попала в лепесток.

Все боялись смотреть на Якова Ивановича. А за дверью ждала бабушка...

Все смотрели на горбатое мокрое чудовище. Острые костяные очертания рыбы делали ее похожей на самую смерть, на страшную, холодную смерть посреди пустынного океана.

Первым очнулся академик. Он подошел к Якову Ивановичу и присел на корточки у его стула.

— Яков, Яков... дружище!

Гайдученко собрал глаза в точку — поверх его головы. И начал приподниматься, упираясь в стол руками. Заплакала молоденькая операторша.

Яков Иванович глядел на рыбу.

— Смотри, Михась!

Академик беспомощно оглянулся, не понимая его.

— Смотри на спину!

Все вдруг увидели — на спине рыбы помещались два пластмассовых предмета. Они обросли зеленью под цвет рыбьей кожи. Из-за них чудовище казалось горбатым.

Это была надежда. Не все поняли это так быстро, как Яков Иванович. Рыба оказалась прирученной! Уже взрослой эта громадина побывала в руках человека. Ведь такие тяжелые предметы не удержишь на спине мальку.

Замаячила слабая надежда. Катю могли спасти при каком-то пеясном участии рыбы. Корабль мог уже уйти к моменту перемещения, а рыба осталась на месте происшествия.

Слабая, маленькая надежда — насколько она лучше безнадежности! Никто не слыхивал о рыбах-спасателях — писали только о дельфинах, но все равно — в лаборатории будто солнце проглянуло. Уже теоретики бросились к столу,

чтобы подсчитать возможные координаты конца лепестка. Уже директор шепотом рычал на телефонистку, требуя немедленно соединить его с Москвой, с президиумом Академии наук. По другому телефону вызывали кран, чтобы убрать рыбу из лаборатории. Радисты должны вскрыть и рассмотреть обе коробки на рыбьей спине.

Все принялись за работу, чтобы не смотреть на Гайдученко. Ничего нет хуже, чем сочувственные взгляды. А Яков Иванович собрался с силами и вышел к теще. Бабушка кинулась навстречу, спрашивая:

— Где Катюша, Яков Иванович? Что у тебя лицо перевернутое?..

Профессор твердо решил: Татьяна Григорьевна не узнает правды, пока возможно ее скрывать. Он взял старуху за руки и спросил:

— Мамо, вы мне верите?

— Верю, Яков. Что с Катюшей?

— Произошла ошибка... Нет, вы меня выслушайте. Ошибка, связанная с институтскими делами. Катя и вот этот мальчик узнали случайно кое-что... подсмотрели. Катерина скрывается от меня, боится. Мальчик оказался более смелым и пришел сюда. Ступайте пока домой, мы все выясним и...

— Что с Катюшей?

— Мамо, я же вам сказал! Прячется Екатерина.

— Где она прячется?! Ты мне брешешь, Яков Иванович!

— Ступайте домой! — уговаривал Гайдученко. — Как выяснится, я вам позвоню. Ступайте! Поймите, я очень спешу. Любовь Павловна вас проведет до дому. Ступайте...

— Пойдемте, пойдемте! — вмешалась подоспевшая Любаша. — Пойдемте, Татьяна Григорьевна!

Они прошли мимо гудящей толпы. Евграф Семенович взял под козырек, отдавая честь горю бабушки Тани. Хорошо, что она этого не видела.

Квадратик стоял, подняв серьезное лицо к профессору. Яков Иванович нашел, не глядя, его руку и на секунду замер. Маленькая рука была похожа на Катину и так непохожа, и все-таки... Будто он взял в руку надежду, и она сжала его пальцы — все будет хорошо!

— Почто Катерина не возвращается? — спросил мальчик.

«Ведь он еще ничего не знает, — подумал отец. — Я не могу объяснять сейчас, а он ждет».

— Лепесток-то куда направлялся, на подводную лодку?

Как из немыслимой дали услышал Яков Иванович этот вопрос. Услышал и не сразу даже понял. А поняв, рванулся, оттолкнул вахтера и влетел с Игорем в лабораторию, прямо на середину, к рыбьему мечу.

Между тем и в лаборатории творилось непонятно что.

Радиооператор услышал в наушниках английскую речь. В его аппарате никогда не звучала речь, даже русская. Он был оператором при ультразвуковом прицеле антенны и слышал день за днем быстрое попискивание сигналов: «Ти-ти-ти». И вдруг — английские слова! Полагая, что они могут быть связаны с Катиным исчезновением, оператор переключил их с наушников на динамик громкоговорящей связи. В лаборатории раздалось громко и хрипло:

— Командир где вода командир где вода плохо вижу задыхаюсь командир все живут в воде пустите воду. Я Мак. Начну биться и испорчу ценные приборы. Командир я Мак...

Голос смолк. Все, понимавшие английский, смотрели на операторский стол и пытались понять: зачем выдан в громкоговорящую сеть такой бред? Директор от телефона замахал рукой, чтобы не мешали разговаривать с Москвой. Только старший оператор, хозяин установки, догадался, что случилось. Он вскочил на свое кресло и закричал сверху:

— Товарищи! Рыба говорящая!

В эту минуту Яков Иванович и вбежал в лабораторию, волоча за собой Игоря. Они увидели, как оператор Зимин потрясает руками, стоя на кресле, и слышали хрипящий металлом голос Мака:

— Командир я Мак задыхаюсь где вода начну биться командир...

Игорь не понимал по-английски. Он только смотрел на рыбину и считал общее волнение вполне естественным. Вот это улов! Не зря операторы побросали свои места и

теоретики подняли головы от расчетов — ну и рыба! Ее серповидный хвост поднимался выше Игоревой головы.

Первым очнулся стремительный академик. Он промчался по залу, как белая молния, — нейлоновый халат разлетался за плечами. Сдернул Зимина с кресла на пол, приказал ему переключить голос Мака на запись, а сам внезапно кинулся осматривать машины. Жестами распорядился поднять на столы несколько переносных приборов. Поймал за плечо пожарного:

— Поливайте рыбу водой из брандспойта!

Помог раскатать шланг. Присел на корточки перед рыбьей мордой, касаясь меча халатом. И смотрел, приоткрыв рот, как рыба шевелит жабрами в такт со словами.

Яков Иванович поднял его за локоть, увел в сторону, усадил рядом с директором. Посадил Игоря на табурет рядом с собой, попросил рассказать все по порядку.

Игоря не перебивали, только академик сердито оглядывался сначала. Игорь рассказал про опасные координаты, про английский дом и про подводную лодку. Повторил по памяти свою телеграмму. Достал из кармана квитанцию, показал. И очень удивился, когда сердитый ученый вдруг обнял его и бросился куда-то, а директор института начал кричать в телефон и требовать... Что требовал директор — трудно сказать. Если бы его послушались, то вся военно-морская авиация была бы отправлена искать Катю Гайдученко. Один из московских начальников отобрал у него трубку и объяснил:

— Вы член-корреспондент, ученый, а я администратор. Это мое дело по телефону разговаривать...

Игорю тем не менее казалось, что про Катю забыли — такое творилось в зале. Сквозь окно влезал хобот подъемного крана. Лаборанты зачаливали канаты за углы ковра. Хобот качнулся и перенес Мака вместе с ковром в плавательный бассейн во двор. Вездесущий начальник Проблемного отдела успел засыпать в бассейн два килограмма поваренной соли, хлористого магния и чего-то еще. Катушки магнитофона всё крутились, и мигал зеленый «магический глаз» — Мак продолжал свои несвязные речи, жаловался, что вода холодная, и требовал похвал от командира. Бассейн огораживали досками: грохотали мо-

лотки за окном, перекликались рабочие. Всему персоналу лаборатории принесли ужины из столовой. Словом, все было при деле, кроме Якова Ивановича и Игоря. Они сидели на одной стуле и ждали, когда наконец московский начальник распутает телефонную паутину и доберется до нужных людей.

Больше ничего нельзя было поделать. Ничего!

Они сидели рядом и думали об одном и том же. Есть ли надежда, что Катя на подводной лодке. Они ведь ничего не знали, совершенно ничего, кроме Катиного рассказа. Оба они пытались не думать о самом плохом — что она попала в воду. Посреди океана. Но что делать, что делать? Они сидели и ждали.

Чтобы не мешать москвичу своим отчаянным взглядом, Яков Иванович устроился с Игорем поодаль от телефона. Изредка подбегал академик и спрашивал:

— Ну как, Яшенька?

— Все так же, Михась, — отвечал профессор.

Тогда академик похлопывал Игоря по затылку и уходил.

По третьему разу Квадратик спрятал голову. Тут же ему стало неловко. И он пробормотал, окая:

— Булавочку-то возьмите. Подле двери на стуле.

Больше академик к ним не подходил.

В шесть часов вечера москвич положил телефонную трубку и потянулся всем телом. На стук трубки из зала подбежали теоретики, встали за спиной Якова Ивановича.

— Ну-с, докладываю, товарищи! — Москвич совсем охрип за последние полчаса. — Докладываю. Первое — на указанных координатах работают французские корабли. Присутствует группа наших товарищей. В том числе наш академический представитель непосредственно... Попрошу тишины — голос я сорвал, товарищи. Второе. Только что получен ответ, что вокруг названной зоны вышел на поиск отряд кораблей... Тихо, товарищи!

— Замолчите же вы! — рявкнул Черненко.

Замолчали. Москвичу принесли графин с водой — он стал глотать прямо из горлышка.

— Спасибо, вкусная вода. Повторяю — отряд кораблей французского военно-морского флота. Из кораблей

обеспечения подводных работ. Им сообщено насчет подводной лодки, товарищ Гайдученко. Просили благодарить за предупреждение.

Яков Иванович наклонил голову. Игорь понял — от Катниного имени.

— Третье, что мы предприняли... Послана радиограмма всем судам, чтобы внимательно наблюдали за морской поверхностью. Всё. Теперь прошу, у кого какие вопросы, товарищи?.. Минуту внимания! Вот вы, товарищи, считали координаты лепестка. Каковы результаты?

Почему-то все стали оглядываться, искать кого-то глазами. Черненко сказал:

— А ну!..

В задних рядах опять зашумели. И в круг ворвался красный от возбуждения теоретик с обрывком перфоленты в руке.

— Яков Иваныч! Совпадают координаты: минус семьдесят, плюс сорок!

Все так заорали, что Игорь понял — хорошая новость — и посмотрел на профессора. Яков Иванович постарался улыбнуться ему. Кивнул. Да, это хорошо. Да, теперь есть надежда. Будем ждать.

Все теоретики остались ждать. Они занялись работой — расселись по столам, достали бумагу и справочники. Квадратик смотрел на них и удивлялся. В таком волнении люди, такая беда приключилась — работают! Игорю еще предстояло узнать, что для настоящего ученого вся жизнь в работе. От беды и горя самое прибежище — работа.

Яков Иванович тоже не выдержал безделья. Прошел к столу, покидал в руке линейку. Закурил чужую папиросу — свои давно иссякли. И распорядился нудным, рабочим голосом:

— Попробуем новые данные, мужчины. Поищем отметку по высоте от уровня океана.

— По глубине? — переспросил Черненко.

— Не будем предрешать, — ответил профессор. — Итак, начали.

Как будто все позабыли про Игоря. Московский начальник дремал у телефона. Он тоже остался — из Москвы общали позвонить. Теоретики яростно готовили новые

данные для машины. Старший оператор с помощником возился у радиостанции — искал волну, на которой моряки сообщают об авариях и бедствиях. Квадратик постоял, постоял и потихоньку пошел к радистам. Обогнув машину, он увидел сердитого академика. Белоспешный его халат был испачкан черной смазкой. Он опустил голову на пульт и как будто заснул. Игорь обошел его на цыпочках и увидел, что академик не отрываясь смотрит на часы.

Шесть часов и почти пятнадцать минут. Больше трех часов нет Кати...

Квадратик бочком, сопя, подошел к радистам.

Оператор Зимин улыбнулся ему и пододвинул табурет:

— Садись, землячок. Паять-то умеешь? Бери пинцет.

Игорь кивнул, влез на табурет. Оглянулся на академика, вздохнул и занялся делом.

Тем временем кончился день. Вечерним голосом заговорила река за забором. Вечернее солнце красным фонарем светило наискось в окна. Начальник караула закончил обход опустевших комнат и лабораторий и вышел во двор. Угостился папиросочкой у вахтера, охраняющего диковину, рыбу-меч, сказочное чудо. Отвалил дощатую калиточку, наскоро прищепанную на одну петлю, покачал головой. Непорядок. Взошел на край бассейна, тяжело присел к мутноватой воде.

Рыбина недвижно висела, уткнула меч в бетонную стенку. Спинной плавник с хвостом торчали из воды, как рога. Глазища как будто следили за Евграфом Семеновичем. Диковина, диковина! Девчушку унесло, чудище взамен принесло морское...

Старик натянул козырек фуражки на брови и долго разглядывал коробки на пупырчатой широкой спине чудища. Шевелил трехпалой левой рукой, будто она сама зашевелилась, кургузая. Опытom старого сапера Евграф Семенович почуял — неспроста эти коробки у рыбы на спине. Много он перевидал таких коробков, не зря двух пальцев лишился. Пальцы — что, был бы ум.

— Береженого бог бережет! — проговорил начальник караула.

Круглая коробка была похожа на мину.

На всякий случай он сделал некоторые перестановки

в охране. Привел еще одного вахтера, велел охранять бассейн со стороны наружной ограды. Обоим подчиненным настрого приказал — ближе двадцати метров к забору не подходить и никого не подпускать. Вплоть до применения силы, невзирая на лица. Затем, встревоженный суматошным дежурством, отправился другой раз обходить помещения. Около Проблемной лаборатории остановился, прислушался — тихо, лишь жужжит большая расчетная машина в своем особом зале... Евграф Семенович вздохнул, вспомнив старуху, Гайдученкину тещу, постоял и заспешил дальше. Не всякому горю поможешь, беда, беда!

ДРУЗЬЯ, ПРОЩАЙТЕ!

34 Батискаф вынырнул раньше «Голубого кита». Гидросамолет, крутившийся над кораблями, заметил его, и наблюдатель отчаянно завопил по радио: «Вижу «Бретань»!» Он топал ногами, пока самолет не закачался, — вся эскадра знала, что батискаф умолк час назад.

Адмирал Перрен бросился на мостик «Марианны». На трапе он потерял фуражку. Флаг-офицер подал ему фуражку. Адмирал не заметил его, он дрожащими руками наводил бинокль туда, где у самого горизонта чернела в зеленой воде крошечная рубка «Бретани». Гидроплан кружился над ней, покачивая крыльями. Под бортом «Марианны» уже пыхтел быстроходный катер — главный инженер у руля, врач в белом халате, два аквалангиста.

— Дети мои, дети мои, — твердил Перрен, — почему вы молчите?

Он прижимал к глазам бинокль, будто его взгляд мог помочь экипажу «Бретани».

— О мой бог, неужели в гондолу проникла вода? Проклятая субмарина, где же она, почему она медлит? Я не могу сдвинуть корабли с места, пока она не всплывет...

Положение и впрямь было мучительным. Между судами эскадры всплывает подводная лодка. Неизвестно где. Если она выскочит из глубины под посом корабля — на ходу, будет катастрофа. Чаще всего подводные лодки так

и гибнут, протараненные надводным кораблем. Адмиралу приходилось ждать, а радио «Бретани» молчало. Ждать! Батискаф всплывет даже с мертвым экипажем...

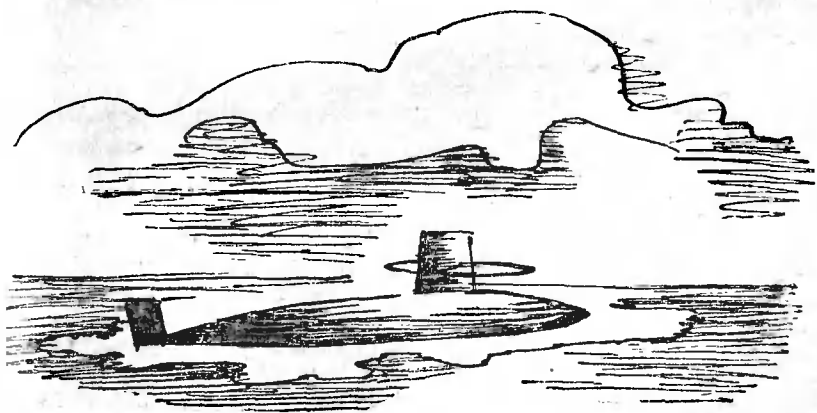
— Подводная лодка справа по носу! — прокричал сигнальщик.

«Жанна д'Арк» дала басистый гудок, направляясь к лодке. Перреп взял наконец свою фуражку у флаг-офицера.

— Живее, ребята, что вы копаетесь, черт побери!

А вот уже танкер набирает ход, движется к «Бретани». Сама «Марианна» выбросила столб серого дыма и, покачиваясь, запыхла следом за своим катером. Адмирал даже не оглянулся на подводную лодку — капитан крейсера знает, что нужно делать. Немногие любопытные с палубы «Марианны» успели разглядеть на рубке субмарины название: «Голубой кит»...

Не простое дело — добраться до кабины батискафа. Сначала надо выгнать воду из шахты, ведущей с палубы к люку в гондоле. Воду вытесняют, как на подводных лодках, сжатым воздухом, который подают по шлангу с другого корабля. Для этого и подошел к «Бретани» военный танкер «Дижон». Пронзительно зашипел воздух в резиновом шланге. Откинулась крышка шахты. Но еще раньше из-под поплавка вынырнул аквалангист, и в блед-

ное небо взвилась ракета. Они живы! Вот они выбираются на палубу своего суденышка: здоровяк Турвилль и изящный Морилло! Обнимаются, машут беретами... Браво, браво! Конечно, телевидение и здесь не подкачало — вертолет танцует над «Бретанью», как пчела над цветком.

В радостной суматохе все на «Марианне» забыли о неожиданной гостье — субмарине «Голубой кит». А пушки военных кораблей опустили стволы к воде, нацелились на черный длинный корпус. Никто не показывался на мокрой палубе. Помедлив, субмарина подняла на перископе бразильский флаг.

— Неслыханно! — сказал командир крейсера. — По сигналу — атомная подводная лодка класса «Скейт», Соединенные Штаты... Друзья, смотрите в оба! — услышали командиры противолодочных орудий.

С лодки передавали семафором: «Вышлите катер».

«Голубой кит», плавающий на поверхности, был действительно похож на огромного кита, только высокая рубочная надстройка портила впечатление. Когда катер отвалил от борта «Жанны д'Арк», на черной китовой спине появилась несуразная компания.

Коренастый человек в матросской робе толкал перед собой высокого блондина со связанными руками. Второй крепыш, офицер, вразвалку шел следом. В бинокль было видно, что он вооружен пистолетом. За этой группой на палубу выкатился совсем коротышка, тоже в офицерском мундире. Он помог выбраться из люка девочке — несомненно, настоящей девочке, в коротком коричневом платье и с красным платочком на шее!

— За двадцать лет... — произнес командир крейсера, — за два-адцать лет я не видывал ничего подобного!

Коротышка поддерживал Катю. У нее еще кружилась голова. Солана помял ей шею. Она с трудом сглатывала горькую слюну и все-таки озиралась с торжеством и любопытством. Солнце и море, солнце и море! Настоящее море, нигде не видно берега, мохнатое море и чистое небо... И огромный корабль дымит неподалеку, серый, молчаливый, с пушками и целой башней надстроек, уходящей в синее небо. Смотрите, от него идет лодка! Прекрасная белая лодка скользила по воде, брызги поднимались за кормой султаном. Катя стала подпрыгивать на сиденье

«Голубого кита» — так было здорово!.. Но Бен Ферри хмурился, держа ее за руку.

— Бен, — она покачала твердую руку Коротышки, — Бен! Почему вы хмуритесь, ведь все кончилось хорошо?

— О нет, Катя, еще ничего не кончилось. Надеюсь, что вас отправят домой, а для нас, побойсь, все начинается...

— Что — начинается? — удивилась Катя. — Вот он, связанный!

— О, если бы так... Помните, Катя, что посоветовал Жан Дювивье. Мы потайно от капитана выбрали вас в открытом море, с резиновой лодочки, помните! Так надо говорить всем.

Катер подошел к борту «Голубого кита». Вооруженные матросы помогли им сесть в катер и втащить Солану. Капитан Паук принялся выкрикивать непонятные слова, поджимал ноги, хватал зубами конвоиров.

Катя отвернулась.

После гудящей тишины на субмарине все звуки, даже вопли Соланы, казались мягкими и приглушенными. Он кричал то басом, то kloкочущим гортанным голосом, лодку качало на зыби, а Катя смотрела на море и на серую «Жанну д'Арк», держась за руку Бена. Добряк Понсека своей широкой спиной старательно прикрывал Катю, чтобы она не видела гнусного зрелища. Девочке же было безразлично — кричи, хоть лопни! Капитан Паук перестал существовать, что ли; он остался в отсеках субмарины вместе с ужасом, вместе с долгими часами, которые Катя пробыла на его корабле. На решетчатом полу катера была и выкрикала кукла в синем мундире. Катя не ощущала ничего: ни страха, ни жажды.

Нарядный молодой офицер с крейсера и четыре матроса смотрели во все глаза на диковинных пассажиров. Экипаж катера выдерживал строгий нейтралитет: мол, арестант ваш, справляйтесь с ним сами, наше дело вас доставить. Офицер подал команду: мотор застрекотал, как швейная машинка, и белая лодка понеслась, подбирая воду под днище. В упах зашелестел ветер, соленые брызги долетали до кормы. Сначала было заметно, как сужается полоса зыби между катером и серой «Жанной д'Арк», а потом крейсер начал расти. Он становился огромным и

закрыв половину моря — приехали! По серому неровному боку, как по отвесной стене, спускалась лесенка с медными перильцами и площадкой посредине.

Понсека скорчил забавную гримасу и подмигнул, показывая вверх.

Там, где кончалась лесенка, высоко над их головами, чернели несколько фигурок, одна картаво кричала в рупор. Дювивье, морщась, перевел для Катя:

— Мадемуазель доставить на борт «Марианны», к флагману. Арестанта поднять на борт крейсера вместе с конвоем.

— Господа, поняли приказ? — осведомился офицер.

— Мы французы... — ответил Дювивье. — Счастливого пути, мисс, и помните мои советы... Жан, бери его!

Солану втащили на площадку трапа. Катя снова осталась с чужими людьми — с нарядным офицером и с вооруженным матросом...

— Жа-ан! Мистер Ферри-и!..

— Бон вояж!.. — донеслось сверху. — Счастливого пути-и!..

Катер отвалил от площадки. Прощайте, прощайте! Счастливо тебе, коротышка Бен, и вам, «два Жана»! Проща-а-айте-е! Катя махала им изо всех сил, пока видела их на трапе. Вот к ним подбежали маленькие фигурки, помогают тащить Солану.

Вот Дювивье приложил руки ко рту и закричал:

— Помните... мои... советы-ы!.. Просите... разговора... с послом!..

— Мерси, Жа-ан! — провизжала Катя со слезами в голосе.

Прощайте, друзья! Храбрый Бен Ферри, и веселый Понсека, и умница Дювивье. Неужто никогда Катя не увидит их, настоящих друзей? Ведь они пришли, и освободили ее из кладовой, и поверили ее рассказу о рыбе! Катя могла гордиться — если подумать, из-за нее поднялся бунт на атомной подводной лодке... Удивительно, как долго они тергели проклятого Паука... Но куда же делась сама рыба? Капитан всё кричал, что она выпустила рыбу... Но ведь она не выпускала, кажется? Непонятно...

Катя не могла знать, что «Голубой кит» сполз на десять метров по обрыву подводного хребта как раз перед

перемещением. Аквариум Мака встал на место носового отсека, и рыба была перенесена в Дровню вместо Кати. А институтская установка смогла поднять стошестидесятикилограммовую рыбу потому, что «Ясеня» оставили в Бухаре для надежности, для уверенности в Катином возвращении.

Она еще и еще раз оглянулась на крейсер. Палуба казалась вымершей. Что-то будет с друзьями и что будет с ней? Опять она одна осталась. Ей придется самой просить, чтобы ее отправили в Америку; Жан Дювивье велел просить, даже требовать, чтобы ее отправили в столицу Соединенных Штатов Америки — Вашингтон, в советское посольство. Ничего не рассказывать о себе, пока не встретится с советским послом. Ну попробуем. Она вздохнула прерывисто. Опять просить, объяснять, уговаривать...

Кати чувствовала — в ней изменилось очень многое за этот длинный день. Заносчивость, что ли, с нее слетела после капитана Паука? Страшней его Катя уж никого не встретит...

Она думала, а острый серый корпус «Жанны д'Арк» отодвинулся назад, почти к горизонту. Катер подходил к белой «Марианне», неуклюжей и спокойной на вид, не то что крейсер. Катя с трудом поворачивала шею, помятую пальцами Соланы, и чувствовала ужасную усталость. Ведь было уже около одиннадцати часов вечера по дровненскому времени, хотелось есть, хотелось спать. Надоели ей приключения!

Плохо было Кате. Спотыкаясь, она поднялась по короткому трапу в дверь, открывшуюся в белом борте корабля. Ступила на широкую палубу, выстланную дощечками, для храбрости держала голову высоко. Как нарочно, отстегнулась резинка на левом чулке, а ей было неудобно останавливаться и застегивать — офицер вежливо пропускал ее вперед. Ненавистная резинка и спустившийся в гармошку чулок сделали Катю вовсе несчастной — кругом все было такое огромное! Белые шлюпки издали казались небольшими, а на самом деле каждая могла вместить население большого дома. Шлюпки висели на могучих изогнутых виселицах, а над ними косо торчали круглые бревна — в обхват, оснащенные толстыми желтоватыми канатами... Целая толпа больших, шумных людей

суетилась у борта, грохотали механизмы, и еще дальше, прямо из моря, медленно поднимался длинный, на половину корабля, полосатый корпус...

СВОЙ!

35 — Девочка!

Катя выпустила край чулка. Не может быть!

— Девочка! — кричал кто-то по-русски. — Эй, оглянись! Ты — Гайдученко?

«Не может этого быть, — подумала Катя. — Мне слышалось!» А сама уже торопливо оглядывалась и вдруг увидела. Человек в морской форме шел к ней, отделившись от толпы. И она поняла — свой! Ого, как она завизжала! Наверное, лебедки и мачты вздрогнули, а Катя уже вцепилась в его китель и ни за что не хотела выпускать: бормотала что-то про перемещения, про Паньку, а моряк утирал ее платком и рокотал совсем как папа:

— Вот ты какая, девица Гайдученко! Вот и славно, ты у нас везучая!..

Ох, теперь-то все будет хорошо! Моряк даже поднял ее на руки.

От смущения она опомнилась и сказала:

— Не надо, я очень тяжелая.

Он поставил Катю на палубу и по-французски поговорил с офицером. Франт кивал и улыбался Кате, а она крепко держалась за обшлаг моряка.

— Познакомимся! — сказал он, попрощавшись с офицером. — Иван Иванович меня зовут. Моряк на службе Академии наук. Тебя же зовут, наверное... Оля! Не угадал?

— Нет... — Катя уже улыбалась.

— Надя?

— Нет, не угадает! Мою маму зовут Надежда Сергеевна, а меня Катя.

— Катя-Катюша, купеческая дочь! — пропел речитативом Иван Иванович. — Катя-Катюша, где же твои родители?

— Дома. В городе Дровне, Свердловской области.

— С кем же ты была на судне? Погоди, с какого бор-та тебя потеряли? С «Астрахани»?

Катя удивилась. Иван Иванович заранее знал ее фамилию, значит, его предупредили, что она не вернулась из перемещения. Про какое же судно «Астрахань» он спрашивает?

— Что вы, Ван Ваныч... Я вообще не была на кораб-лях, кроме «Голубого кита». А на него я переместилась.

Моряк очень внимательно посмотрел на нее. Спокой-ные его глаза так и остались спокойными, он только чуть приподнял нижние веки.

— Х-м, переместилась?.. Откуда же ты переме-стилась?

— Из Дровни, — отвечала Катя, не подумав, что та-кой ответ звучит просто чудовищно.

Опа-то сама привыкла к чудесам, а бедный моряк и слыхом не слыхал о перемещениях!

— Когда ты была в Дровне? — как бы небрежно спро-сил Иван Иванович.

— Сегодня, — сказала Катя. — Видите? По свердлов-скому времени уже одиннадцать ночи, а переместилась я в три часа дня... Знаете, я сегодня перемещалась два ра-за! А на субмарине (она выговорила это слово с удоволь-ствием), на субмарине из-за меня поднялся бунт! А в Англии меня принимали за колдунью.

Моряк достал маленькую расчесочку и поправил во-лосы, очень внимательно глядя на Катю. Она улыбалась ему от всего сердца — давно уж никому так не радова-лась, разве что сегодня Бену Ферри, когда он вошел в но-совой отсек. Но казалось уже — все это было тысячу лет назад...

— Х-м... Когда ты была в Англии?

— Сегодня же, конечно! Иван Иваныч, — внезапно до-гадалась Катя, — разве вы не знаете о перемещениях?

— Знаю, знаю! — очень твердо сказал моряк. — Вот что, Катюша... На самолете ты летала сегодня?.. Нет? Хо-чешь полетать на самолете?

— Домой на самолете?! — Катя всплеснула руками.

— Именно так, — почему-то с облегчением подтвердил новый знакомый. — Именно домой вот на этом самолете...

Правда! Над кормой возвышался решетчатый мост, а на нем стоял самолет с двумя парами крыльев — биплан. Похожий на ПО-2, на которых воевали летчики из полка Бершадской, только без колес. По-видимому, это была летающая лодка, гидросамолет, который садится на воду прямо брюхом, а не поплавками. По мосту вокруг самолета ходили люди в рабочей одежде, а на хвосте был нарисован трехцветный флаг.

— Ой, неужели можно домой! Прямо сейчас?

— Сейчас и отправимся,— сказал Иван Иванович, с жалостью глядя на девочку.

Он видел так много людей, которых море лишило разума! Бесконечные часы ожидания посреди океана сводят с ума крепких мужчин, моряков, не то что маленьких девочек...

Капитан был уверен, что Катя сошла с ума в море, когда упала с борта корабля. Поэтому он решил бросить все свои дела на французской эскадре. Он сам отвезет бедняжку домой. Она еще маленькая, и ее можно еще вылечить.

— Сейчас отправимся, Катюша. Если хочешь лететь, сейчас и полетим. Стой на месте, никуда не отходи!.. Пожалуйста, проследите, чтобы ее не затолкали.— Последние слова, сказанные по-английски, относились не к Кате.

У шлюпки, спиной к общей суете, удобно расположился здоровенный мужчина в светлом костюме. Он кивнул и помахал двумя пальцами: идите спокойно, прослежу, чтобы не затолкали. Иван Иванович нырнул в толпу у правого борта. Катя обиженно посмотрела ему вслед — что он обращается с ней, как с грудным младенцем?

А здоровенный дядька подошел к ней и сипло осведомился:

— Мисс Гайдутшенк-о?

— Да, это я,— удивленно ответила Катя.

— Мисс говорит по-английски! Поздравляю вас, мисс Гайдутшенк-о, чудесное спасение,— приветливо сказал сиплый.— Впрочем, кое-кто охотно поплавал бы в водичке, чтобы попасть на субмарину «Голубой кит».

Он достал портсигар. И вдруг Катя узнала его — сыщик страховой компании Майкл, гость мистера Уоррена!

Тот, что принял ее за мисс Элизабет. Он, видимо, не узнал ее и продолжал благодушно:

— Тайнственный мистер Солана вас не обижал?

— Я сама его обидела! — с торжеством похвасталась Катя. — Фашист он, этот Солана! А вас я знаю. Вас зовут Майкл.

— Хе-хе-хе! — сипло засмеялся Майкл и внезапно осекся.

Сигарета выпала изо рта на палубу. Добродушное лицо Майкла стало испуганным и некрасивым. Он быстро подобрал сигарету и отошел, оглядываясь, к свободному борту — выбросил сигарету в море, но обратно уже не вернулся. К Кате возвращался ее земляк под руку с сердитым стариком в очень красивой и нарядной форме. Вся толпа повернулась спиной к морю и смотрела, как они идут. Иван Иванович быстро говорил по-французски, а старик кивал и повторял несколько слов, похожих на «повара» и «фанфана»¹, затем наклонился к Кате, погладил ее по голове и снова повторил про повара и фанфана. И вдруг оба моряка взяли под козырек. Катя поняла — прощаются. Фотографы пыхнули своими лампами, и нарядный старик решительно вернулся в толпу... Но тут Кате и в самом деле стало нехорошо — она уцепилась за какой-то ящик. Русский моряк подхватил ее на руки и понес к самолету. Катя смутно слышала, как он просит собрать и принести его чемоданчик и что адмирал отправляет гидросамолет через десять минут. Его собеседник сказал: «Бедная девчущка». Катя попробовала приподняться, но ей сказали: «Лежи, спи». Она еще немного слышала, как ее укладывали, подтыкали под спину пальто, пахнущее нафталином. Затягивали ремень на животе. Переговаривались домашними, встревоженными голосами. Иван Иванович напомнил тому, кто сказал «бедная девчущка», про радиogramму послу и в министерство. И казалось, сейчас же самолет рванулся, как бегун на старте, так что перехватило дыхание.

И Катя заснула, поджав ноги под толстым, тяжелым сукном морской шинели.

¹ Повр анфан (франц.) — бедный ребенок.

СЕЙФ ПОДНЯТ

36 Проводив русского коллегу, вице-адмирал вернулся к лебедкам. На любопытные взгляды свиты подчеркнуто не обращал внимания. Он тонко понимал гостеприимство и не хотел говорить о несчастьях своих гостей. «Бедное дитя!» — повторил он про себя и дал знак машинистам. Лебедки вновь загрохотали, поднимая батискаф из воды.

Наступал волнующий момент. «Бретань» поднимут, подвесят на лебедках над палубой и освободят сейф — все подготовительные операции уже были проделаны. Бензин из поплавка скачали на танкер, отверстия в бункерах закрыли заглушками. В специальные кольца на «Бретани» завели крюки подъемных талей. Полосатый корпус батискафа раскачивался под бортом «Марианны», как окунь, пойманный в сеть. Наблюдатель, висящий на борту у самой воды, весело докладывал:

— Гондола осушилась, пошли «руки», из левой подтекает масло. Вижу сейф, оп-ля! Пошел сейф! «Бретань» держит его за ухо, как учитель драчливого мальчишку!..

Послышался смех, некоторые ударили в ладоши. Лебедки гремели с тяжелым усилием, мокрая надстройка батискафа уже была на уровне палубы. И вдруг наблюдатель крикнул:

— Травит!..

Подъемники смолкли. Снизу доносился пронзительный свист, зазвенело разбитое стекло. Под бортом за клубился белый пар. Адмирал в гневе ушиб кулак о перила — из сейфа травилась вода! Он прохулился в самом низу дверцы тоненькой дырочкой. Вода пропикла в нее под огромным давлением — сто семьдесят атмосфер, а воздух оттеснила вверх, так что под крышкой получился слой сжатого воздуха. По мере подъема воздух расширялся и выкидывал воду наружу. Струйка была тонкая, как самая тоненькая иголка, но опасная. По-видимому, в коробке сейфа давление сохранялось еще порядочное — струйка была окружена туманом и сдирала с борта краску. Толстое стекло иллюминатора она вышибла в каюту.

— Боюсь, друзья мои, что вы напрасно рисковали

жизнью! — сказал адмирал, повернувшись к экипажу батискафа. — Сейф полон воды.

Турвилль добавил без особого огорчения:

— Мой адмирал, зато понятно, почему копилка потянула нас на дно. Полтонны воды мы не принимали в расчет!

Сейф болтался под бортом и свистел, будто насмехался над вице-адмиралом. По всем углам дерзко хихикали корреспонденты. Сейф будет свистеть не меньше часа, пока давление не упадет до атмосферного. А пресса так быстро не уймется. Пойдут карикатуры, насмешки — позор, позор.

Адмирал выставил подбородок и величественно проследовал на нижнюю палубу.

— Катер!

Короткая суэта — катер отвалил от борта и направился к «Жанно д'Арк». Вице-адмирал Перрен поднялся на крейсер и с лицом, свищевым от гнева, приказал:

— Ко мне этих господ!

Привели двоих — Ферри и Дювивье. Бен принес с собой судовые документы «Голубого кита». После короткого разговора Перрен вызвал врача и вместе с ним посетил Солану в лазарете. Врач доложил:

— Вспышка буйного помешательства, мой адмирал. Это бывает — субъект чрезвычайно властный и пастойчивый, и крушение надежд вызвало помешательство.

— М-да, крушение надежд... — проворчал Перрен. — Слишком много надежд рушится сегодня!.. Он совсем рехнулся?

— По-видимому.

Адмирал еще раз посмотрел в безумные ярко-синие глаза Соланы. Пожал плечами. И задал себе тот же самый вопрос, который несколько часов назад задавала себе Катя: кому помешал батискаф, мирное исследовательское судно?

— Караул вызвать! Пойдет со мной на субмариину...

Он лично осмотрел носовой отсек; торпеду, замаскированную под стол с приборами. Покрутил рукоятками ультразвукового пилотажника — превосходный аппарат! И вернулся на «Марианну» несколько взбодренным и утешенным. Крушение надежд, а? Пусть содержимое сейфа

погибло, зато французский флот получит неплохую подводную лодку. С отлично оборудованной лабораторией. Законный приз, по всем правилам! Представители команды подводной лодки в один голос утверждают, что эта частная субмарина намеревалась совершить пиратское нападение на батискаф. Пиратский корабль будет взят в качестве приза. Кто посмеет возразить? Никто! Заодно к службе во французском флоте вернутся опытные офицеры... Но клянусь норд-остом, почему этот сумасшедший собирался пустить на дно «Бретань»?

Занятый своими мыслями, адмирал Перрен позабыл о Кате и не спросил, как она появилась на «Голубом ките». А вернувшись на «Марианну», он и вовсе перестал думать о тайнах субмарины — сейф подняли на налубу. Один из матросов, опытный слесарь, уже разложил инструменты и приготовился вскрыть замок. Ждали только возвращения начальника экспедиции.

— Вскрываюте! — приказал Перрен.

Через десять минут тяжелая дверца со скрипом распахнулась... Ура! Большая часть бумажных денег сохранила цвет и форму. Золото и драгоценности, конечно, уцелели полностью. Только бумаги на верхней полке слиплись в рыхлый слизистый комок. И специалисты сказали, что их уже не восстановишь. Клод Перрен, счастливый, принимал поздравления. Общая цена сокровища достигала трех миллионов долларов, возможно — трех с половиной миллионов! А бумаги, потерявшие форму, окрашенные чернилами, адмирал велел возвратить морю. И их возвратили морю, не подозревая, что среди писем, паспортов, акций, векселей и прочей бумажной дряни там хранился секрет говорящих рыб.

С торжеством направилась эскадра к берегам Франции. С палубы «Марианны» текли медные звуки труб — адмирал устроил банкет с оркестром, фейерверком и коньяком из личных запасов. На радостях он пригласил к столу Ферри и Дювивье.

Бен прибыл на празднество в мрачном настроении. Он был пленником, черт побери, и в этом не было ничего веселого. Угрюмую радость ему доставляла только мысль, что мерзавец Солана, кажется, рехнулся окончательно.

Сдержанный Дювивье не пил и тихо сидел рядом с Беном в кинозале «Марианны». Спокойно оглядывался. Помахал рукой старому знакомому—капитану Турвиллю.

В самом разгаре веселья Жан спросил у Бена:

— Земляк, что ты думаешь о чудесах?

— Чудеса не моя профессия,— ответил Бен.— Я подводник! Кто с-сказал, что я не подводник? Г-говорящих рыб... не бывает! — выкрикнул Ферри.— Не бывает! Земляк! Д-девчонка пряталась на «Ките», т-ты слушай. Пряталась, клянусь п-перископом!..

— Ладно, ладно, земляк! — миролюбиво сказал Дювивье.— Поднимайся. Пойдем смотреть фейерверк.

Щедрость адмиральского угощения пагубно сказалась на Бене. Потрясенный разнообразными событиями дня, он чересчур налег на коньяк. Ночная прохлада и цветные огни фейерверка совсем его разогорчили.

— Р-радуются!.. К-куда спрятали русскую мисс? Говорящие рыбы, клянусь перископом!.. Где ты, Жан? Жан, Жанчик! Т-ты слушай... Девчонку никто не прятал. Она сама п-пряталась, клянусь говорящей рыбой...

Дювивье с трудом увел спать Ферри, сбитого с ног коньяком и чудесами. Надо сказать, что инженер тоже не слишком поверил Катиному рассказу о говорящей рыбе. Он возглавил бунт на «Голубом ките» по другим соображениям. Он, как и Ферри, заподозрил плохое, когда Солана ввел звуковую маскировку. Дювивье хорошо знал морские законы и предвидел, что за пиратские действия придется отвечать всем офицерам «Кита». Поэтому он попросил Катю передать предупреждение советским властям. Его беспокойство стало очень сильным, когда корабли адмирала начали поиск. Капитан Солана упрямо держал подводную лодку на дне и не захотел обнаружить себя даже после онолзния. Неясной оставалась причина такого упорства. Жан искал эту причину, строил разные предположения, но придраться было не к чему. Хозяин п капитан субмарины желает, чтобы она лежала на дне, и всё тут... Катиню заточение дало повод высказать Солане неповиновение. Капитан не имеет права жестоко обращаться с девочкой, решили офицеры и освободили Катю из кладовой. А Катя первым долгом закричала: «Ваш гнусный капитан будет топить батискаф!..» О, теперь по-

вод для бунта был налицо! Впопыхах не обратили внимания на Катины взволнованные речи о Маке, говорящей Рыбе. «Топить батискаф», — кричала Катя. А «Бретань» уже замолчала. И офицеры в ужасе подумали, что будет с ними, если Солана успел торпедировать «Бретань». Например, послав к хрупкому суденышку торпеду без заряда. Такая торпеда прошила поплавок без шума, — вот и молчит батискаф... Чтобы не оказаться соучастниками преступления, офицеры решили немедленно арестовать Солану и ворвались в носовой отсек. К счастью, они успели предупредить выстрел опять-таки благодаря Кате. Но рыба, рыба! Что имела в виду девочка, когда рассказывала о говорящей Рыбе?

Инженер Дювивье, как и адмирал Перрен, уже ничего не мог узнать. Катя улетела. Единственный человек, посвященный в тайну, — капитан Эриберто Солана — сошел с ума. Говорящая Рыба не умела рассказывать о своих создателях. Да и услышать ее теперь было мудрено — Мак единолично занял институтский бассейн, чем и сорвал воскресную тренировку пловцов общества «Труд» в городе Дровня...

ЧАЙ - КОФЕЙ

37 Радиogramму с «Марианны» передали в Дровню по телефону уже во втором часу ночи. Игорь крепко спал, опустив голову на холодный лабораторный стол. Пронзительный, длинный сигнал телефона превратился для спящего Игоря в сирену санитарной машины. Игорь бежал под грозовым ливнем за машиной, на которой везли Катю. Сирена завывала, гремел гром. Игорь проснулся и увидел, что все бегут к телефону. С грохотом катился стул по кафельному полу, кто-то на бегу включил полный свет.

— Москва, Москва, плохо слышу!.. — кричали у телефона. — Во, теперь слышу, давай текст!.. Товарищи, тише, пожалуйста!.. Тишина! — заорал грандиозный бас. И все слышали сорванный голос москвича: — Повторяю полный текст, товарищи. «В шестнадцать часов Гринвича

Екатерина Гайдученко принята на борт океанографического судна «Марианна». Девочка отправлена с сопровождающим в аэропорт Нью-Йорка — Айдлуайд, извещено посольство». Всё, товарищи!

Теоретики закричали «ура». Кто-то целовал Якова Ивановича, обхватив его голову белыми рукавами халата. Московский начальник держал директора за пуговицу и сипел:

— Повезло, повезло вам, уральцы!.. Тем не менее будете и ответ держать, дорогие уральцы!

Сквозь толпу прошел академик, как будто игла сквозь ткань. Поздравил Катиного отца, что-то спросил вполголоса и плавно запагал к выходу. Аккуратный, в наглаженном костюме, он смотрел вперед и вверх, а глаза у него были такие, что Игорь еще полминуты стоял и думал: на кого был похож сердитый дяденька? Непонятно вроде бы и, однако, понятно. Все равно непонятно — будто у него все лицо ушло в круглые черные глаза и прямой залысый лоб... Квадратик не любил вдаваться в чужие переживания, он был человеком действия. Однако убитое лицо академика его поразило. Почто теперь убиваться? Перемещение кончилось благополучно, Катерину везут домой, полмира перевидает! Когда еще Игорь станет морским радистом, и побывает в Атлантическом океане, и на аэропорт Айдлуайд посмотрит. Катерина все это уже видела. Даже подводные лодки, которые ей, по девчоночьей глупости, безразличны. Без сомнения, девочке повезло!

Размышления Квадратика были прерваны Катиным отцом. Он говорил по телефону и, не отрываясь от трубки, поманил мальчика к себе.

Игорь подошел и уместился рядом. Было слышно, как женский голос спрашивает: «Почему ты не говоришь правду?»

— Чистую правду, — рокотал Яков Иванович, — как слеза младенца! Сейчас прибуду пр-ред ваши очи, дор-рогая!.. Надюша, я не паяспичаю. Дочь пропадала и нашлась, о господи! Разве я тебе врал когда-нибудь? Через десять минут буду дома, ставь чайник... Ну вот и хорошо! Сейчас прибудем.

Он положил трубку осторожно, будто она и была пла-

чущим младенцем с чистыми слезами. Наклонил голову к Игорю.

— Ну, друг и опора, поехали к нам на чай? С украинским вишневым вареньем. Без косточек.

Игорь вежливо сказал:

— Спасибо. Отец со смены возвратился, пойдет искать.

Яков Иванович заторопился и заволновался. И все кругом стали говорить: как же так, забыли, что мальчика ждут дома... Забегали, вызвали машину, чтобы поскорей отвезти домой, а он внезапно вспомнил про Митю. Он же велел Митрию сидеть на берегу и ждать. Еще днем!

Побежали на берег все по той же дорожке вдоль забора к Верхним Камням и нашли Митю Садова. Синий от холода и лунного света, он спал между глыбами на берегу. С трудом его растолкали и заставили бегом лунить до ворот, а там он проснулся и наотрез отказался ехать домой. Он хныкал по возможности мужественно и говорил, что мать «забьет его в землю по самы уши». Его уговорили, пообещали заступиться. И наконец мотор зафыркал по спящему городу. Поехали. Сначала завезли Игоря на Зимний овраг, но и без него машина оставалась полной, так что Митя сидел у Якова Ивановича на коленях.

Тяжело переваливаясь по рытвинам, машина потянула наверх из оврага. Игорь стоял на мостике и смотрел вслед машине, чтобы не видеть лица Ергина-старшего. В землю его не забьют, конечно, однако и чаю-кофею с вареньем ожидать не приходилось. Вот, начинается!

— Постунок твой хороший,— сказал отец.— Хороший. Но предупредить семью ты был должен. Бессовестный ты. Пойдем!

НЕТ КОНТАКТА

38 Субботний день кончился поздно и хлопотно. За субботой наступило боспокойное воскресенье.

У Гайдученок ждали Катю. В институте возились с рыбой. Кроме того, директор и начальник Проблемного отдела писали длинное объяснительное письмо высшему

начальству. Они объясняли, как вышел такой конфуз с Катей Гайдученко, что ленесток действовал на камнях и таскал Катю в перемещения. Некоторые сотрудники поговаривали, якобы директора теперь снимут с работы. По городку даже прошел слух, что начальник Проблемного отдела сам подал заявление, чтобы его освободили от должности.

А радисты и биологи возились с рыбой. Понаставили вокруг бассейна палатки с приборами. Длинные провода тянулись и в здание института. Несколько магнитофонов записывали рыбы высказывания. Трещали пишущие машинки — переводчики старались передать на русском языке все тонкости английской речи Мака. Эти листы читали и перечитывали лучшие специалисты, но толку было не слишком-то много. Работать с говорящей рыбой оказалось не легче, нежели с обыкновенной. Даже с кормом была целая история. В бассейн выпустили килограммового судака. Мак забормотал:

— Большая рыба командир большая рыба...

Поразмыслив, решили, что судак слишком велик для Мака. Попробовали другого судака разделить на кусочки — снова неудача. Мак брезгливо отплыл на другой конец бассейна и заявил:

— Лишены формы молчат почему молчат,— и замолк сам.

Биологи решили, что Мак потребляет в пищу только живую рыбу, но маленькую. Это мнение подтвердилось — привередливый Мак сказал, что мог бы съесть маленькую рыбу. Пришлось послать в Свердловск машину с приказом — перевернуть все рыбные магазины, но достать живую мелкую рыбу.

Машина от ворот была возвращена Евграфом Семеновичем. Он пришел в институт, несмотря на выходной день, и потребовал, чтобы ученые взяли наконец за ум. Мелкой живой рыбы в продаже не бывает. Нужна мелкая рыба — идите с удочками на Нижние Камни. Затем начальник караула попытался вызвать панику среди ученых: дескать, на рыбине висит мина, и он, как старый сапер, эту мину чувствует. Его осмеяли. Но Евграф Семенович занял пост у забора и замахивался на всех прикладом виштовки:

— Не подходите! Принесете рыбешку, пропущу на минутку, а до тех пор не шастайте... Приборы там стоят, и хватит. Жалуйтесь директору!

Директор был занят, и на Евграфа Семеновича управы не нашлось. Так он никого и не пускал к бассейну, пока четверка молодых сотрудников не принесла бидон с полудохлой плотвичкой. Полтора десятка рыбешек выпустили в бассейн. Наглый судак набросился на плотву, предназначенную для говорящей рыбы.

Мак заволновался:

— Командир, могу съесть рыбу, могу съесть маленькую рыбу.

Оказалось, что Мак даже не ест без разрешения неведомого командира. Правда, побормотав несколько минут, он смолк и очень сильно ударил хвостом по воде. Биологи стали прорываться мимо Евграфа Семеновича — старик прислонился спиной к калитке. Неизвестно, что случилось бы дальше, так как обе стороны распались до предела, но Мак заговорил снова.

— Настиг большую рыбу настиг ударил, — записали магнитофоны. — Командир какие приказания могу съесть маленькую рыбу.

— Хозяйская рыбина! — с удовольствием сказал Евграф Семенович. — Распорядилась! Во-он в щелочку смотри — вон судак плавает кормой вверх. Чужого не жри... Товарищи сотрудники, как же выходит? Она с вами беседует, а вы и возразить не умеете?

Получалось именно так. Рыба говорила с ними при помощи гидрофонного устройства, укрепленного у нее на спине. Ученые думали, что она услышит такой же ультразвук, на котором говорит сама. Так мы привыкли думать. Ведь животные звуками общаются со своими сородичами, и то, что «говорит» любой из них, должны слышать и остальные. Зачем, например, кошке мяукать, если другие кошки не могут услышать мяуканья? Незачем, конечно. А подводные разговоры Мака не были адресованы к другим рыбам-мечам. Он говорил с человеком, называя его «командиром». И потому слышать мог одни звуки, а сам издавал другие.

До этой простой мысли биологи додумались только к середине дня: нужно попробовать говорить с Маком на

другой полосе частот. Это значит вот что. Любой слышимый звук издается каким-нибудь источником звука: горлом, радиоприемником, струной или падающей каплей. Казалось бы, между ними нет ничего общего, а на самом деле есть. Звук может издавать только колеблющееся тело — дрожащее, если говорить не по-ученому. Дрожат голосовые связки в горле, дрожит струна на гитаре. И звучит только потому, что дрожит. Человеческое ухо может слышать звучание некоторых предметов, но не всех. Предмет должен колебаться не реже шестнадцати раз в секунду и не чаще тридцати трех тысяч раз в секунду. Это полоса звуковых частот. Если тело колеблется чаще, то у него ультразвуковая частота колебаний. Простым ухом таких колебаний не поймашь, нужны приборы, умеющие слышать ультразвук. С их помощью можно слышать, как пищат летучие мыши и как рыбы шумят в воде — ведь рыбы, киты и дельфины вовсе не молчаливчики, как мы думаем! Они говорят по-своему, как и все животные. Дельфины так же шумливы, как, например, куры. Только дельфины и рыбы шумят в другой полосе частот, нежели куры.

Итак, биологи решили попробовать говорить с Маком на другой полосе ультразвуковых частот. Несколько часов они возились у приборов, испытывая все частоты, какие могли. Рыба не отзывалась. Она монотонно говорила, что может съесть маленькую рыбу. И вдруг... вдруг она начала спрашивать:

— Кто там шумит — кто там шумит — ктотамшумит...

Слышит! Несомненно, Мак слышал, но понять ничего не мог. Еще часа два биологи говорили в ультразвуковой передатчик по-английски. Говорили то быстро, то медленно, и всё без толка. Мак их не понимал, однако приободрился и за разговорами съел плотву, вслившую на поверхность бассейна кверху брюхом. Вода-то была соленая в бассейне... В общем, голодная смерть рыбе не угрожала, но контакта с ней установить не удавалось. Ученые собрались у палаток, устроили совещание. Решили попробовать еще один хитрый способ, которым пользуются радисты для важных передач. Способ этот хитрый, но несложный. Предположим, вам разрешили работать на передатчике три минуты. А вам надо говорить полчаса —

меньше нельзя, не уложите. Как вы поступите? Очень просто. Заранее запишете все, что хотите сказать, на магнитофонную пленку. Это займет у вас полчаса. Когда наступит ваша очередь работать на передатчике, вы не сами будете говорить, а прокрутите пленку за три минуты, то есть в десять раз быстрее, чем она записывалась. С приемника вашу трехминутную передачу запишут снова на пленку. Прокрутят ее теперь в десять раз медленнее, чем при записи, и получится ваша получасовая речь.

Биологи подумали, что неизвестный хозяин рыбы — «командир» — приучил ее слушать ускоренную речь. Зачем? Мог быть только один ответ, сказали радисты: чтобы его не могли подслушать, чтобы другие гидрофоны не могли понять его приказы... Неизвестного «командира» все заочно считали великим ученым. Но зачем он зашифровал свои разговоры с рыбой — это был тревожный вопрос.

В этот момент к палаткам пришел академик и приказал прекратить опыты. Иначе они продолжались бы всю ночь и завтрашний день. Пока не открыли бы секрет или не иссякли силы. Но академик сказал:

— До завтра, товарищи, — и пошел к бассейну посмотреть еще раз на Мака.

Евграф Семенович загородил ему дорогу.

— Простите старика, товарищ академик... Не ходили бы к рыбке. Однако, у нее мина прикреплена к спине.

— Пойдемте вместе. Покажете.

Он внимательно выслушал объяснения бывшего санера — почему коробка похожа на мину. Объяснения были простые: что еще, кроме мины, являет собой круглая коробка? Радиоприемник? Он в прямой коробке, сзади. Нет, только мина в круглой коробке...

Академик не стал спорить. Поблагодарил Евграфа Семеновича, попросил впредь никого к рыбе не подпускать и удалился.

Других событий, достойных упоминания, в городе не произошло за день. Игорь и Митя находились оба под домашним арестом, хотя их родители и не сговаривались между собой. Как водится, Митя разучивал новые фокусы, а Игорь затеял было усовершенствование передатчика, но в середине дня отец велел ему бросить баловство и

заняться делом — чинить кровлю. Полдня они вдвоем ползали по крыше и гремели киянками — деревянными молотками. Квадратик знал, что Яков Иванович известит его, когда придет Катерина, и потому спокойно орудовал на коньке крыши, лишь поглядывая на светлые стекла нового города.

Зато в понедельник утром Игорь с Митей снова при-
нялись «выкидывать коники», по выражению Катиной бабушки. Оба не пошли в школу, увязавшись за Гайдученками на аэродром.

БЛАГОПОЛУЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

39 Мальчики явились загодя, наутюженные и торжественные. Они ехали в Свердловск с профессором Гайдученко — это первое. Во-вторых, не в пригородном поезде, а в институтской машине, с лихим водителем Анатолием. Но главное, они ехали встречать Катю Гайдученко, они были в центре необыкновенных событий.

Яков Иванович посмотрел на них и сказал:

— «Не каждый день мальчикам удастся красить заборы».

Надежда Сергеевна объяснила:

— Это из «Приключений Тома Сойера». Помните?

— Помним, по-омним! — сказал Митя.

Водитель подмигнул ему в зеркальце.

По гладкому, блестящему шоссе, под мелким, как пыль, дождем машина мчалась к Свердловску. Взрослые волновались — в Москве тоже испортилась погода, и вылет самолета могли отменить.

— Смешно, — сказал Митя. — Научились перемещаться без самолетов, а дождика нугаются!

— О перемещениях пока забудь, Митенька. Пока работа не закончена, о ней говорить не полагается, — сказал Яков Иванович.

— Да я вам только! — взмолился Митя.

— Ой, Митрий... Смотри... — сказал Игорь.

Наконец показался аэродром. Большое здание вокзала; летное поле, уставленное самолетами. Гулко, со звоном, свистели моторы.

Яков Иванович и Надежда Сергеевна опустили стекло и пытались на глаз определить — принимает ли аэродром самолеты?

— Летают, летают! — запищал Митя. — Дверь открыта!

Надежда Сергеевна с улыбкой потрепала Митю по пухлой щеке. Этого не нужно было делать — Игорь покраснел вместе с Митрием. Катина мама была похожа на киноактрису, так считала вся Дровня. У нее были золотые волосы и очень красные губы. В общем, она была слишком красивая. И нарядная. Она пела на вечерах самостоятельности трогательные песни и обычно смотрела на ребят туманно: зелеными туманными глазами. Квадратик, со своей стороны, предпочитал на нее смотреть поменьше, чтобы не краснеть.

Они подъехали на машине прямо к залу ожидания. Впятером, если считать водителя Анатолия. Но у водителей такая работа — всюду ездить. Бабушка в последний момент осталась дома — рассердилась, швырнула книжку и сказала, что невелика Екатерина барыня. Драть ее надо, а не встречать с оркестром. Езжайте! Мы с Тарасиком и дома будем хороши...

Игорь очень удивился бабушкиной простоте. От нее скрыли, оказывается, что внучка перемещалась. И она поверила, будто Катя зайцем пробралась на самолет и удрала в Москву! Каждому мальчишке в Дровне было известно, что на самолет зайцем не проберешься. Самолет не поезд.

— Мама в Катьке души не чает! — объяснила Надежда Сергеевна, улыбаясь, как артистка в кино. — Катька сама ей расскажет. Мама покричит и простит ей всё.

Так они беседовали, когда по радио объявили московский самолет. Под вывеску «Выход на перрон» прошли посыльщики. Мальчишки влезли на перекладину железного забора и стали смотреть в яркую щель между горами и низкими серыми тучами. Московские самолеты прилетали оттуда, с запада.

На крыльце вокзала Надежда Сергеевна выговаривала Якову Ивановичу:

— Яков, ты ужасно много куришь. Нельзя же так, одну папиросу прикуривать от другой!

— М-м...

— Что ты волнуешься? Клава сказала — Катька отлично выглядит.

— Клавдия в Москве, а я здесь...

— Она ее видела три часа назад!

— М-м... Видела... Хлопцы, летит! — сказал Яков Иванович.

Летит! Самолетик, подобно блестящей мушке, проскользнул под тучи и пошел отлого сваливаться к земле. Стремительный, с выпнутым хвостом, он прокатился по луку — и до вокзала донесся порывистый гул моторов. Самолет завернул и пошел прямо на мальчишек. Митька от возбуждения стал прищелпывать губами. Машина грузно качнулась, заноса хвост, повернула последний раз, и моторы смолкли. От вокзала поехала самоходная лестница, приткнулась к круглому серебряному боку машины, а винты все еще крутились. Словно они привыкли вертеться за длинную дорогу — от самой столицы. Пока винты не остановятся, двери не открывают, не то пассажир поглубже непременно сунется под винт. Игорь это знал, а Яков Иванович, наверное, не знал. Он перво бросил папиросу и стал закуривать другую, прижимая локтем Катино пальтишко. Как нарочно, для ее приезда испортилась погода — усиливался мелкий летучий дождик, и ветер был холодный...

Но вот дверь самолета уехала внутрь, мальчишки ринулись к лесенке. И конечно, первой на земле оказалась Катя! Бух! С четвертой ступеньки одним прыжком — и прямо на шею Якову Ивановичу, с визгом и разлетающимися косичками.

Квадратик моргнул и внезапно увел Митю за самолетный хвост.

— Пусть здороваются! — сказал Квадратик.

— Пусть, — согласился Митя. — Позовем Катьку сегодня на радиостанции работать?

— Нет. Отец радиостанцию запер.

— Почему? — Митя даже забыл о Катином приезде.

— Благодарность прислали из радиоклуба на имя брата Ростика, который в армии служит. Отец спросил почему. Я сказал, что работаю под его именем. Он и запер, пока мне шестнадцать не исполнится.

— Соврать надо было! Ты, может, лучше шестнадцатилетнего работаешь!

Игорь только вздохнул. Он и сам считал закон несправедливым. Почему только с шестнадцати лет разрешают выходить в эфир? Несправедливо...

— Мальчишки! — закричали из-за самолета.

И примчалась Катя, уже одетая в пальто и шапочку, и торжественно поздоровалась с ними за руку. Митя тут же обратил внимание на Катину новую сумку — такой шикарный клетчатый портфель в красную и оранжевую клетку, с блестящим замочком и кожаной желтой ручкой.

— Мальчишки, — сказала Катя, — вы сердитесь? Я же не парочно!

Митя не обратил внимания на эти пустые речи — смотрелся в зеркальный замок и втягивал щеки.

Игорь возразил:

— Почто нам сердиться? Пошли, родители дожидаются.

Катя засмеялась, совершенно счастливая. Дома, дома! Все так же, и даже папа явился встречать, и Квадратик смешно окает, будто она никуда не исчезала. Будто не было перемещений, подводной лодки, аэродрома Айдуайд и полета через Атлантику, и посадки в теплом Лондоне, в жарком Париже. Будто не было Москвы, Шереметьевского аэропорта и зоологического магазина на Ленинском проспекте...

— Митька, — вспомнила Катя, — я-то растрепана-забыха! Где сумка?.. Анатолий, здравствуйте!.. Папа, ну перестань курить на минуточку...

Они погрузились в машину теперь уже вшестером. Хлопнули дверцы, как отсалютовали Катиному приезду. Митя вернул Кате новый портфель, подаренный московской тетей Кланей.

— А, вот он где... — сказала Катя. — Садов, закрой глаза. Крепко закрой, не подсматривай. Алле! Открой глаза.

Из кожаных глубин портфеля появилась деревянная некрашеная коробка. С круглыми дырочками...

Митя отодвинул крышку и охнул:

— Панька... Ой, их там двое! Где взяла второго?

— В зоомагазине, Митька. По дороге на а-э-ро-дром! — продекламировала Катя.

— Спасибо тебе большое, Катя! — с чувством поблагодарил Митя Садов. — Какой вот из них Панька... одинаковые, как перышки.

Катя быстро перевела разговор:

— А как баба Таня? Сердится? Ой, неужели сегодня только понедельник? Мам, а мам, бабушка очень сердится?

— Вы с папой, — зловецким голосом начала мама, — вы с папой скоро бабушку в гроб загоните...

У Якова Ивановича, сидящего рядом с шофером, плечи полезли вверх. Пришлось снова переводить разговор на другую тему.

— Пап, мальчики! — принялась болтать Катя. — Знаете, кто меня до Москвы довез? Настоящий капитан первого ранга, прямо — морской волк, с золотыми погонами... Он сначала думал, что я — псих!..

Шофер Анатолий негодуя свистнул.

— Ну-у, потом мы с ним подружались. В большом самолете он мне песни пел, только не морские. Вот: «Среди лесов дремучих... разбо-ойнички и-идут. В сва-их руках мо-огу-у-чих това-рища несут...» — пропела Катя.

Отец съехидничал:

— Медведь на ушко наступил и даже не заметил.

Катя, обескураженная, замолчала. Она думала: все накинута с вопросами — только успевай рассказывать. Ничего подобного... Папа как уселся в машину — один раз всего обернулся, только поднимал плечи и смотрел на дорогу. Мама то улыбалась, то вздыхала. Игорь окаменел из деликатности, а Митя занимался мышцами Панькой и Манькой так упорно, что хотелось забрать их назад. Если он и заподозрил подмену, то вида не показывал.

Катя огорчалась напрасно. Все очень переволновались из-за нее и сейчас приходили в себя и отдыхали. Взрослые, кроме того, предвидели, что ее рассказ займет не один час, и собирались послушать его в спокойной обстановке. Так, им казалось, вернее. А на самом деле, они мол-

чали от счастья и немного от огорчения. Дочь вернулась. Дочь пережила необыкновенные приключения и опасности и вернулась — это было счастье. Но в то же время всё, ею пережитое и увиденное, было отделено от них, как забором отсечено. Навсегда. Она сама, одна, выбиралась из опасностей, без их любящих, сильных рук. Своими слабыми руками, своей несмышленной еще головой. Вот ее не было двое суток. Это время навсегда отделено от детства, это уже взрослое время, и для родителей там нет места.

Поэтому папа и мама Гайдученки молчали и думали о разных вещах, а их дочь храбро пробивалась через стену молчания. У поворота к новому городу она пустила в ход основной козырь:

— Знаете, кого я видела? Говорящую рыбу! Мак ее зовут...

Отец резко повернулся, а Квадратик повторил:

— Мак.

— Где ты видела? — спросил Яков Иванович.

— На «Голубом ките», — отвечала довольная Катя. — Это подводная лодка, «Голубой кит». Помнишь, Игорь, я рассказывала? Он еще назывался раньше «Морской дракон». Вот на нем и была говорящая рыба, а после она исчезла...

Митя не знал ничего о появлении Мака. Игорь благо-разумно промолчал. Надежда Сергеевна произнесла предостерегающе:

— Яков...

Но шофер Анатолий был простодушным человеком. Он постучал пальцем по зеркальцу.

— Вон, Паша выруливает на директорской, тоже с аэродрома. Гостей везет к вашей рыбке. Исчезла! В бассейне плавает рыбка!

Митя едва не уронил коробку с мышами.

А Катя негодуя вздернула нос и заявила:

— Я домой не поеду. Остановите машину, пожалуйста!

Митя, совершенно сбитый с толку, смотрел на всю компанию.

— Куда же ты поедешь? — спросил Яков Иванович.

— К Маку, в бассейн!

— Катька, он в институтском бассейне, а не в городском. Тебя не пропустят в институт.

— С тобой пропустят. Домой я все равно не поеду.

«С дороги надо принять душ. После перемещений обязательно надо показаться врачу. И вообще после всех приключений девочке необходим отдых», — думали родители. Но что поделаешь? Действительно, за этой рыбой уже прилетели специалисты с Крымской биологической станции. Уже заказан самолет для перевозки рыбы. Может быть, ее увезут сегодня.

— Хорошо, — сказал Яков Иванович. — Толя, сворачивай к институту. Покажем Мака этой скандалистке. И тебе, Митя, тоже. А затем сами покажемся доктору Бельскому, дочь.

«Это мы еще посмотрим», — подумала Катя.

ИГРУШКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

40 Биологи засуетились у бассейна с раннего утра. Принесли специальный приказ директора — охране не вмешиваться в научную работу и не пугать людей разговорами о мине. С торжеством расположившись вокруг бассейна, биологи начали громкий спор с радистами. Спорили, какую команду записать на пленку. Наконец записали: «Разрешаю съесть рыбу» — и начали крутить магнитофон, постепенно увеличивая скорость.

Опыт не удался: Мак был слишком голоден и поедая рыбу без особого разрешения. При этом он ханжески гудел:

— Какие приказания, могу съесть маленькую рыбу. После каждой рыбешки Мак докладывал:

— Выполнено, — и опять принимался за свое.

Пришлось скормить ему целое ведро плотвы и устроить еще одно совещание. Думали заново — какую фразу записать, чтобы не вышло путаницы. Допустим, «высунуть меч из воды», произнести определенное слово. Но сытый Мак решил по-своему. Он вдруг заявил:

— Я жуткий молодец могу повернуться командир какие приказания.

Из палаток слышался громовой хохот — спорить стало не о чем. Записали на пленку два слова: «Мак, перевернись».

Каверзный Мак спокойно поводил плавниками. Репродуктор гудел размеренно и невыразительно:

— Кто там шумит кто там шумит.

Иногда Мак жаловался на недостаток кислорода — пришлось подтащить к бассейну шланг от сети сжатого воздуха. Только через час при десятикратной скорости пленки рыба перевернулась и отпартовала:

— Выполнено.

Из палаток донеслось «Ура!» и другие торжествующие вопли. Не успев закрыть рты, биологи заспорили — какие вопросы задавать дальше. А тем временем один из ученых-радистов явился с новым расчетом, очень длинным, в клеенчатой тетради. Молодой ученый сидел над ним всю ночь. Получался интересный вывод из этого расчета. Аппаратура, установленная на рыбе, должна была принимать еще одну ультразвуковую частоту, кроме основной, на которой рыба слушала приказы.

Тетрадь прочли внимательно. Хороший оказался расчет, красивый, как говорят математики. Радисты настроили гидрофоны по-новому, стали потихоньку пробовать. Биологи пробежали, накрываясь плащами, к бассейну.

Рыба заметалась. Она крутила в мелкой воде «восьмерку» — ударяла хвостом, судорожно поворачивала. Спинной плавник наклонялся при поворотах, как маленький черный парус.

— Не нахожу не нахожу не нахожу... — быстро и монотонно тарахтел динамик.

Что бы это значило? Ведь никаких слов не передавали рыбе. Передавали бессмысленное жужжание на новой частоте. А ну прикажем перевернуться!

— Мак, перевернись!

— Ненахожуненахожуненахожу... — тарахтела рыба.

Мина ожила в своей коробке. Внутри круглого пластмассового чехла щелкнул предохранитель. Теперь достаточно было резкого сигнала на новой частоте — громкого слова, например. Мина была готова к взрыву. Мак чувствовал это и метался, разыскивая цель.

Он должен найти, настигнуть, произнести слова доне-

сения, тогда лишь командир взрывает. А он еще не пашел цели.

— Командирненахожу — ненахожу — командирненахожу, — торопился Мак, соединяя слова от волнения.

Радист увеличил громкость и наклонился к микрофону, чтобы повторить приказ. Набрал побольше воздуха в грудь. Биологи смотрели с бетонного барьера, как мечется рыба.

Еще секунда, и взрыв разнесет на куски рыбу вместе с бассейном и любознательными биологами...

— Смотрите, мастера! Пропажа наплась! — звонко прокричал чей-то голос. — Катюша приехала!

Радист щелкнул выключателем. Мак улегся на дно бассейна. Вся группа бросила работу — к палаткам, поживаясь под моросящим дождем, подходили Яков Иванович с дочерью и двое мальчишек.

Не забывайте — о Катиных злоключениях знали все. Волновались, строили предположения, ругали беспечных «проблематиков», упустивших лепесток из-под контроля. Какое торжество, что девочка вернулась! Ее обступили со всех сторон, с шумом-гамом, как школьники. Доктор Белевский, принимавший участие в опытах, стал разгонять толпу, выкрикивая:

— Не утомляйте человека! Бесстыдники, уймись!

Катя едва пробилась к бассейну, чтобы взглянуть на Мака.

Большая команда собралась на бетонном барьере. Человек двадцать ученых, техники-радисты, лаборанты стояли над бассейном, матовым от дождя, и смотрели на побледневшую Катю. И па плавник рыбы, торчащий из воды.

— Уведите ребенка! — прошептал доктор Якову Ивановичу.

Действительно, на Кате лица не было. Она как-то сразу вспомнила синий свет в аквариуме, хрипящие слова: «Нахожу и настигаю» — и шуршащие шаги по фанере, а кроме того, падал моросящий дождь, который всегда приводил Катю в уныние.

— А как рыба разговаривает? — волновался Митя.

— Сейчас продемонстрируем, — откликнулись радисты.

Кате, почетному гостю, подали микрофон на длинном проводе.

И она вдруг сказала по-английски:

— Ты, чудо инженерной биологии!..

И Мак рванулся вверх, до половины выскочив из воды, подняв тучу мутных брызг, и в палатке хрипло зашелся динамик:

— Командир — командир — нет цели — не нахожу — командир...

— Ты молодец! Замолчи!

Катя отдала микрофон и сама потянула отца за руку. И уже сходя с бетонной окатовки бассейна, вспомнила:

— У него мина. Коробка на спине. Видите?

А бедняга Мак в восторге от привычной похвалы твердил свое:

— Командир-цель в море-командир...— ходил кругами, чертя своим мечом по стенкам.— Командир — не слышу — вода хо...

Всё. Для безопасности радисты выключили систему связи. Завязали рубильник куском провода. Побежали к телефону — вызывать саперов из соседней воинской части.

Митя Садов со стуком захлопнул рот и изрек неожиданное:

— Вот так игрушки у взрослых!

ЧТО БУДЕТ ПОТОМ

41 Так благополучно закончились Катины приключения. Доктор Беленький осмотрел ее и сказал, что она «здорова, как бык». Потом Катя почала в бабушкины руки, досыта наелась мыльной пены и стала чистой, как стеклянный стакан. Потом она заснула и проспала до сумерек, до синих сумерек, набежавших с синих уральских гор на улицы Дровни. Приключения кончились.

Но Катины приключения — только маленькая часть событий, связанных с ее перемещениями. Катя вповь станет обыкновенной школьницей, как раньше. Будто при-

открылась дверь в чужой дом и снова закрылась. А как же другие? Что будет с экипажем «Голубого кита» — простят ему бунт или капитан Солана всех перехитрит? Что будет с лабораторией Соланы — сотней говорящих рыб, приученных носить мины? Как будет дальше с перемещениями? Ведь не только на Земле будут устраивать перемещения. Пройдет немного времени, и на желтую лунную пыль, и на красные пески Марса опустятся люди. Они обнимутся, хлопая друг друга по гулким космическим доспехам, а антенны, деловито гудя, перебросят к ним с Земли вездеходы на широких пластмассовых гусеницах, и запасы воды, пищи и воздуха, и складные домики. Так будет. Но Катя об этом еще не догадывается.

В этот момент, когда сумерки залили синькой прямоугольники окон, Катя вдруг вспоминает: ба, сегодня понедельник! Дора Абрамовна принесла контрольные по физике... И она сползает с дивана, сует ноги в башмаки и на ходу снимает пальто с вешалки. У Доры Абрамовны сегодня уроки в вечерней школе рабочей молодежи, еще можно ее застать.

Бабушка Таня, занятая парадным ужином, ничего не слышит — на кухне скворчат сковородки и жадно мяукает котенок.

— С приездом, лягушка-путешественница!

— Спасибо, Дора Абрамовна.

Молчание.

— Вы хотели со мной говорить, Катюша?

— Дора Абрамовна, пожалуйста, называйте меня на «ты».

— Хорошо. Вот твоя контрольная работа.

Косой прочерк красными чернилами, единица и подпись: «Д. А. Салтанова».

— Что ж, это правильно... — Катя складывает листок.

— Хорошо, что ты понимаешь, Катюша...

Катя идет домой по вечерним улицам. И думает, что Дора Абрамовна, как всегда, все понимает. Она ведь работает в институте и знает о перемещениях — другой учитель не удержался бы, дал Кате поблажку посло всего, что с пей было. А Дора поставила единицу. Понимает!

Навстречу проходит охотник с ружьем и собакой, и Катины мысли поворачивают в сторону. На майские праздники они с Игорем и Митей устроят поход в тайгу. А завтра Игорь придет в гости после школы и принесет книжки о батискафах и подводных лодках. Зачем все-таки полы на подводной лодке были выложены красными кирпичами? Может, капитан заранее приготовился к бунту и собирался вязать эти кирпичины бунтарям на шею? Чтобы топить в море. Хорошо бы написать Бену Ферри и Дювивье и заодно спросить о кирпичах... Интересно, знает ли бабушка, что она удрала в школу?

Она теперь не такая, как прежде. Это ясно не только ей — отцу, бабушке Тане, и конечно Доре Абрамовне. Она изменилась, а люди кругом нет. Ведь она путешествовала всего сорок два часа. Ну что изменилось в городе за сорок два часа? Пыль и прошлогодние листья вымели с улиц. Залили битумом трещины на тротуаре. Покрасили оконные рамы в булочной.

Только и всего, казалось бы...

Но уже поднимаясь по лестнице, Катя схватывает одну странную мысль из многих мыслей, разбегающихся, как мышата.

Вот зачем люди моют, чистят, убирают. Вставляют стекла взамен выбитых, красят стены, замазывают шпаклевкой царапины на партах. Не только для чистоты, не

только от микробов. Чтобы, вернувшись после долгого отсутствия, человек оглянулся и увидел — все как было. Все сохранено. И он наконец-то дома.

ПОСЛЕСЛОВИЕ О КИРПИЧАХ

42 Поставив последнюю точку, я и сам подумал о кирпичах. Катя Гайдученко непременно узнает, зачем они лежали на палубах (на корабле все полы называют палубами). А читатель закроет книжку с обидой — из простых кирпичей целую тайну устраивают!

Нет никакой тайны. Берут их на атомные подводные лодки, чтобы, не всплывая, выкидывать в море кухонные остатки. Картофельные очистки всякие, хлебные корки. Отбросы завязывают в мешки вместе с грузом — кирпичами, — иначе они всплывут и покажут надводным кораблям место подводной лодки. Для долгого подводного плавания приходится брать несколько тысяч штук кирпичей и устилать ими свободные палубы. Вот и всё.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Двадцать семь двоек	5
2. Негр с этикетки	10
3. Явь или сон?	16
4. Второе перемещение	20
5. «Леонардо да Винчи»	29
6. Секрет погиб	39
7. Квадратик	42
8. «Батискайфбритя»	47
9. Чего не знает Катя	53
10. Вот это фокус!	55
11. Катя-радиограмма	61
12. Темно и страшно	72
13. Как шла депеша	73
14. Не понимают!	77
15. Лепесток	84
16. Лекция Квадратика	91
17. Четвертое перемещение	99
18. Столкновение в океане	104
19. Беспokoить нельзя	109
20. Тайна корабля	114
21. Нахожу и настигаю	120
22. Бабушка Таня	127
23. Обвал	131
24. Кусачки	130
25. Два предупреждения	139
26. Капитан и старший помощник	147

27. Очная ставка	154
28. Все готово	158
29. Погружение	159
30. Где Мак?	165
31. Эриберто Солана	169
32. Бунт	174
33. В лаборатории	179
34. Друзья, прощайте!	183
35. Свой!	195
36. Сейф поднят	199
37. Чай-кофей	203
38. Нет контакта	205
39. Благополучное возвращение	210
40. Игрушки для взрослых	216
41. Что будет потом	219
42. Послесловие о кирпичках	222

Д Л Я С Р Е Д Н Е Г О В О З Р А С Т А

Мирер Александр Исаилович

СУБМАРИНА «ГОЛУБОЙ КИТ»

Повесть

Ответственный редактор Н. М. Беркова. Художественный редактор Л. Д. Вирюков. Технический редактор Т. В. Перцева. Корректоры Э. И. Сизова и К. П. Тягельская. Одано в набор 10/IV 1968 г. Подписано к печати 16/VIII 1968 г. Формат 84×108¹/₃₂. 7 печ. л. Усл. печ. л. 11,48 (Уч.-изд. л. 11,4). Тираж 100 000 экз. ТП 1968 № 586. А 05756. Цена 45 коп. на бум. № 3. Издательство „Детская литература“. Москва, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика „Детская книга“ № 1 Госглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущовский вал, 49. Заказ № 2357.

Цена 45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

АЛЕКСАНДР МИГЕР СУЕМАРИНА ГОЛУБОЙ КИТ

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

[SHEVA.SPB.RU/BIB](http://sheva.spb.ru/bib)